

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№ 5–2 2021 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

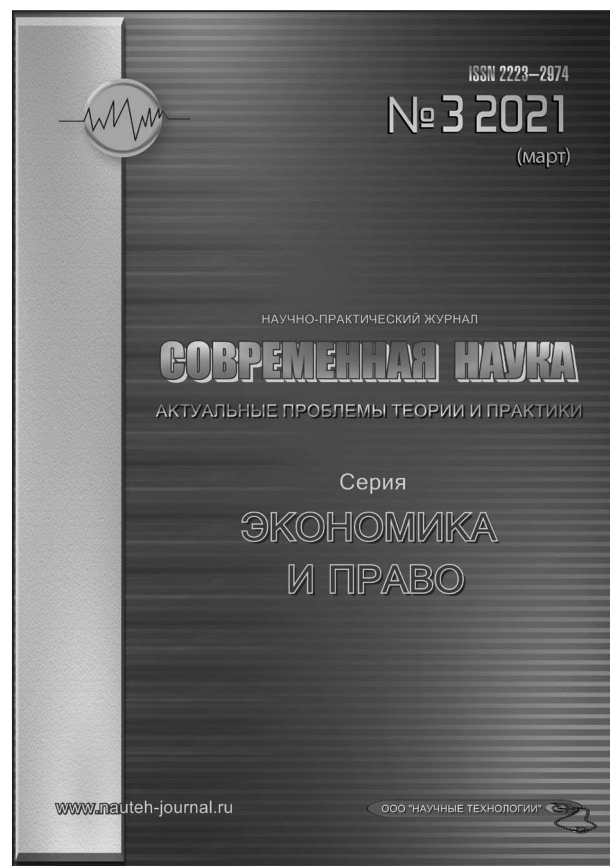
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:

**ЭКОНОМИКА,
ПРАВО**

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 21.05.2021 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, профессор

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления, профессор

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт государства и права РАН, г.н.с.

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор
Северо-Западного института (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета, профессор

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор
Национальный институт бизнеса, профессор

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор Институт
социально-экономических проблем народонаселения
РАН, г.н.с.

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор Российская таможенная академия, профессор

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор
Института экономики РАН, в.н.с.

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса, директор

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., Институт
социально-экономических проблем народонаселения
РАН, в.н.с.

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского, зав.
каф.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, профессор

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина, доцент

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор
Российский государственный гуманитарный университет,
зав. кафедрой

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор Санкт-
Петербургский университет МВД России, профессор

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, профессор

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор Научно-
исследовательского финансового института Минфина РФ,
рук. центра

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент
Российская таможенная академия, доцент

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор
Московский университет МВД России, профессор

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор
Всероссийский государственный университет юстиции,
профессор

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации,
профессор

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор РАНХ
и ГС при Президенте РФ, зав.каф.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА

Горбунова О.А., Асон Т.А., Устинова О.Е. – Влияние иррациональных факторов на поведение российских потребителей в условиях пандемии COVID-19

Gorbunova O., Ason T., Ustinova O. – The influence of irrational factors on the behavior of Russian consumers in a pandemic COVID-19 5

Екименко О.А., Кушелевич Д., Бренделёв А.В., Гулиев И.А. – Регулирование зеленых финансов в развитых странах - пример для России

Ekimenko O., Kusehevich D., Brendeleev A., Guliev I. – Regulation of green finance in developed countries – an example for Russia 10

Зверев А.В., Караваяева Ю.С., Мандрон В.В. – Финансовые технологии и их развитие в условиях цифровизации банковской деятельности

Zverev A., Karavaeva Yu., Mandron V. – Financial technologies and their development in the context of digitalization of banking activities 14

Кудрявцева С.С., Шинкевич М.В., Клименко Т.И. – Институт инноваций в развитии цифровой экономики: роль и особенности в России

Kudryavtseva S., Shinkevich M., Klimenko T. – Institute of innovation in the development of the digital economy: the role and features in Russia. 19

Морковкин Д.Е., Попов В.Р., Гайнуллина Н.Р. – Оценка влияния пандемии COVID-19 на развитие евразийской экономической интеграции и промышленной кооперации

Morkovkin D., Popov V., Gainullina N. – Assessment of the impact of the COVID-19 pandemic on the development of the Eurasian economic Integration and industrial cooperation 23

Пурьскина В.А. – Совершенствование социальной инфраструктуры организации как одного из факторов конкурентоспособности кадровой политики

Puryiskina V. – Improving the social infrastructure of the organization as one of the competitiveness factors of personnel policy 29

Сафиуллин М.Р., Бурганов Р.Т., Ельшин Л.А. – Систематизация эффектов интеграции блокчейн технологий в хозяйственную среду: диалектический подход

Safullin M., Burganov R., Elshin L. – Systematization of the effects of integration of blockchain technologies into the business environment: a dialectic approach 35

Щербаков В.Н., Дубровский А.В. – Формирование научно-технологического контура структурной модернизации

Scherbakov V., Dubrovsky A. – Formation of scientific and technological circuit for structural modernization 42

Право

Васильева Я.В. – Федеральное и региональное законодательство об административных правонарушениях: проблемы соотношения

Vasileva Ya. – Federal and regional legislation on administrative offenses: problems of correlation ... 48

Дмитриева М.С. – Преддоговорная ответственность в сфере государственных закупок

Dmitrieva M. – Pre-contractual liability in the field of public procurement. 53

Ионцев М.А. – Общие принципы урегулирования несостоятельности в современном законодательстве

Iontsev M. – General principles of resolution of insolvency in modern legislation 57

Исаков А.Р., Мирзоев З.Т., Кушхов Х.Л. – Институт мировой юстиции в Кабардино-Балкарской Республике

Isakov A., Mirzoev Z., Kushkhov Kh. – Institute of peace justice in the Kabardino-Balkarian Republic 62

Пантюхина Г.А., Зайко Т.М. – К вопросу об истории роли прокуратуры Российской Федерации по координации деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью

Pantukhina G., Zaiko T. – On the history of the role of the prosecutor's office of the Russian Federation in coordinating the activities of law enforcement agencies in the fight against crime 66

Филимонов А.А. – Значение лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в системе уголовных наказаний

Filimonov A. – The meaning of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities in the system of criminal penalties 72

Чувахин П.И. – Международно-правовые основы противодействия террористической деятельности
Chuvakhin P. – International legal framework for countering terrorist activities 77

Яворский М.А., Степанов М.Е. – Социально-криминологический портрет современного коррупционера

Yavorsky M., Stepanov M. – Socio-criminological portrait of a modern corruptionner 86

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 91

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 92

ВЛИЯНИЕ ИРРАЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

THE INFLUENCE OF IRRATIONAL FACTORS ON THE BEHAVIOR OF RUSSIAN CONSUMERS IN A PANDEMIC COVID-19

O. Gorbunova
T. Ason
O. Ustinova

Summary: In modern conditions, irrational factors that influence consumer behavior are becoming important for forecasting the demand for goods and services. The article presents the evolution of views on the role of irrational factors in the economy, analyzes the influence of irrational factors on consumer behavior in the context of the COVID-19 pandemic. As part of this study, a survey of working-age residents of Moscow was conducted. This study showed that in a pandemic, irrational factors influence the consumer behavior of Russians; however, the assessment of this influence revealed a different degree of such influence. According to the research results, irrational factors are grouped depending on the degree of influence on consumer behavior when making a purchase decision.

Keywords: irrational factors, consumer behavior, purchases, decision making, pandemic.

Горбунова Ольга Анатольевна

к.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ
OAGorbunova@fa.ru

Асон Татьяна Анатольевна

к.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ
TAAson@fa.ru

Устинова Ольга Евгеньевна

к.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ
OEUstinova@fa.ru

Аннотация: В современных условиях важное значение для прогнозирования спроса на товары и услуги приобретают иррациональные факторы, оказывающие влияние на потребительское поведение. В статье представлена эволюция взглядов на роль иррациональных факторов в экономике, проведен анализ влияния иррациональных факторов на поведение потребителей в условиях пандемии COVID-19. В рамках данного исследования проведен опрос жителей Москвы трудоспособного возраста. Данное исследование показало, что в условиях пандемии иррациональные факторы оказывают влияние на потребительское поведение россиян, однако оценка этого влияния выявила различную степень такого воздействия. По результатам исследования иррациональные факторы сгруппированы в зависимости от степени влияния на потребительское поведение при принятии решения о покупке.

Ключевые слова: иррациональные факторы, поведение потребителя, покупки, принятие решения, пандемия.

В современных условиях ученые признают важность влияния иррациональных факторов на принятие решений человека. Эти факторы напрямую влияют на формирование единого набора товаров длительного пользования. Психологические факторы влияют на экономический рост опосредованно и постепенно через увеличение совокупного спроса и предложения, потребления, инвестиций и сбережений. Исследование направлено на изучение индивидуального поведения потребителей и его причин. Анализ потребителей был проведен с учетом воздействия пандемии COVID-19, он позволил сделать выводы, что во время кризиса усиливается влияние одних иррациональных факторов на принятие решений о покупке, а влияние других – ослабевает. Такого рода исследования на российском рынке практически не проводятся, поскольку важность иррациональных факторов и необходимость их учета во время построения экономических моделей не является стратегической важной задачей. Однако, на наш взгляд, без учёта иррациональных факторов невозможно пра-

вильно предсказать и истолковать экономическое поведение потребителя и его мотивы при совершении покупки.

Поведенческая макроэкономика изучает причины и последствия влияния на принятие экономических решений на макроуровне эмоциональных и психологических факторов, а также изменение экономических переменных из-за влияния социальных факторов. Первым экономистом, обратившим внимание на иррациональность в экономике, был Адам Смит (1776) [7]. Он утверждал, что стремление людей к богатству, являющееся одним из двигателей экономических отношений, представляет собой ничто иное, как попытку привлечь к себе внимание и выделиться на фоне окружающих, при этом вызвав у них ответную реакцию в форме похвалы и признания. Однако, в "Теории праздного класса" (Торстейн Веблен, 1934) [3] роль психологических, социальных, религиозных факторов связана с их влиянием на экономические решения, принимаемые индивидами, и доказал, что эти

решения на самом деле часто подрывают благосостояние индивида, а не укрепляют его.

Несмотря на то, что экономическая деятельность, прежде всего, обусловлена рациональными мотивами, значительная её часть тесно связана с иррациональными побудительными импульсами (Дж.М. Кейнс, 1936) [5]. По мере роста доходов склонность общества к потреблению растёт, а при сокращении доходов снижается, но медленно. Изыскания Дж. М. Кейнса послужили основой для проведения новых исследований, цель которых заключалась в изучении роли психологических факторов в колебаниях, свойственных рыночной системе (Дж. Катон, 1951) [12], построение модели рационального выбора (Герберт Саймон, 1975) [14], использование методов экономического анализа для изучения поведения людей (Гэри Бэккер, 1976) [4], изучение причин различий между неоклассической теорией и реальными обстоятельствами принятия экономических решений (Д. Канеман и А. Тверски, 1979) [11].

Данное исследование доказывает, что основные поведенческие факторы, способные влиять на экономическое поведение потребителей при принятии решения. Позже начали появляться единичные исследования из сферы поведенческой экономики, авторы которых стремились более точно понять, каким образом потребитель принимает решение о покупке. Была разработана альтернативная теория потребительского поведения (Д. Макфадден и Дж. Хекман,) [13] в соответствии с которой на выбор потребителя оказывает влияние вся совокупность социальных, психологических, географических и других факторов, которые выступают переменными в функции потребления. Гундуз Кагинальп (профессор математики и главный редактор *Journal of Behavioral Finance*, 2000—2004) [9], изучал возможность установления тенденций поведения людей. Психологические факторы влияют на экономический рост опосредованно и постепенно через увеличение совокупного спроса и предложения, потребления, инвестиций и сбережения (Ричард Талер, 2008) [16]. Тем не менее, существует серьёзный пробел в описании и объяснении явлений, происходящих одновременно под действием рациональных и иррациональных факторов, если присутствуют как экономические, так и неэкономические мотивы (Дж. Акерлоф) [9]. Мировой кризис 2008-2010 гг. послужил признанию необходимости принимать во внимание психологические факторы во время прогнозирования экономического роста той или иной страны (Р. Шиллер и Дж. Акерлоф, 2010) [1]. Стадное поведение, уровень доверия, оптимизм и пессимизм, а также другие психологические явления, по мнению учёных, играют решающую роль во время принятия экономических решений.

В рамках реализации комплексного изучения иррациональных факторов, влияющих на принятие решения

о покупке, было принято решение о проведении анкетного опроса жителей города Москвы старше 18 лет при рассчитанной квотированной выборочной совокупности. Определение выборки было обусловлено рядом социальных и экономических характеристик региона, свидетельствующих о наиболее высоком уровне платежеспособного спроса и потребительской активности населения.

Исследования базировались на методике количественного подхода в ее реализации. Отметим, что при выработке общей концепции исследовательской гипотезы, в инструментариях присутствует блок вопросов, отражающих особенности потребительского поведения при совершении покупок. Бланк анкеты содержал ряд вопросов, характеризующих иррациональные факторы, среди которых, психологический «якорь», взаимная выгода, «стадное» поведение предпочтение потребления в настоящем времени потреблению в будущем и другие в соответствии с заданной шкалой для выявления степени их влияния.

Расчет объема выборочной совокупности для количественного опроса потребителей, товаров повседневного спроса и продовольственных товаров при известном объеме генеральной совокупности производится по следующей формуле 1:

$$n = (t^2 * \sigma^2 * N) / (N * \Delta^2 + t^2 * \sigma^2), \quad (1)$$

где: n – объем выборочной совокупности, Δ – величина допустимой ошибки в долях, N – величина генеральной совокупности, t – коэффициент доверия (критерий достоверности), σ – дисперсия или мера рассеивания исследуемого признака, характеризующая величину отклонения от средних величин в генеральной совокупности. Определение необходимого числа выборочных единиц осуществляется на основе следующих параметров: предельная ошибка выборки равна 0,05, а коэффициент доверия – 2 при дисперсии 0,5. Данные параметры обеспечивают высокую достоверность результатов опроса в 95% случаев с предельной ошибкой $\pm 5\%$.

Согласно официальным данным, в городе Москва на 01 января 2019 года проживает 12 615 300 жителей [6]. Учитывая, что в соответствии с программой и задачами исследования планировался опрос совершеннолетних граждан (трудоспособного и старше трудоспособного возраста), генеральную совокупность составили именно эти категории москвичей (таб. 1).

В соответствии с тем, что представленная генеральная совокупность отличается своей неоднородностью, было принято решение квотировать выборочную совокупность по полу. Фактически в исследовании были опрошены и приняты к анализу данные 400 жителей го-

Таблица 1.

Распределение совершеннолетнего населения города Москвы по полу и трудоспособности в 2019 г.

Пол	Трудоспособный возраст	Старше трудоспособного	Всего, тыс.	%
Мужчины	3708,0	1131,4	4839,4	45,27
Женщины	3484,8	2365,7	5850,5	54,73
Итого	7192,8	3497,1	10689,9	100%

Рис. 1. Доля респондентов, подверженных влиянию иррациональных факторов
 Источник: составлено авторами

рода Москвы, что позволило получить целостную картину воздействия иррациональных факторов на потребительское поведение, а также выявить оценку их влияния. Для анализа данных анкетного опроса исследования сформирована база с использованием программного пакета Qlik Sense. Обработка собранной информации и основные расчеты осуществлялись за счет построения частотных распределений по опросу, а также таблиц сопряженности параметров контрольных вопросов с социально-демографическими данными респондентов.

Определяя степень влияния иррациональных факторов на поведение человека при совершении покупок, особое внимание было уделено таким факторам как эффект сноба, доверие, импульсные покупки, эффект Дидро, теория перспектив, неприятие неравенства, неоправданная уверенности, якорь. Также рассматривались факторы, которые влияют в меньшей степени, но играют

определенную роль во время принятия экономических решений, такие как денежные иллюзии, эффект обладания, эффект меньше - лучше, предпочтение текущего потребления (рис.1). Результаты анализа подтверждают теорию Р. Шиллера и Дж. Акерлофа, занимающихся изучением иррациональных факторов, влияющих на поведение человека при принятии решения о совершении покупки.

Пандемия COVID-19 и вызванный ей экономический спад изменили потребительское поведение жителей России. Ученые пока не могут спрогнозировать срок окончания пандемии, также не понятно в течение какого периода произойдет восстановление экономики. В этих условиях потребительское поведение россиян связано с рациональностью выбора и желанием экономить. Среди опрошенных россиян достаточно большая часть (32%) относится к новым товарам скептически и вообще не

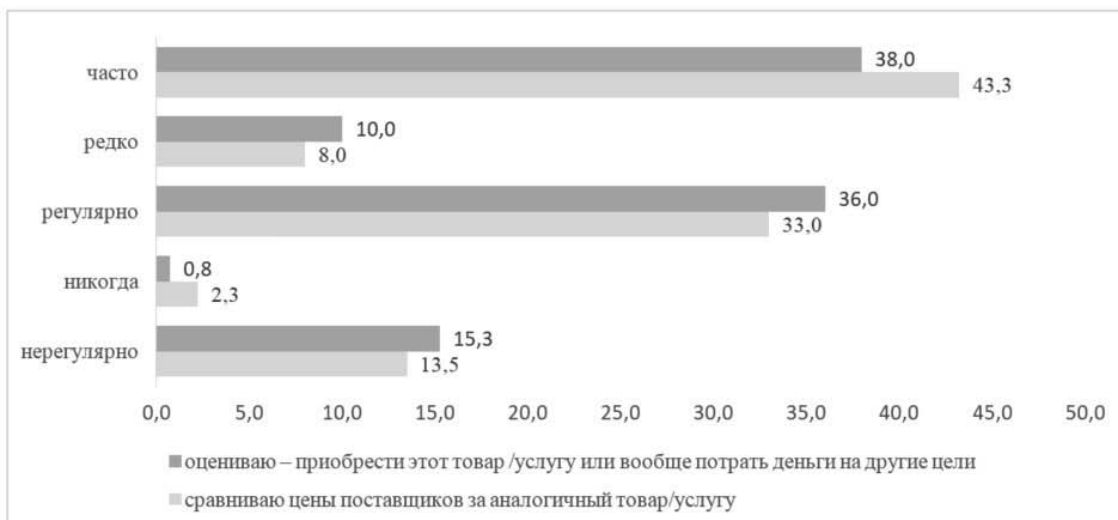

Рис. 2. Принятие решения о совершении покупки под влиянием психологических «якорей»
 Источник: составлено авторами

готовы к приобретению инновационных товаров в условиях пандемии. К новаторам, которые наиболее склонны к риску, восприимчивы к инновационным товарам, приобретают их при первом появлении на рынке относятся только 6% опрошенных.

О большей склонности к экономии говорит и готовность россиян к ремонту сломанных вещей (45,5%) вместо приобретения новых товаров. Однако большая часть россиян готова к приобретению новых вещей вместо сломанных и испорченных (49,6%), что свидетельствует о потенциальной возможности приобретения и инновационных товаров. Во время пандемии российские жители стали разумнее подходить к совершению покупок, о чем свидетельствуют данные анализа. Анализ показал, что в период кризиса люди склонны к накопительству и таких большинство (79%), приобретают товар «впрок», зная, что цены на товары увеличатся и лишь у 19,3 % респондентов увеличение цены не вызывает желание приобрести товар (эффект сноба).

Эффект Дидро возникает в том случае, если при совершении покупки у покупателя появляется желание приобрести сопутствующий товар, среди опрошенных данному эффекту подвержены 83,3%, при этом 49,8% респондентов иногда совершают покупки сопутствующих товаров, 18% - очень редко. Изучая иррациональный фактор «стадное поведение», следует отметить, что собственное мнение и опыт являются определяющими характеристики при совершении покупки (89% опрошенных), но эффекту толпы подтверждены в большей степени женщины, чем мужчины, 42% и 23 % соответственно.

Анализируя поведение человека при совершении покупки, необходимо оценить его психологическую установку на сопротивление случайным проявлениям

неравенства. 60,1% опрошенных не готовы пожертвовать возможной выгодой для того, чтобы помешать кому-либо получить выгоду при несправедливых условиях. При этом 24,3% респондентов готовы сделать замечание и 13,3 % сообщить администрации о нарушении.

В ходе исследования выявлено, что иррациональный оптимизм максимально убеждает покупателей приобрести товар (76,3 % - в пользу против 23,7%). Покупатели оценивают товар, сравнивая его с аналогичными, и ссылаясь на прошлый собственный опыт (рис. 2). Причем, большинство опрошенных в случае отсутствия нужной суммы не приобретут товар, используя заёмные средства (59,89%), или же это происходит в очень редких случаях (18,3%). Морально-этические факторы сдерживают опрошенных и от совместных покупок с родственниками или друзьями (40,8%), но 32 % опрошенных совершают покупки «вскладчину», если это касается совместного торжества.

Также было выяснено, что в момент неопределенности человек совершает покупки, опираясь на собственный предыдущий опыт (89,5% опрошенных). Однако, 77,1 % респондентов предпочитают ознакомиться с отзывами покупателей или же прочитать обзор, если речь идет о покупке нового для них товара.

Импульсные покупки совершают практически все респонденты (94,9%), однако при этом 37,3% опрошенных совершают такие покупки очень редко и 40,3% иногда совершают импульсные покупки. В ходе анализа выявлено, что, когда речь идет о принятии решения рискованной покупки, 73,0 % респондентов не готовы к этому, и для них важнее избежать потери, чем приобрести выгоду. Причем, примерно на 10% больше женщин, воспринимающих потери острее, чем мужчин.

В период пандемии российские граждане стали более сдержанные в приобретении товаров, о чем свидетельствуют данные. Так, большинство опрошенных признались, что готовы совсем отказаться от покупки (57%), если количество имеющихся на текущий момент ресурсов не сопоставляется со степенью эмоциональной убедительности аргументов в его пользу. Текущий кризис заставляет потребителей менять свои предпочтения.

Так, категория товаров «продукты питания» является основной для опрошенных респондентов (81%), также особое место занимает категория «хозяйственные товары» (68,5 %), изменилось отношение относительно «обуви и одежды»: только для 40% респондентов данная категория осталась важной, остальной процент опрошенных (60%) отнесли ее не первой степени необходимости. Что касается предметов роскоши и недвижимости, то российские граждане (60,6%) не видят смысла приобретать товары данной категории. Даже, такие долгосрочные покупки, как телевизор, холодильник и пр., перестали иметь важное значение для большинства

числа опрошенных (70,1%).

Исследование показало, что в условиях пандемии COVID-19 предпочтения граждан России изменились. Потребители во время пандемии приобретают в основном продукты питания и хозяйственные товары, а одежда и обувь перестали быть товарами первой необходимости, предметы роскоши и недвижимость уже не имеют важного значения, откладываются и долгосрочные приобретения. Российские потребители склонны к экономии и не готовы брать кредит для покупки, они предпочитают откладывать средства на будущие крупные приобретения. В условиях пандемии у россиян не возникает желания к приобретению новых инновационных товаров и совершения необдуманных и рискованных покупок.

Учитывая выявленные особенности влияния иррациональных факторов на принятие решений о покупке в условиях пандемии, актуальным становится дальнейшее изучение возможности воздействия на потребительское поведение путем разработки маркетинговых мероприятий в период локдауна и после окончания пандемии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акерлоф, Дж. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма / Дж. Акерлоф, Р. Шиллер; пер. с англ. Д. Прияткина; под научн. ред. А. Суворова; вступ. ст. С. Гуриева - М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. - 273 с. Режим доступа: <http://www.library.fa.ru/files/Akerlof-Shiller.pdf>
2. Боулз С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменяют хороших граждан/Пер. с англ. Д. Шестакова. - М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 336 с.
3. Веблен, Торстейн Бунде. Теория праздного класса : The theory of the leisure class. An economic study of institutions / Т. Веблен ; пер. с англ., вступ. ст. и примеч. С.Г. Сорокиной ; общ. ред. В.В. Мотылева. — Изд. 4-е. — М.: ЛИБРОКОМ, 2011. — 365 с.
4. Гэри Бэкер. Человеческое поведение. - М.: ГУ ВШЭ, 2003. - 670 с.
5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с.
6. Российский статистический ежегодник. 2019: Стат.сб. / Росстат. — М., 2019 — 708 с.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с.
8. Akerlof, G. The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanism. The Quarterly Journal of Economics, v.84 - No. 3 - August 1970, p.488-500.
9. Caginalp, G. Does the market have a mind of its own, and does it get carried away with excess cash? // Journal of Psychology and Financial Markets. - 2002. - Vol 3 - №2. - p.72-75 Retrieved from: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1207/S15327760JPFM0302_01
10. Heckman, J. Longitudinal Analysis of Labor Market Data.-
11. Cambridge University Press, 1985. - 410 p.
12. Kahneman, D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica, Vol. 47, No. 2 (Mar., 1979), pp. 263-291
13. Katona, G. Psychological Analysis of Economical Behavior. - N.Y. McGraw-Hill, 1951. - p. 9.
14. McFadden, D. Conditional Logit Analysis of Qualitative Choice Behavior. Ed. by P. Zarembka. New York, 1973. - P. 105-142
15. Simon, H. Models of Man: Social and Rational. - New York: John Wiley & Sons, 1957. - p. 164.
16. Smith, A. Behavioral Economist. Journal of Economic Perspectives. — 2005.- 19 (3), pp 131-145.
17. Thaler, R., Sunstein, H. Cass R. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, And Happiness. - New Haven: Yale University Press, 2008. — 293 p

© Горбунова Ольга Анатольевна (OAGorbunova@fa.ru), Асон Татьяна Анатольевна (TAAson@fa.ru),

Устинова Ольга Евгеньевна (OEUstinova@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕЛЕННЫХ ФИНАНСОВ В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ – ПРИМЕР ДЛЯ РОССИИ

REGULATION OF GREEN FINANCE IN DEVELOPED COUNTRIES – AN EXAMPLE FOR RUSSIA

**O. Ekimenko
D. Kushelevich
A. Brendelev
I. Guliev**

Summary: Green finance has become one of the main trends in the development of the 21st century financial system. Their integration into national development strategies, great attention to them at the international level and a number of other measures aimed at the development of this financial sector speaks of its great influence on the world economy. Developed and developing countries' approaches to the development of this sector differ significantly, but a number of key points remain the same. The authors have identified these points as the most frequently used stages in the formation of green finance in developed countries. Some national innovations in this system are also highlighted. The Russian green finance market is in a state of constant contradictions between key regulators, and therefore the approaches that exist in developed countries and those countries that have advanced far on the path of developing green finance are not suitable for the Russian Federation. The authors have highlighted several recommendations and issues that need to be implemented and resolved in Russia for a decent development of the green finance sector.

Keywords: Russia, green finance, regulation, developed and developing countries, contradictions.

Екименко Олеся Александровна

Соискатель, МГИМО МИД России,
olesya.myjob@gmail.com

Кушелевич Дариуш

Соискатель, МГИМО МИД России,
estatic990@gmail.com

Бренделёв Антон Валерьянович

Соискатель, МГИМО МИД России,
abrendelev@gmail.com

Гулиев Избал Адилевич

К.э.н, доцент, МГИМО МИД России
gulievia@mail.ru

Аннотация: Зеленые финансы стали одним из главных трендов развития финансовой системы XXI века. Их интеграция в национальные стратегии развития, большое внимание к ним на международном уровне и ряд других мер, направленных на развитие этого финансового сектора говорит о большом его влиянии на мировую экономику. Подходы развитых и развивающихся стран к развитию этого сектора значительно отличаются, однако ряд основных моментов неизменен. Авторы выделили эти моменты в качестве наиболее часто используемых этапов формирования зеленых финансов в развитых странах. Также выделены некоторые национальные инновации в этой системе. Российский рынок зеленых финансов находится в состоянии постоянных противоречий между ключевыми регуляторами, в связи с чем те подходы, которые существуют в развитых странах и тех государствах, которые продвинулись далеко на пути развития зеленых финансов, мало подходят РФ. Авторами выделено несколько рекомендаций и вопросов, которые необходимо выполнить и решить России для достойного развития сектора зеленых финансов.

Ключевые слова: Россия, зеленые финансы, регулирование, развитые и развивающиеся страны, противоречия.

Климатическая повестка стала сегодня одной из главных тем международного обсуждения, в частности, в рамках ведущих международных институтов развития таких как ООН, Группа Всемирного банка, а также региональных институтов, например, Нового банка развития БРИКС (НБР). Тема представляет интерес поскольку происходят глобальные климатические изменения, вызванные деятельностью человека и решить возникающие вследствие этого проблемы можно только в тесной кооперации стран [1]. Подобный подход вне международных институтов представляется исключительно сложным и финансово затратным.

Ряд развитых стран в этой связи пришли к выводу, что расходы по финансированию зеленых проектов необходимо возложить на плечи налогоплательщиков. Этим путем пошла, например, Германия [2], которая увеличение тарифов за электроэнергию вследствие раз-

вития зеленой энергетики возложила на тех граждан, которые не стали устанавливать средства генерирования зеленой энергии. Таким образом, получилось, что последние платят больше по тарифу, а те, кто установил средства производства зеленой энергии заплатили больше, но одновременно в момент покупки и установки энергогенерирующих систем. Австралия также видит возможность переложить часть ответственности за более экологичную утилизацию отходов на население, но в меньшей степени, чем Германия.

Другой подход к проблеме был принят в США, а также в середине 2020 года и в ЕС [3] (включая ФРГ). Этот подход предлагает несколько различных вариантов обеспечения развития экологических проектов путем стимулирования их финансово. В рамках этой статьи необходимо решить ряд задач. Во-первых, необходимо определиться с классификацией зеленых финансовых

инструментов и сравнить подходы к этим вопросам, например, в ЕС и в России. В связи с тем, что в России эти вопросы проработаны слабо, необходимо выделить те развивающиеся страны, где они решены тем или иным образом и привести примеры таких решений в качестве действующих рекомендаций для РФ. Во-вторых, необходимо предложить меры системного регулирования зеленых финансов в России с целью улучшить реальную отдачу от таких проектов.

Зеленые финансы – понятие, обобщающее ряд различных инструментов. Среди них принято выделять некоторые ключевые. Рассмотрим особенности каждого.

1. Зеленые облигации. Этот инструмент наиболее известен и прост в применении. Его смысл заключается в том, что средства, получаемые от эмиссии зеленой облигации должны быть обязательно и в полном объеме направлены на реализацию зеленых проектов, которые, в свою очередь, должны соответствовать характеристике «зеленых»[4]. То есть, изначально проект оценивается по его влиянию на экологию, а только затем производится просpekt эмиссии. Этот инструмент достаточно понятен, так как несмотря на различные подходы к оценке того, насколько проект зеленый, общая его оценка с этой точки зрения прозрачна.
2. Зеленые фондовые индексы. Здесь речь идет об информационном рыночном ресурсе. По сути, название зеленые они носят исключительно потому, что они оценивают деятельность эмитентов зеленых бумаг и компании, деятельность которых напрямую связана с экологией. К таким индексам относятся, например, S&P Global Clean Energy Index, NASDAQ Clean Edge Green Energy Index[5] и пр. Обратим внимание, что эти индексы оценивают в основном энергетику, хотя известно, что внимание к экологическим проблемам требуется не только от компаний энергетического сектора[6].
3. Страховые зеленые бумаги, направленные на хеджирование рисков по развитию зеленого финансового сектора. К этим бумагам относятся «погодные деривативы», углеродные фьючерсы и форварды и пр [7]. По своей сути эти ценные бумаги близки к следующей категории финансовых инструментов, но их основным отличием можно считать цель использования. Этот момент на сегодняшний день не регулируется ни на государственном, ни на наднациональном уровне, таким образом, происходит финансиализация экологического сектора.
4. Зеленые производные бумаги. Это – наиболее обширный и непрозрачный сегмент рынка зеленых бумаг, основу для которых составляют не те инструменты, которые реально направлены на развитие зеленых проектов, а те, которые спекулируют последними.

Эти 4 основных группы финансовых инструментов объединены одним исключительно важным элементом, который является системой, объединяющей все выше-названные финансовые продукты и являющейся основой для функционирования зеленых финансов – зеленой банковской системой. Она генерирует условия для реализации зеленых проектов, а также формирует зеленый кредит – один из наиболее больших по объему финансовых ресурсов (164,7 млрд. \$)[8] инструментов зеленых финансов. В совокупности, все вышеперечисленные инструменты представляют собой зеленые финансы.

Как было продемонстрировано ранее, регулирование зеленых финансов в различных странах отличается, во многом этот вопрос зависит и от того, является ли страна членом того или иного интеграционного объединения. Важно определить, какие финансовые инструменты реально являются зелеными, а какие нет, так как государство предоставляет поддержку зеленым проектам, тогда как псевдозеленые финансы оттягивают на себя часть ресурсов, при этом не являясь полезными как государству, так и обществу и экологии. Россия на сегодняшний день очень слабо регулирует зеленые финансы, и это – нормальное явление, поскольку эти финансовые продукты в РФ появились только недавно [9]. Вообще, стоит задать вопрос, насколько они нужны России и нашей экономике, поскольку даже в развитых странах возникает ряд вопросов по их применению, тогда как российская финансовая система остается на более низком уровне развития. Помимо этого, этот вопрос особенно актуален по причине того, что РФ отстает от западных стран в сфере зеленой энергетики и декарбонизации, в связи с чем формирование финансового сектора, обслуживающего то, чего фактически нет, приведет к перегреву экономики.

Развитые страны внедрили в свои финансовые системы ряд мер, позволяющих классифицировать зеленые финансы и управлять ими. Меры национальных регуляторов разнообразны, некоторые из них перечислены в таблице 2, хотя развивающиеся страны и отличаются большим разнообразием подходов к проблеме. Основные меры, которые предпринимают развитые страны в сфере зеленого финансирования представлены в таблице 1.

Таблица 1 наглядно демонстрирует общность подходов к зеленым финансам и недопустимость различного толкования этого понятия. Тем не менее, авторы считают, что инновации в этой сфере приветствуются, более того, национально специфические подходы необходимы для максимально эффективного использования инструментария финансового рынка.

Именно такая национальная специфика и формиру-

Таблица 1.

Стадии регулирования зеленых финансов в развитых странах [10]

Мера	Характеристика
Таксономия зеленых финансов	Определяет, что отнести к зеленым финансам, какие инструменты существуют в этой сфере, каковы цели и задачи зелёного финансирования, а также какие виды хозяйственной деятельности действительно зеленые,
Стандартизация зеленых финансов	Предполагает создание единого инструментария на финансовом рынке, а также сертификацию тех или иных инструментов.
Зеленое страхование	Включает в себя инструменты, перечисленные в соответствующем пункте ранее, но ограничивает круг их возможного применения до страхования рисков.
Критериальная оценка	Вырабатываются основные критерии проектов, в соответствии с которыми их можно отнести к зеленым.

Таблица 2.

Достижения развивающихся стран в области зеленых финансов [8]

Страна	Мера регулирования	Результат
Китай	Рекомендации по экологизации финансовой системы	Китай стал одним из пионеров отрасли зелёных финансов, в двух провинциях запущены пилотные проекты зеленой банковской системы (!!!!!), сформированы значительные возможности дальнейшего развития экономики в рамках зеленых проектов.
Китай	Экологизация мировой финансовой системы (программа в рамках председательства КНР в G-20)	Китай стал первой развивающейся страной, разработавшей принципы обращения зеленых облигаций и кредитов. Помимо этого, КНР получил возможность заявить о себе как о пионере отрасли зеленых финансов.
Индия	Основные требования к зеленым облигациям	Результатом регулирования стало то, что страна оказалась на одном из первых мест в мире по скорости развития зеленых проектов. Помимо этого, в мировом масштабе выработаны практики отнесения ценной бумаги к зеленым облигациям, представленные выше.
Индонезия	«Дорожная карта» развития финансового рынка	В рамках этого документа прописаны конкретные меры по регулированию рынка зеленых финансов и его постепенной инкорпорации в общенациональную финансовую систему, в частности, даны характеристики тем продуктам финансового рынка, которые страна относит к зеленым.
Бангладеш	Инкорпорация принципов озеленения банковской системы в регуляторную систему	Ежегодно страна проводит мониторинг исполнения этих принципов и доказывает, что зеленые финансы способствуют развитию даже наименее развитых стран, особенно нуждающихся в финансовых ресурсах.
Монголия	Разработка принципов зеленого банкинга	Результаты пока очень скромные, так как финансовый рынок Монголии развит очень слабо, в связи с чем в результате разработки общих подходов к зеленым финансам страна нивелировала риски развития псевдозеленого финансового сектора.
Бразилия	Модернизация стандарта «Базель-3»	Бразилия стала первой страной, включившей в стандарт «Базель-3», обязательный к исполнению банками экологические риски. В результате, банковская система страны стала более устойчивой к кризисам, а также снизилось количество теневых банковских операций, в том числе связанных с нарушением экологического законодательства.

ется развивающимися странами. Рассмотрим основные достижения развивающихся стран в сфере таксономии и регулирования зеленых финансов, представленные в таблице 2.

Россия на сегодняшний день находится на этапе многочисленных разногласий по вопросам зеленых финансов. Ни один из целевых органов или крупных игроков рынка не может согласовать с другими критерии зеленых инвестиций. Федеральный закон от 23 ноября 2009 года № 261-ФЗ "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" уже устарел, тогда как более ранняя законодательная база не носит характер адекватной современным ус-

ловиям. Приведем основные противоречия в таблице 3. Таким образом, результаты анализа данных по регулированию зеленых финансов в России явно демонстрируют тенденцию размывания этого понятия. В целях предотвращения формирования псевдозеленого сектора, авторы рекомендуют российскому банковскому сектору разработать единые национальные стандарты, в соответствии с которыми развивать зеленые финансы.

Уместно предложить следующие шаги для дальнейшего развития российского сектора зеленых финансов с учетом опыта стран, прошедших этот путь:

1. Разработать систему целей и задач зеленого финансирования – будет ли это уплата за загрязнение окружающей среды или же, наоборот, поощ-

Таблица 3.

Противоречия регулирования зеленых финансов в России [12]

Актор	Суть противоречия	Орган
ЦБ	Указывает на необходимость возврата средств владельцам зеленых облигаций в случае нецелевого использования полученных финансовых ресурсов.	Минфин, ВЭБ. Эксперт РА, АКРА, Минэкономразвития
Минфин	Оказывает поддержку зеленым облигациям РЖД, которые не соответствуют требованиям ЦБ к зеленой эмиссии	ЦБ
Минэкономразвития	Оставляет определение критериев зеленых проектов за собой	ЦБ, ВЭБ, Эксперт РА, АКРА
Минпромторг	Оказывает поддержку зеленым облигациям компаний, которые оказывают значительный негативный эффект на экологию	ЦБ, ВЭБ, Эксперт РА, АКРА
Минприроды	Не предпринимает никаких действий	
ВЭБ, Эксперт РА, АКРА	Зеленые облигации должны соответствовать требованиям международной ассоциации рынков капитала, но не требованиям ЦБ	ЦБ, Минэкономразвития

рение зеленого развития.

2. Разработать систему критериев оценки финансового инструмента как зеленого. Кто должен определять, является ли ценная бумага зеленой или нет – ЦБ или профильное ведомство, занимающееся природоохраной (Минприроды), а также кто будет контролировать обращение подобных бумаг и целевое использование полученных средств.
3. Разработать систему зеленого страхования, соответствующую российским реалиям во избежание

спекуляции инструментами зеленого финансирования.

Таким образом, российская финансовая система на сегодняшний день не готова к использованию зеленых финансов, более того, многочисленные противоречия ведут к размыванию самого понятия. В качестве модели для развития российского рынка зеленых финансов полностью не подходит ни один из примеров успешного рыночного развития этого сектора, однако общие закономерности развития зеленых финансов в развитых странах РФ может использовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьева М.А. Глобальные экологические проблемы современности: тенденции // Теория и практика общественного развития. - 2015. - №15.
2. Пашка М. Правовые аспекты новой энергетической политики Германии // Записки Горного института. - 2017. - С. 487-497.
3. EU taxonomy for sustainable activities // EU URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/sustainable-finance/eu-taxonomy-sustainable-activities_en (дата обращения: 22.03.2021).
4. Богачева О.В., Смородинов О.В. "Зеленые" облигации как важнейший инструмент финансирования "зеленых" проектов // Финансовый журнал. - 2016. - №2(30). - С. 70-82.
5. Nasdaq Clean Edge Green Energy Index (CELS) // NASDAQ URL: <https://cleanedge.com/indexes/stock-index/cels> (дата обращения: 22.03.2021).
6. Грачев В.А., Плямина О.В. Глобальные экологические проблемы, экологическая безопасность и экологическая эффективность энергетики // Век глобализации. - 2017. - №1(21). - С. 86-98.
7. Об инструментах «зеленого» финансирования // URL: <https://energy.s-kon.ru/ob-instrumentah-zelenogo-finansirovaniya/> (дата обращения: 22.03.2021).
8. Архипова В.В. «Зеленые финансы» как средство для решения глобальных проблем // Экономический журнал Высшей школы экономики. - 2017. - №2. - С. 312-333.
9. Семенова Н.Н., Еремина О.И., Скворцова М.А. «Зеленое» финансирование в России: современное состояние и перспективы развития // Финансы: теория и практика. - 2020. - №2. - С. 39-50.
10. Sharif M., Vijay K.K. Green Finance: A Step towards Sustainable Development // MUDRA Journal of Finance and Accounting. - 2018. - №5-1. - С. 59-74.
11. Как навести порядок в зеленом финансировании // VTimes URL: <https://www.vtimes.io/2020/10/12/kak-navesti-poryadok-v-zelenom-finansirovanii-a244> (дата обращения: 22.03.2021).

© Екименко Олеся Александровна (olesya.myjob@gmail.com), Кушелевич Дариуш (estatic990@gmail.com),
Бренделёв Антон Валерьянович (abrendelev@gmail.com), Гулиев Игбал Адилевич (gulievia@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИНАНСОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

FINANCIAL TECHNOLOGIES AND THEIR DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF BANKING ACTIVITIES

A. Zverev
Yu. Karavaeva
V. Mandron

Summary: Russian banks are characterized by active participation in the processes of digitalization and the introduction of the latest financial technologies. This trend has penetrated into all areas of activity of credit institutions, without it, their progressive development is currently not possible. Such a circumstance is justified by the consistently high ratings of the financial and banking sector, both at the national and international levels. This article examines the stages of transformation of the banking system caused by the processes of digitalization of the country's economy, current trends in mobile banking, their advantages and disadvantages, and the distinctive features of the external and internal environment factors that affect the processes of introducing new financial technologies into banking practice. On the basis of the conducted analysis, the necessity of developing and making strategic decisions regarding the effectiveness of digitalization of the financial and banking sector was justified, taking into account the degree of influence of exogenous and cognitive factors on this process, as well as the negative impact of risks associated with informatization and robotics in this area.

Keywords: financial and banking system, financial technologies, transformation, digitalization, impact factors, efficiency.

Зверев Алексей Витальевич

К.э.н., доцент, Брянский государственный университет
zverev28@yandex.ru

Каравеева Юлия Сергеевна

К.э.н., доцент, Брянский государственный университет
KaravaevaJS@yandex.ru

Мандрон Виктория Валериевна

К.э.н., доцент, Брянский государственный университет
mandron.v@yandex.ru

Аннотация: Для российских банков характерно активное участие в процессах цифровизации и внедрение новейших финансовых технологий. Данный тренд проник во все сферы деятельности кредитных организаций, без него в настоящее время не представляется возможным их поступательное развитие. Подобное обстоятельство обосновывается стабильно высокими рейтингами финансово-банковского сектора, как на национальном, так и на международном уровне. В данной статье рассмотрены этапы трансформации банковской системы, обусловленные процессами цифровизации экономики страны, актуальные тренды мобильного банкинга, их преимущества и недостатки, отличительные черты факторов внешней и внутренней среды, воздействующих на процессы внедрения новых финансовых технологий в банковскую практику. На основе проведенного анализа была обоснована необходимость разработки и принятия стратегических решений в отношении эффективности цифровизации финансово-банковского сектора с учетом степени влияния экзогенных и когнитивных факторов на данный процесс, а также негативного влияния рисков, связанных с информатизацией и роботизацией в данной сфере.

Ключевые слова: финансово-банковская система, финансовые технологии, трансформация, цифровизации, факторы воздействия, эффективность.

Жизнь современного общества в настоящее время трудно себе представить без применения средств информатизации и коммуникационных технологий. Сфера экономики в полной мере вовлечена в данный процесс, своим примером отражая необходимость активного внедрения инновационных и цифровых разработок. Подобная установка влечет за собой изменения в тех сферах экономики, где предполагается активное использование такого производственного фактора, как информационный ресурс, его цифровизация. При этом информация все больше занимает центральные позиции в ходе распределительных товарно-денежных отношений, способствуя повышению результативности производственного процесса в целом. [4]

Цифровая экономика как система охватывает три основных яруса. Первый объединяет экономические сферы деятельности, второй – технологические воз-

можности, повышающие уровень развития отраслей экономики и третий – содержит условия для их функционирования и нормативно-правовую составляющую. Основополагающее значение в подобном устройстве имеют первые два яруса.

Технологическая платформа экономической сферы дает возможность напрямую соединить субъектов экономики. Таким образом сокращаются затраты, коммуникационный процесс между производителем и потребителем становится более простым, понятным и появляется больше альтернативных путей для осуществления обмена, внимание сконцентрировано на личностных предпочтениях клиентов.

Несмотря на наличие неоспоримых преимуществ, цифровизации присущи определенные риски. В качестве примера здесь можно привести киберугрозы (рас-

пространение вредоносной информации), безработицу (техника заменяет человека) и т.п.

В современных условиях финансово-банковский сектор также предрасположен к модификациям по причине всеобщей инфо- и цифровизации общественной жизни. В сфере банковских услуг наиболее актуальны проблемы перехода на безналичный денежный оборот, отказ от рабочих офисов, чему способствует развитие системы мобильного банкинга, актуальные вопросы защиты информационного пространства. Здесь банк выступает как структура, берущая на себя ответственность за хранение и защиту получаемой информации. Наличное обращение вытесняется электронным, поэтому банк может рассматриваться в виде высокоавтоматизированной сети, состоящей из разнообразных приложений, отражающих потребности и клиентские предпочтения с целью получения максимального результата от предоставленной банковской услуги в наиболее короткие сроки.

Банк будущего видится без офисов (при полном переходе на цифровую платформу), без сотрудников (их заменит искусственный интеллект) и без клиентов (взаимодействие будет происходить непосредственно с продуктами, а не с людьми).

Перестройка финансово-банковского сектора охватывает несколько стадий, включающих разработку каналов доступа к круглосуточному обслуживанию клиентов, специализированную продуктовую линейку в соответствии с запросами финансового рынка (например, виртуальных карт), аналитические платформы обработки данных, системы стратегической банковской координации.

Однако следует принимать в расчет, что трансформации, сопровождающие финансово-банковский сектор, влекут за собой появление новых опасностей и угроз со стороны цифровизации всей экономики. Кроме того, не каждая кредитная организация будет иметь возможность устоять в конкурентной борьбе, особенно с учетом рискованной составляющей от внедрения новейших технологий. [4]

Среди новых трендов банковского бизнеса можно выделить: биометрию, умные приложения, активное участие Центробанка в работе кредитных учреждений, его влияние на формирование digital-активов банков, увеличение количества супераппов, завоевание социальных сетей (новых медиа). Так, кредитные учреждения расширяют клиентские базы с биометрическими данными, стремятся предоставлять данным клиентам привилегии по обслуживанию (пониженные кредитные ставки, отсрочки, рассрочки, лимитирование и т.п.).

Однако, самым главным барьером для развития

данной технологической разработки является низкая заинтересованность населения и несоответствие существующей платформы по сбору данных требованиям со стороны внешнего окружения. Устранить недостаток можно было бы при помощи специально разработанного мобильного приложения, но на данный момент технические возможности ограничены в плане верификации данных. Вместе с тем, повышение размеров лимитов по переводам и платежам для тех, кто сдал биометрические данные, должны устранить безразличия населения в отношении подобной новации.

Сейчас банки не только накапливают информацию о своих клиентах, но и оказывают помощь в проведении анализа затратной статьи бюджета и его планировании. Все это возможно при помощи новых мобильных приложений. На данный момент клиенты банков могут произвести оплату квитанции по фотографии. В соответствии с трансформациями потребительских предпочтений, кредитные учреждения устанавливают индивидуальную тарификацию и применяют интегрированные API и т.п. функции интерфейсов. Количество клиентской базы значительно увеличит активное внедрение модернизированных голосовых технологий. [1]

В настоящее время наблюдается активное участие Центробанка в деятельности кредитно-финансовых учреждений. ЦБ создал сайт СБП по примеру телефонного абонента, что значительно сократило размер комиссии за услугу межбанковских переводов. Переводы до 100 тыс. в месяц таким образом стали бесплатными. Имеются сведения о создании новой третьей формы денег – электронного рубля, которая ЦБ рассматривается как побудительный мотив к развитию инновационных платежных банковских продуктов и усилению конкурентной борьбы между кредитными организациями. Его внедрение должно стать повсеместным, ведь у Центробанка есть все полномочия, чтобы сделать любой продукт обязательным для использования на рынке, несмотря на степень его цифровизации, наличия или отсутствия инновационной составляющей и уровня приносимой выгоды.

Такие банки, как Тинькофф, ВТБ, Сбер запустили новую онлайн-платформу (суперапп) по примеру западных успешных платформ-экосистем. Подобная модель будет продолжать свое развитие и повсеместное внедрение в банковскую практику, а подключение к платформе небанковских сервисов позволит создавать многопрофильные партнерские системы. [3]

Еще одной тенденцией явилось активное размещение банками своих рекламных компаний в социальных сетях TikTok, Likee. Привлечение новых клиентов посредством соцсетей достаточно эффективно для банковского бизнеса.

Таким образом, выше представленные новации наглядно отражают активное внедрение и развитие новых современных трендов банковского бизнеса. Вместе с тем, на процессы цифровизации кредитно-финансовой деятельности оказывают влияние внешние и внутренние факторы, как прямого, так и косвенного влияния. Особенности процесса трансформации банковского бизнеса под влиянием всеобщей цифровизации экономики страны обусловлены степенью воздействия ряда обстоятельств со стороны внешнего и внутреннего окружения. Они могут влиять, как на совокупность банков, отдельно взятую кредитную организацию, а также на отдельные операции или банковские услуги, подвергшиеся процессу цифровизации в целях повышения конечных результатов деятельности финансово-банковского сектора в целом. Степень охвата, сила влияния факторов цифровизации не имеет в настоящее время достаточной освещенности.

Поскольку процесс цифровой трансформации – сложное явление, затрагивающее не только микросреду банковской деятельности, но и макроуровень ее функционирования. Макрофакторы могут оказывать на данный процесс прямое и косвенное воздействие. Напрямую свое влияние оказывают такие факторы, как правовые нормы, государственные инициативы, поставщики и потребители, конкурентная среда и другие факторы в соответствии с целями исследования. В ходе проведения аналитических процедур принимают в расчет специфику каждого фактора, обусловленную индивидуальными специфическими чертами деятельности кредитной организации, отличительными особенностями непосредственных целей и задач, поставленных в ходе реализации процессов цифровизации банковского бизнеса.

Отдельно взятый фактор при ближайшем рассмотрении обладает набором специфических качеств. В зависимости от силы воздействия на эффективность проведения цифровизации, можно выделить критерии, качественно характеризующие отдельно взятый фактор и провести оценку значимости каждого в целом для кредитной организации.

Среди параметров прямого воздействия, имеющих высокую значимость, мы выделили следующие: компьютерные технологии, повышающие уровень информационной безопасности, оснащенность компьютерной техники новейшим программным обеспечением, установка последних моделей компьютеров с современным оснащением, внедрение новаций Центробанка в сфере финтех, актуализация и своевременный пересмотр законодательных и нормотворческих актов в области финансовых технологий, а также сложившейся практики сотрудничества кредитного учреждения с представителями бизнес-сообщества, влияние конкуренции на банковском и финансовом рынках, наличие модели и долго-

срочной программы развития кредитного института. [2]

Среди параметров прямого воздействия со средней степенью значимости нами были выделены такие, как: масштабы взаимодействия кредитного института с финансовыми организациями на валютном, долговом рынках, драгметаллов, ценных бумаг и степень цифровизации данных процессов, осуществление взаимосвязи между кредитным учреждением и контрольными надзорными органами в цифровом режиме, ориентация на потребности и запросы со стороны клиентов – физических лиц, разработка эксклюзивных банковских продуктов, степень диверсифицированности оказываемых банками услуг, маркетинговая конкуренция в сфере рекламы и сбыта банковских продуктов, наличие стратегических разработок цифровизации кредитно-финансового института.

Среди параметров прямого воздействия, обладающих наименьшей степенью значимости, можно отметить наличие конкуренции на рынке труда, уровень образования специалистов рынка цифровых технологий, наличие вкладчиков и держателей ценных бумаг, выпущенных банком.

Следовательно, на скорость и эффективность процессов цифровой трансформации кредитных учреждений в наибольшей степени влияют: конкуренция, инновационные ожидания, научно-технический прогресс, регулятивные и нормотворческие инициативы Центробанка и контрольных органов власти и управления, политика страны в отношении процессов цифровизации всей экономики, трансформации в социальном типе поведения граждан и бизнес сообщества.

Таким образом, зная степень воздействия и уровень значимости параметров, конкретизирующих факторы, имеется возможность обозначить приоритеты для перспективного развития банковского бизнеса в условиях цифровизации в краткосрочном, в также средне- и долгосрочном периодах.

Опосредованное влияние на процессы цифровизации банковской деятельности оказывают такие параметры косвенного влияния, как: политическая и социальная стабильность общества, внешнеэкономические прецеденты, НТП, социокультурные референции, обстоятельства непреодолимой силы, форс-мажор и т.п. параметры.

В современных условиях экономического развития большинство из перечисленных экспонентов характеризуются значительным уровнем неопределенности, что создает условия для вынужденного их мониторинга с одной стороны и разработки рациональных последовательных действий в случае возникновения непредви-

денных обстоятельств непреодолимой силы.

Выделим отличительные черты косвенного воздействия факторов на процессы цифровизации банковского бизнеса. Здесь наибольшую силу воздействия оказывают такие факторы, как способы поддержки кредитных организаций со стороны государства, скорость внедрения технических и технологических новаций в практику промышленного производства, уровень платежеспособности населения и востребованности в банковских продуктах и услугах, кризисные явления в финансовой сфере, реформирование денежно-кредитной сферы.

Умеренную силу воздействия оказывают: показатели наиболее важных экономических параметров, способы поддержки процессов цифровизации со стороны государственных органов власти и управления, степень доверительного отношения граждан и бизнес сообщества к проводимой государством денежно-кредитной политики, уровень взаимодействия зарубежных стран и корпораций в торгово-экономических отношениях, события международного масштаба (проведение соревнований, конкурсов и т.д.), доступность образования в финансово-банковской сфере, оснащённость рабочих мест современной техникой и компьютерами, политическая обстановка.

Наименьшую силу воздействия оказывают такие факторы, как масштабы развития экономики или, напротив, её стагнация, деловая активность, степень цифровизации финансовой и банковской сферы страны, степень инновационности экономического пространства, мобильность населения, международный турбизнес, развитость рынка труда, стихийные бедствия, коллапсы, катастрофы, форс-мажор.

Внутренние факторы находятся в непосредственной зависимости от внешних предикторов. Внешнее окружение определяет характер и направления развития внутренней среды, скорость её трансформации соразмерно общим тенденциям преобразований.

Известны различные способы проведения анализа внутренней среды функционирования бизнес структур. Самой рациональной, по нашему мнению, следует считать разделение внутренних факторов на финансово-экономические, организационные и технологические. Среди элементов названной классификации наиболее существенными следует считать технологические. Их значимость определяется рамками современной парадигмы экономической сферы, они сами напрямую влияют на выбор объектов цифровизации и определяют направления развития финансовых технологий.

Наряду с факторами, способствующими развитию процессов цифровизации финансово-банковской сфе-

ры, имеется ряд сдерживающих обстоятельств, обусловленных поведенческими предпочтениями клиентов. Так, по данным аналитических агентств, существует ряд продуктов и услуг, о которых население знает, но предпочитает их либо игнорировать, либо использовать не в полной мере. Россияне недостаточно активно используют банковский кешбэк, не интересуются новыми приложениями или не осведомлены о полном наборе их возможных функций, достаточно редко прибегают к помощи финансовых помощников, не просматривают финансовые новости в приложениях и т.д.

В соответствии с международным обзором цифровизации коммерческих банков международной, крупнейшей исследовательской сети «Делой» Россия вошла в мировую топ-10 цифрового банкинга. Исследованию подверглись 15 отечественных кредитных организаций, в том числе Банк «ВТБ», «Газпромбанк», «Сбербанк», «Альфа-Банк» и др.

Специалисты аналитического агентства провели классификацию исследуемых банков в соответствии с уровнем их цифровизации, удовлетворением запросов клиентов и позитивного опыта работы с клиентами, выделив четыре укрупненных группы: Latecomers («Отстающие»), Adopters («Последователи»), Smart Followers («Продвинутые последователи») и Champions («Чемпионы»). По итогам проведенного исследования три отечественных банка отнесли к классу «Чемпионы», девять – к группе «Продвинутые последователи» и три банка – к разряду «Последователи». Результаты анализа показали, что банки лидеры цифровизации демонстрируют и наивысшую степень рентабельности деятельности.

Россия вошла в десятку стран – лидеров мирового цифрового банкинга наряду с такими странами, как Япония, Сингапур, Норвегия, Испания, Бельгия, Турция, Польша, Саудовская Аравия и Катар.

В ходе анализа шести этапов жизненных циклов клиентской базы банков, отечественные кредитные учреждения обнаружили высокую степень внедрения цифровизации во все стадии работы с клиентами. Уровень выше среднего по оценке тайных покупателей получили такие операции, как: поиск доступной информации о кредитных учреждениях, имеющейся продуктовой линейке и условиях сотрудничества (в России он на 6 п. п. выше среднего общемирового показателя); открытие счета (+7 п. п.); ежедневное взаимодействие банка с клиентом (+7 п. п.); предоставление дополнительных банковских услуг (+8 п. п.). Оценку ниже средней общемировой показал индекс оценки первых шагов клиента при работе с банком (-3 п. п.).

В условиях сложной всемирной эпидемиологической обстановки темпы развития процессов цифрови-

зации банковских услуг и операций набирают обороты. Уже сейчас более половины кредитных учреждений, во всех странах за время эпидемии существенно сократили количество времени работы непосредственно в офисах, а в отдельных случаях целиком и полностью закрыли представительства, осуществляя взаимодействие с клиентами в онлайн-формате. Открыть счет онлайн, без визита в офисы банков, стало возможно в 34% кредитных организациях по всему миру, а дистанционный режим верификации личности владельца счета предлагают 23% мировых игроков кредитно-банковского сектора.

«Второе исследование подряд Россия входит в число лидеров по уровню банковской цифровизации. Российские банки улучшили свои показатели по процедурам открытия счетов, адаптации новых клиентов, управле-

нии платежами, проведении переводов, пользовании банковскими картами, а также в области кросс-продаж, – комментирует партнер Департамента управления рисками и руководитель направлений по оказанию услуг финансовым институтам и по консультированию в сфере корпоративного управления и рейтингового консультирования компании «Делойт», СНГ Екатерина Трофимова. – Также трендом среди российских розничных клиентов банков является большая популярность мобильных приложений по сравнению с Интернет-банкингом. Однако, несмотря на высокий средний уровень цифровизации российских банков, попадание в топ-10 мировых лидеров стало возможно в первую очередь благодаря крупнейшим розничным игрокам. Уровень цифровизации в российской банковской системе все еще очень неоднороден».

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалов, Р.А. Сравнительный анализ банковских систем и внедрение цифровых технологий на российский рынок/ Р.А. Беспалов, А.А. Листратова// Тенденции и перспективы развития банковской системы в современных экономических условиях. Т.1: материалы II международной научно-практической конференции, 17 декабря 2019 г. - Брянск: Издательство БГУ им. акад. И.Г. Петровского, 2020 С. 106-111. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42521879>
2. Зверев, А.В. Кредитный рынок России и его роль в развитии национальной экономики / А.В. Зверев, Ю.С. Караваева, В.В. Мандрон, М.Ю. Мишина М.Ю. - Монография. – Москва: ООО «Издательство «Мир науки», 2020 – 130 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44217316>
3. Зверев, А.В. Цифровизация как метод конкурентной борьбы в банковском секторе/ А.В. Зверев, О.А. Денисенко О.А. администрирование и экономическая безопасность в цифровой экономике: материалы всероссийской научно-практической конференции, г. Брянск, 14 ноября 2019 - С. 467-469. – URL: https://brgu.ru/science/publikatsii/sborniki-trudov/Konf_TAIEB_2019.pdf
4. Караваева Ю.С. Финансы: учебное пособие. Москва: Мир науки, РИСО БГУ, 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://izd-mn.com/PDF/04MNNPU17.pdf>

© Зверев Алексей Витальевич (zverev28@yandex.ru), Караваева Юлия Сергеевна (KaravaevaJS@yandex.ru),
Мандрон Виктория Валериевна (mandron.v@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНСТИТУТ ИННОВАЦИЙ В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: РОЛЬ И ОСОБЕННОСТИ В РОССИИ¹

INSTITUTE OF INNOVATION IN THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY: THE ROLE AND FEATURES IN RUSSIA

**S. Kudryavtseva
M. Shinkevich
T. Klimenko**

Summary: The results of the author's study of the influence of the institution of innovation on the processes of digitalization of economic systems are presented. The article presents the materials of an analytical study that systematize the descriptive statistics of the Institute of Innovations in Russia. The degree of differentiation of Russian regions by the level of development of innovation institutions and the digital economy index has been determined. Statistically significant interrelations are revealed and regression models are built by indicators that formally characterize the institution of innovation in the digital economy.

Keywords: institute of innovation, digital economy, innovatively active enterprise, gross value added, R&D costs, high-tech products.

Кудрявцева Светлана Сергеевна

Д.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет»
sveta516@yandex.ru

Шинкевич Марина Владимировна

ФГБОУ ВО «Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева»
leotau@mail.ru

Клименко Татьяна Игоревна

К.э.н., м.н.с., ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет»
klta@mail.ru

Аннотация: Представлены результаты авторского исследования влияния института инноваций на процессы цифровизации экономических систем. Изложены материалы аналитического исследования, систематизирующие дескриптивную статистику института инноваций в России. Определена степень дифференциации регионов России по уровню развития институтов инноваций и индекса цифровой экономики. Выявлены статистически значимые взаимосвязи и построены регрессионные модели по индикаторам, формально характеризующие институт инноваций в цифровой экономике.

Ключевые слова: институт инноваций, цифровая экономика, инновационно-активное предприятие, валовая добавленная стоимость, затраты на проведение НИОКР, высокотехнологичная продукция.

Развитие цифровой экономики невозможно представить без соответствующего институционального обеспечения процессов цифровизации. Одним из таких институтов, имеющих принципиально важное значение в данном вопросе, является институт инноваций. Результаты научно-технической деятельности, воплощенные в виде инноваций, способны выступать точками роста процессов цифровизации на разных уровнях управления экономическими системами.

Информационными источниками для изучения института инноваций в цифровой экономике использованы статистические данные Росстата [1], Московской школы управления «Сколково» [2], НИУ ВШЭ [3]; методические разработки исследования отражены в предыдущих публикациях авторов [4, 5].

Московской школой управления «Сколково» составляется рейтинг цифровизации экономики в разрезе регионов России. Частично, в данном рейтинге учтены тренды инфраструктурного, информационного, соци-

ального, кадрового обеспечения цифровой трансформации. Однако, полагаем, что данный анализ должен быть дополнен институциональным обеспечением цифровизации экономики, который может быть представлен такими количественными относительными показателями, как:

- удельный вес высокотехнологичной продукции в валовой добавленной стоимости (ВДС) (характеризующий технологический базис института инноваций);
- удельный вес затрат на проведение НИОКР в валовой добавленной стоимости (описывающий научно-технический базис института инноваций);
- доля инновационно-активных предприятий и величина валовой добавленной стоимости в расчете на душу населения (характеризующих результат деятельности института инноваций).

В рейтинге «Цифровая Россия» регионами-лидерами по индексу цифровой экономики были: г. Москва (значение индекса цифровой экономики составило 77,03),

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-2600.2020.6.

Республика Татарстан (76,48), Санкт-Петербург (76,44), Московская область (76,25) и Тюменская область (76,19). Среди 85 регионов России, принявших участие в исследовании, аутсайдерами рейтинга выступили: Республика Калмыкия – 41,36, Республика Ингушетия – 40,42, Карачаево-Черкесская Республика – 40,31, Еврейская автономная область – 39,76 и Республика Тыва – 39,74.

Для оценки степени равномерности индекса цифровой экономики в регионах России воспользуемся расчетом дескриптивных статистик. Анализ показал незначительную асимметрию в региональном разрезе, поскольку коэффициент асимметрии составил 0,1 и является допустимым о принятии гипотезы о нормальном распределении величины. Присутствует незначительная правосторонняя асимметрия в ряду распределения, где среднее значение превышает медианное – 45,5 против 44,0. Следовательно, более половины регионов России имеют индекс цифровизации экономики ниже среднестатистического значения. О незначительной асимметрии свидетельствует также значение коэффициента осцилляции, которое составило 1,0 и указывает на то, что в среднем размах вариации (разница между максимальным и минимальным значением по анализируемому показателю) отклоняется от среднего уровня на 10%.

Дополним анализ цифровизации экономики регионов оценкой уровня развития институтов инноваций. Здесь следует указать на то, что для всех показателей, описывающих с формальной позиции институт инноваций в цифровой экономике, отмечается также присутствие правосторонней асимметрии в рядах распределения статистических индикаторов. Наибольшее отклонение от закона нормального распределения выявлено для удельного веса затрат на проведение исследований и разработок, где коэффициент асимметрии составил 3,2 и коэффициент осцилляции – 7,9, следовательно, соотношение между максимальным – 5,6% в ВДС (Нижегородская область) и минимальным значением – 0,01% в ВДС (Чукотский автономный округ) относительно среднего уровня – 0,7% в ВДС достигало почти 8 раз.

Высокая степень дифференциации отмечается также по результирующему макроэкономическому показателю – ВДС на душу населения, с максимальным значением – 2400858,1 рублей на душу населения в Сахалинской области и минимальным – 145723,1 рублей на душу населения в Республике Ингушетия при среднем значении по России равным 547697,6 рублей на душу населения. Соответственно, коэффициенты асимметрии и осцилляции составили, 2,9 и 4,1 и являются статистически высокими, подтверждая гипотезу о высокой дифференциации между субъектами федерации по данному индикатору.

Наиболее приближен к закону нормального распределения статистических величин был показатель

удельного веса высокотехнологичной продукции в ВДС, при среднем значении 19,4%, наибольшее значение отмечалось в Калужской области – 34,6%, наименьшее – в Тюменской области – 6,8%. Соотношение между максимальным и минимальным значением составило 27,8 процентных пункта, их его соотношение со средним уровнем – 1,4, следовательно, размах по индикатору на 40% был выше среднестатистического значения в целом по регионам России.

Описательная статистика по индикаторам института инноваций в цифровой экономике представлена в таблице.

Для оценки влияния института инноваций в цифровой экономике на результирующий макроэкономический индикатор развития экономической системы в целом – валовую добавленную стоимость, был проведен многофакторный регрессионный анализ с пошаговым исключением переменных из модели тех переменных, которые не показали статистической достоверности при оценке регрессионной модели. Так, было установлено, что прирост доли высокотехнологичной продукции в ВДС на 1 процентный пункт приведет к росту ВДС в абсолютном выражении на 34138,9 рублей в расчете на душу населения, а увеличение индекса цифровой экономики на 1 пункт способствует приросту ВДС в расчете на душу населения на 10573,9 рублей. Суммарный эффект от двух индикаторов института инноваций в цифровой экономике составит 44712,8 рублей на душу населения. Оба индикатора регрессионной модели являются статистически значимым ($P \leq 0.05$) и по критерию Фишера модель также показала свою достоверность ($F = 18.56$ при $P \leq 0.00001$). Остальные индикаторы из итоговой регрессионной модели были исключены в виду отсутствия статистической значимости $P \geq 0.1$).

Также было построено уравнение обратной регрессии, где в качестве зависимой переменной использовался индекс цифровой экономики, а в качестве независимых – индикаторы института инноваций и результирующий показатель макроэкономического развития – валовая добавленная стоимость. На основе аналогичного метода пошагового исключения переменных из модели было установлено, что прирост ВДС на душу населения на 10000 рублей отразится на приросте индекса цифровой экономики на 0,1 пункта, в то время, как увеличение удельного веса затрат на проведение НИОКР в ВДС на 1 процентный пункт будет способствовать росту индекса цифровой экономики на 4,7 пункта. Таким образом, суммарный эффект от указанных двух факторов, обеспечивающих вклад в увеличение индекса цифровой экономики, составит 4,8 пункта. Оба индикатора регрессионной модели являются статистически значимым ($P \leq 0.05$) и по критерию Фишера модель также показала свою достоверность ($F = 11.22$ при $P \leq 0.00001$). Осталь-

Таблица 1.

Индикаторы института инноваций в цифровой экономике (2019 г.)

Показатель описательной статистики	ВДС на душу, рублей	Доля высокотехнологичной продукции в ВДС, %	Доля внутренних затрат на НИОКР в ВДС, %	Доля инновационно-активных организаций, %	Индекс цифровой экономики
Среднее	547697,6	19,4	0,7	8,5	45,5
Медиана	446406,0	19,5	0,4	8,1	44,0
Минимум	145723,1	6,8	0,0	0,2	39,7
Максимум	2400858,1	34,6	5,6	21,2	77,0
Размах	2255135,0	27,8	5,6	21,0	44,8
Среднеквадрат. отклонен.	421084,2	5,5	0,9	4,3	13,5
Асимметрия	2,9	0,2	3,2	0,4	0,1
Коэфф. осцилляции	4,1	1,4	7,9	2,5	1,0

ные индикаторы из итоговой регрессионной модели были исключены в виду отсутствия статистической значимости $P \geq 0.1$).

Далее был проведен расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена для того, чтобы сопоставить ранг в рэнкинге по показателям института инноваций в цифровой экономике среди регионов России. Данный анализ показал, что:

- присутствует высокая положительная связь между индексом цифровой экономики и ВДС на душу населения – коэффициент корреляции Спирмена равен 0,63 и является статистически значимым $P \leq 0.05$); следовательно, чем выше положение региона в рэнкинге по индексу цифровой экономики, тем выше значение ВДС на душу населения и наоборот – данная закономерность характерна для 63% случаев;
- присутствует средняя положительная связь между удельным весом инновационно-активных организаций в общем числе предприятий и долей затрат на проведение НИОКР в ВДС – коэффициент корреляции Спирмена равен 0,56 и является статистически значимым $P \leq 0.05$); следовательно, чем выше положение региона в рэнкинге по удельному весу инновационно-активных организаций, тем выше его позиция в рэнкинге по доле затрат на проведение НИОКР в ВДС – данная закономерность характерна для 56% случаев;
- присутствует средняя положительная связь между долей затрат на проведение НИОКР в ВДС и удельным весом высокотехнологичной продукции в ВДС – коэффициент корреляции Спирмена равен 0,51 и является статистически значимым $P \leq 0.05$); следовательно, чем выше положение региона в рэнкинге по доле затрат на проведение НИОКР в ВДС, тем выше его позиция в рэнкинге по удельному весу высокотехнологичной продукции в ВДС – данная закономерность характерна для 51% случаев.

Между остальными индикаторами института инноваций в цифровой экономике статистически значимой средней или высокой ранговой корреляции не выявлено.

Таким образом, на основе проведенного исследования получены следующие результаты:

1. для регионов России характерна высокая дифференциация по индикаторам, формально характеризующим институт инноваций в цифровой экономике: доля внутренних затрат на НИОКР и валовая добавленная стоимость на душу населения;
2. прирост доли высокотехнологичной продукции в ВДС и индекса цифровой экономики на 1 пункт обеспечат увеличение ВДС в расчете на душу населения около 10 тысяч рублей; в то же время, прирост ВДС на душу населения на 10000 рублей при одновременном увеличении удельного веса затрат на проведение НИОКР в ВДС на 1 процентный пункт отразится на приросте индекса цифровой экономики свыше 4 процентных пункта;
3. установлена средне-высокая положительная ранговая корреляция между индикаторами института инноваций: индексом цифровой экономики и ВДС на душу населения, удельным весом инновационно-активных организаций в общем числе предприятий и долей затрат на проведение НИОКР в ВДС, долей затрат на проведение НИОКР в ВДС и удельным весом высокотехнологичной продукции в ВДС.

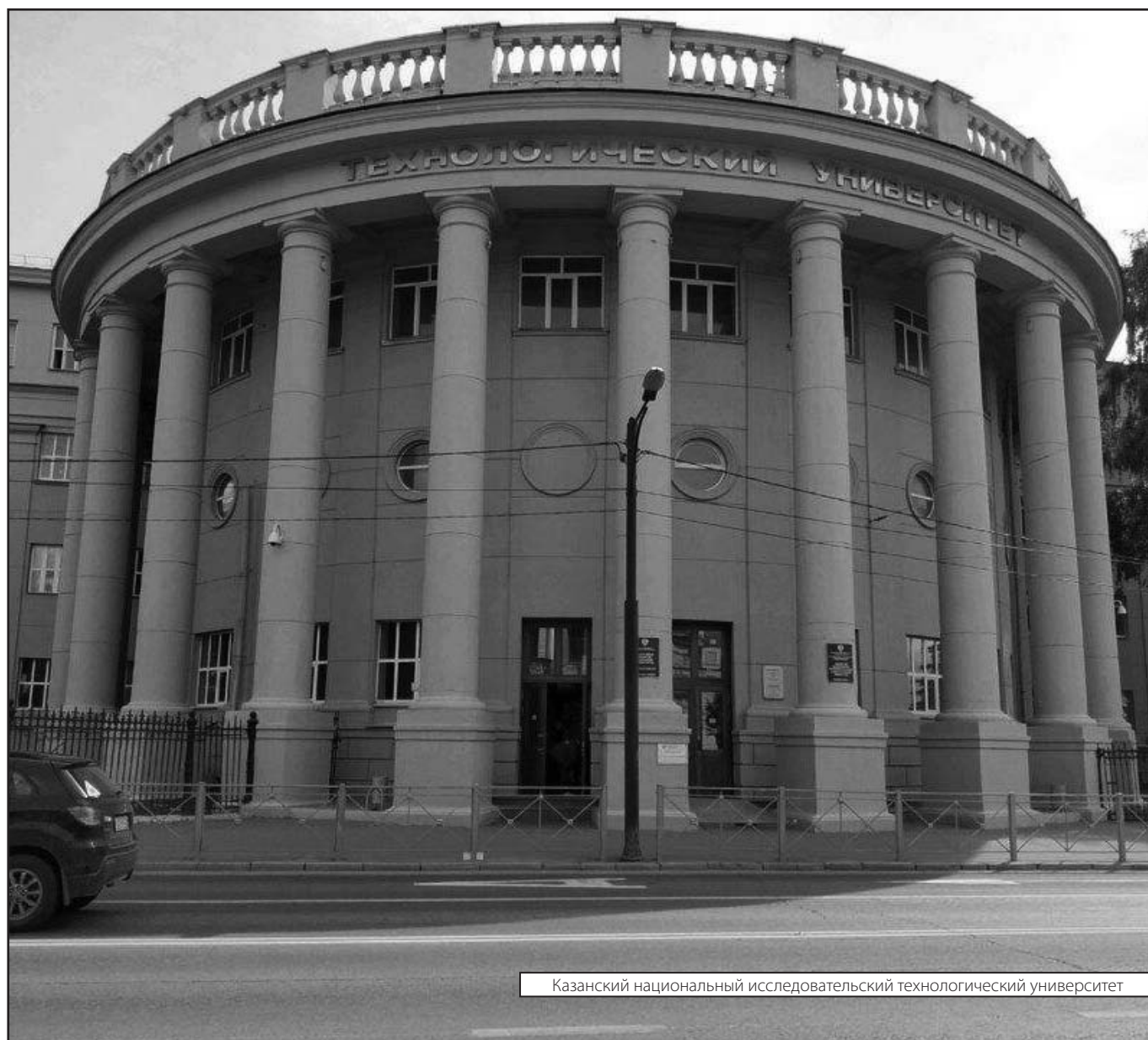
Полученные результаты исследования могут быть использованы при расчетах чувствительности и вариативности индикаторов института инноваций, что может быть положено в разработку сценарных прогнозов развития инновационной деятельности в условиях цифровизации экономических систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477>.
2. Индекс «Цифровая Россия» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.skolkovo.ru/researches/indeks-cifrovaya-rossiya/>.
3. Индикаторы инновационной деятельности: 2020: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 336 с.
4. Краснова О.М., Кудрявцева С.С. Тенденции развития инновационной деятельности в Республике Татарстан // Экономический вестник Республики Татарстан. – 2017. – № 2. – С. 50-59.
5. Kudryavtseva S.S., Galimulina F.F., Zaraychenko I.A., Barsegyan N.V. Modeling The Management System Of Open Innovation In The Transition To E-Economy // Modern Journal of Language Teaching Methods. – 2018. – Vol. 8. – Issue 10. – P.163–171.

© Кудрявцева Светлана Сергеевна (sveta516@yandex.ru), Шинкевич Марина Владимировна (leotau@mail.ru),
Клименко Татьяна Игоревна (klta@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанский национальный исследовательский технологический университет

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПРОМЫШЛЕННОЙ КООПЕРАЦИИ

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE DEVELOPMENT OF THE EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION AND INDUSTRIAL COOPERATION

**D. Morkovkin
V. Popov
N. Gainullina**

Summary: The article discusses the main socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic on the member states of the Eurasian Economic Union. A comparative analysis of economic indicators within the EAEU is carried out. Special attention is paid to the problems that arose during the quarantine restrictions and the measures taken to solve them in the context of the development of industrial cooperation of the EAEU member states. Further strategic steps are outlined to strengthen the integration association.

Keywords: economy, integration, EAEU, pandemic, COVID-19, socio-economic development, common economic space, industrial cooperation.

Морковкин Дмитрий Евгеньевич

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве РФ», Москва
MorkovkinDE@mail.ru

Попов Владислав Русланович

Аспирант, ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю.
Витте» (МИИТ), Москва
popovlad17@mail.ru

Гайнуллина Нонна Руслановна

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
РФ», Москва
nonna.gainullina@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются основные социально-экономические последствия влияния пандемии COVID-19 на страны-участницы Евразийского экономического союза). Проводится сравнительный анализ экономических показателей внутри ЕАЭС. Особое внимание уделяется проблемам, возникшим в период карантинных ограничений и мерам, принятым для их решения в контексте развития промышленной кооперации стран-участниц ЕАЭС. В результате проведенного исследования обозначены дальнейшие стратегические шаги для укрепления интеграционного экономического объединения.

Ключевые слова: экономика, интеграция, ЕАЭС, пандемия, COVID-19, социально-экономическое развитие, единое экономическое пространство, промышленная кооперация.

Введение

Пандемия, охватившая мир, внесла коррективы во все сферы привычного нам образа жизни. Первоочередной проблемой стал сам вирус и меры борьбы с ним, однако через некоторое время мировое сообщество столкнулось с новым вызовом – падением экономик большинства стран мира. В одиночку справиться со сложившейся ситуацией весьма тяжело, если не невозможно. Таким образом, роль интеграционных группировок, в том числе региональных, возросла с новой силой. Взаимодействие по вопросам функционирования экономики и бизнеса, науки и медицины, социальной сферы является необходимым условием успешного преодоления кризисного периода.

Социально-экономические показатели ЕАЭС под влиянием пандемии

Для начала стоит вспомнить, что Договор о Евразий-

ском экономическом союзе¹ определяет обеспечение соблюдения четырех свобод в рамках интеграции: свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы [1]. Все это в свое время увеличило трансграничную мобильность и ускорило процесс интеграции. Однако меры, касающиеся борьбы с коронавирусом, предпринятые государствами стран-участниц Евразийского экономического союза сильно ограничили данные свободы и сократили возможности межграничного взаимодействия [2].

Наблюдалось снижение основных социально-экономических показателей², среди которых: индекс промышленного производства, грузооборот, перевозки пассажиров и оборот розничной торговли (см. рис. 1).

Так, индекс промышленно производства в январе - октябре 2020 года по сравнению с аналогичным периодом 2019 года составил 97,2%. В январе - октябре 2019 года по сравнению с тем же периодом 2018 года он был

1 "Договор о Евразийском экономическом союзе" (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018)

2 Январь - октябрь 2020 год.

Рис. 1. Основные экономические показатели ЕАЭС (в % к соответствующему периоду предыдущего года).
 Источник: составлено авторами по данным ЕЭК (Евразийская экономическая комиссия).

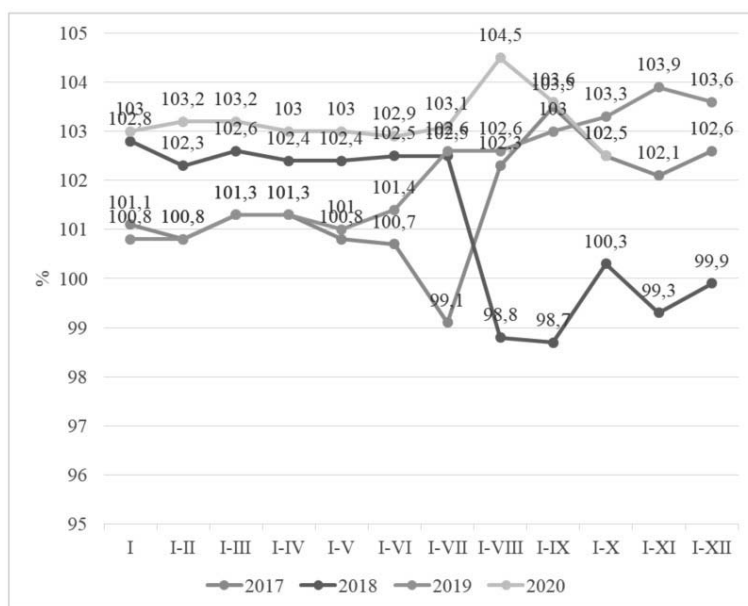

Рис. 2. Динамика производства продукции сельского хозяйства стран-участниц ЕАЭС⁴ (2018-2020).
 Источник: составлено авторами по данным ЕЭК.

равен 103,5%.

Индекс оборота розничной торговли составил 95,4% (в 2019 году по сравнению с 2018 – 102,2%).

Индекс грузооборота равен 94,3% (в 2019 году по сравнению с 2018 - 101,1%).

Однако, стоит отметить рост производства продук-

ции сельского хозяйства во всех государствах-членах ЕАЭС, он составил 102,5% к соответствующему периоду 2019 года³ (см. рис. 2) [7].

Так, производство продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий стран-участниц ЕАЭС составило 98,0 миллиардов долларов США, что выше на 2,5%⁵, чем в 2019 году за тот же период. В январе – октябре 2019 года по сравнению с аналогичным периодом 2018

3 Январь – октябрь 2019 год.

4 в % к соответствующему периоду; в постоянных ценах

5 в постоянных ценах

Таблица 1.

Производство продукции сельского хозяйства.

Страна-участница ЕАЭС	Млн. долларов США	в % к январю-октябрю 2019 года (в постоянных ценах)	Справочно: Январь-октябрь 2019 в % к январю-октябрю 2018 года (в постоянных ценах)
Армения	1 193,3	100,6	95,7
Беларусь	8 444,5	104,6	102,4
Казахстан	13 139,8	105,2	99,6
Кыргызстан	2 889,9	100,8	102,6
Россия	72 298,9	101,8	104,1

Источник: составлено авторами по данным ЕЭК.

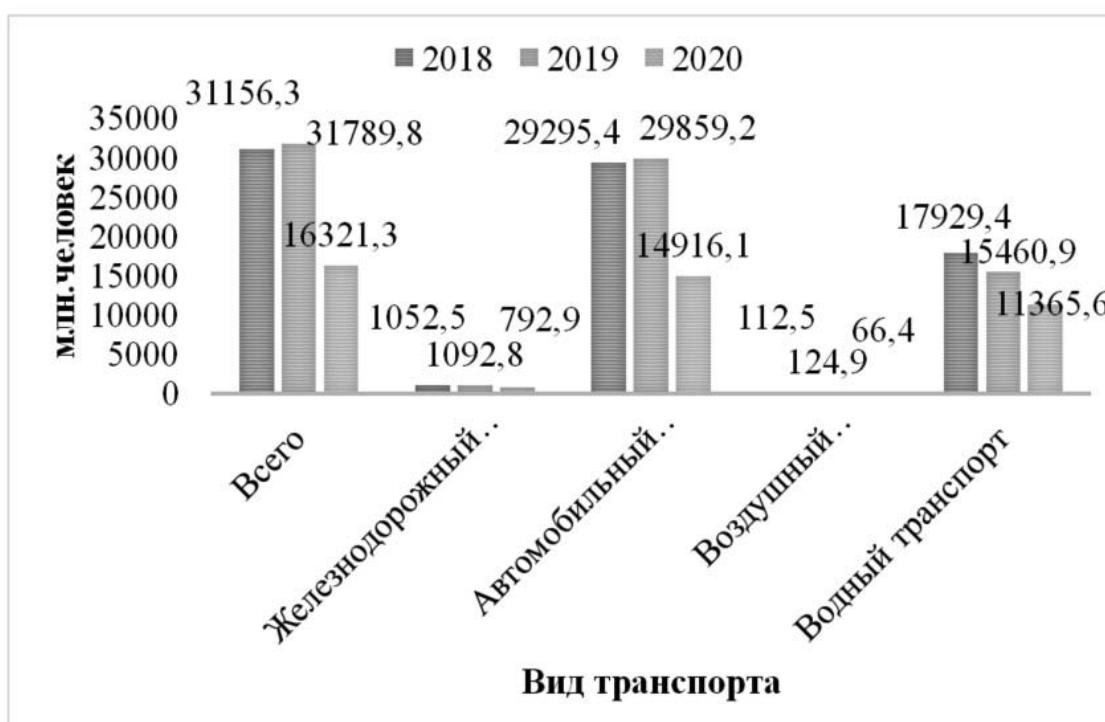

Рис. 3. Перевозки пассажиров по видам транспорта (2018-2020).

Источник: составлено авторами по данным ЕЭК.

года увеличение произошло на 3,3%. За аналогичный период увеличение в 2018 по сравнению с 2017 произошло на 0,3%. Говоря об основных видах продукции животноводства, рост произошел в таких группах как скот и птица на убой и молоко по хозяйствам всех категорий. Самый большой рост наблюдался в Казахстане – 105,2% к январю-октябрю 2019 года (см. таблица 1) [5][6][7].

Говоря о пассажирообороте, для большей наглядности рассмотрим объем перевозок пассажиров. Он просел глобально, что и неудивительно. Он составил 16,3 миллиарда человек и это на 43,5% меньше, чем в 2019 году. В январе – октябре 2019 года объем перевозок

пассажиров был равен 31,8 миллиардам человек, что на 2,0% больше, чем за аналогичный период 2018 года. (см. рис. 3).

Также невозможно не рассмотреть статистику по торговле между странами-участницами ЕАЭС. Объем взаимной торговли товарами за январь – октябрь 2020 года составил 38,8 миллиардов долларов США, то есть 87,2% к уровню аналогичного периода 2019 года (см. рис. 4).

Что касается, товарной структуры взаимной торговли стран-участниц ЕАЭС, то здесь сильных перекосов не наблюдалось. Доли остались почти неизменны. Так, наибольший удельный вес в товарной структуре зани-

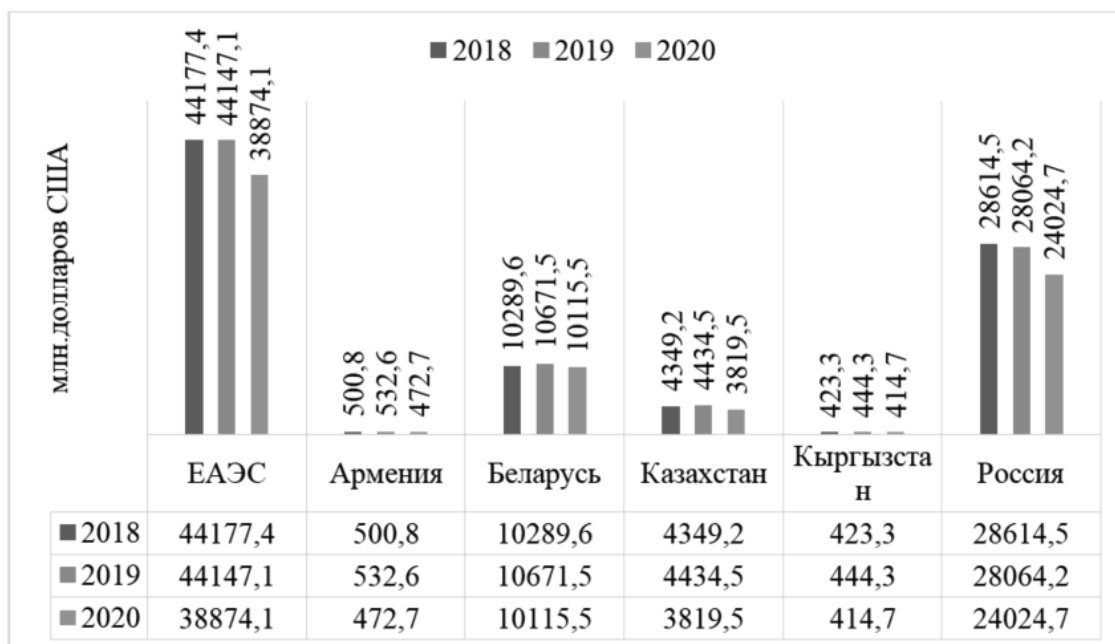

Рис. 4. Объемы экспортных поставок во взаимной торговле государств – членов ЕАЭС (2018-2020).
 Источник: составлено авторами по данным ЕЭК.

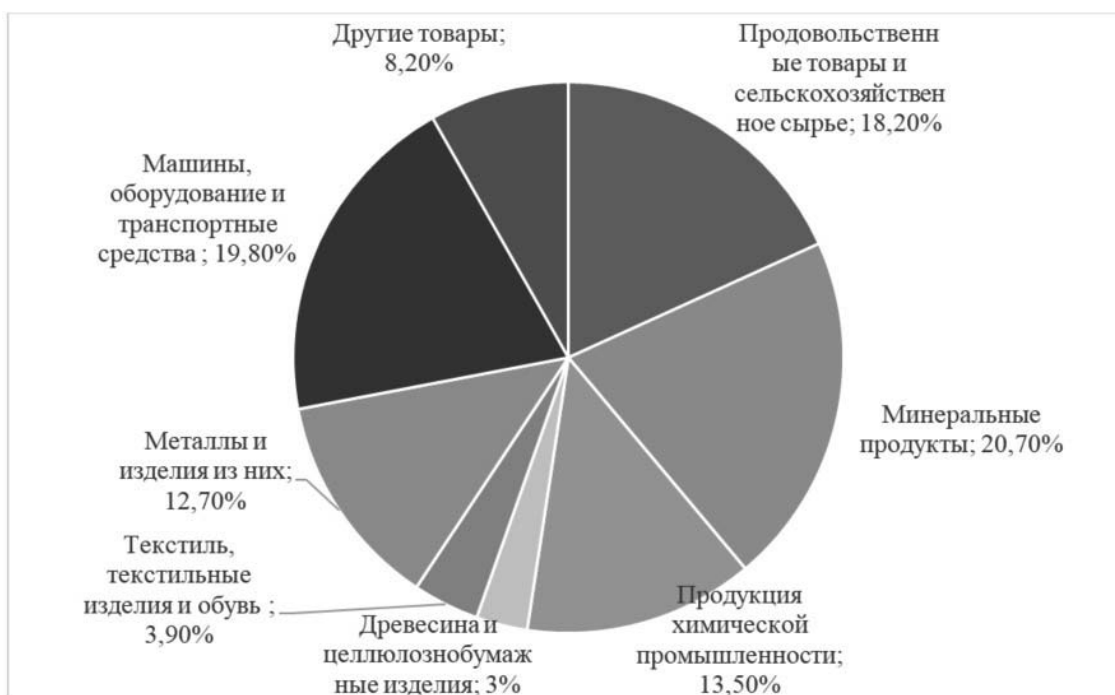

Рис. 5. Товарная структура экспорта во взаимной торговле государств - членов ЕАЭС за январь-октябрь 2020 года.
 Источник: составлено авторами по данным ЕЭК.

мают минеральные продукты – 20,7%. Вторые по величине – поставки машин, оборудования и транспортных средств – 19,9%. Далее следуют продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье с долей 18,2% и продукция химической промышленности – 13,6% (см. рис. 5) [7].

Основные проблемы, вызванные пандемией и перспективы их решений

Пандемия повлияла на все страны мира без исключения. Внутри ЕАЭС она обнажила проблемы каждой страны-участницы во всех сферах экономики и общества. Каждое государство принимало ряд мер с целью защиты

от пандемии. К сожалению, интеграционные механизмы в данной ситуации не проявили себя должным образом. Договоренности были достигнуты лишь в ряде случаев.

Сюда можно отнести оперативный запрет вывоза из стран ЕАЭС отдельных видов продовольственных товаров, расширение перечня товаров, которые освобождаются от ввозной пошлины. Также был принят Комплексный план краткосрочных и долгосрочных мероприятий в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия и здравоохранения [3].

Главным вопросом стал вопрос эффективности и ответственности объединения. В данном контексте был необходим своевременный обмен информацией, знаниями, ресурсами и медицинскими работниками. Первый шаг в данном направлении был сделан еще до пандемии, когда были созданы общие рынки лекарственных средств и медицинских изделий (с 6 мая 2017 г.).

Можно также отметить, что союз не был готов к столкновению лицом к лицу с такой неожиданной и "новой" проблемой. Ведь недавние более-менее заметные массовые заболевания обходили страны союза стороной. Из этого последовало отсутствие опыта взаимодействия в рамках пандемии. Кроме пандемии на экономику России и Казахстана повлиял и сильный обвал цен на нефть, произошедший в марте. Это произошло из-за переизбытка ее производства, а также ситуации с ОПЕК+ (Организация стран — экспортёров нефти +) [8].

Страны по-разному и в разные промежутки времени оценили угрозы пандемии, что повлекло за собой индивидуальное определение тактики борьбы. Также ситуация скорее активизировала двустороннее сотрудничество между странами, нежели коллективное взаимодействие.

Пандемия и кризис обострили ранее не решённые

вопросы и показали основные пути дальнейшего развития интеграции. На деле, страны-участницы ЕАЭС оказались дальше друг от друга, чем это казалось. В первую очередь это связано с вопросом закрытия границ между участниками евразийской интеграции. Актуальным вопросом также остается тема трудовых мигрантов.

Однако, несмотря на проблемы сегодняшнего дня, ЕАЭС работает на перспективу. В декабре главы государств ЕАЭС утвердили Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Здесь, основное внимание уделяется развитию новых форм сотрудничества, которые бы опирались, прежде всего, на научно-техническое развитие, поддержание финансово-экономической стабильности стран-участниц и эффективную занятость. Реализация данной стратегии обеспечит инновационное и инвестиционное развитие стран-участниц ЕАЭС. В ней также прописаны основные механизмы сотрудничества в тех сферах, которые не предусмотрены Договором о ЕАЭС. Это образование, здравоохранение, туризм и спорт [4].

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования, целесообразно подчеркнуть, что системная работа по усилению процессов промышленной кооперации и развитию экономической интеграции в ЕАЭС во время пандемии продолжалась, намеченные планы реализовались в том объеме, которые можно было позволить, учитывая все возникшие ограничения и запреты. На данном этапе разработаны и приняты программы по многовекторному международному экономическому сотрудничеству. Большое внимание уделяется развитию рынка, снятию барьеров при взаимной торговле. Дальнейшая работа по ключевым направлениям позволит разрешить возникшие трудности и развивать интеграцию по намеченному стратегическим направлениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. "Договор о Евразийском экономическом союзе" (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант - Плюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.12.2020).
2. Меры реагирования на пандемию коронавирусной инфекции в ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 20.12.2020).
3. Официальный сайт Евразийского Банка Развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eabr.org/> (дата обращения: 19.12.2020).
4. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 22.12.2020).
5. Об основных социально-экономических показателях ЕАЭС (январь-октябрь 2018). Аналитический обзор (5 декабря 2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Analytics/indicators201810.pdf (дата обращения: 22.12.2020).
6. Об основных социально-экономических показателях ЕАЭС (январь-октябрь 2019). Аналитический обзор (9 декабря 2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Analytics/indicators201910.pdf

- (дата обращения: 22.12.2020).
7. Об основных социально-экономических показателях ЕАЭС (январь-октябрь 2020). Аналитический обзор (8 декабря 2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Analytics/indicators2020_10.pdf (дата обращения: 22.12.2020).
 8. Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза (Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 110) [Электронный ресурс] // ИПС «Эділет» – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 15.12.2020).
 9. Абрамов В.Л., Алексеев П.В., Котова Н.Е., Лапенкова Н.В., Лосев А.А., Перская В.В., Ткаченко А.А., Эскиндаров М.А. Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств - участников Евразийского экономического союза в условиях нестабильности мировой экономики. - М.: Научные технологии, 2018. - 254 с.
 10. Гнездова Ю.В., Хрипулов И.В., Лаврушин В.М. и др. Самозанятость и креативность в социально-экономическом развитии России: Коллективная монография. - М., 2019.
 11. Засько В.Н., Донцова О.И. Особенности государственной политики в сфере управления инновационно-промышленными кластерами // Креативная экономика. - 2016. - № 11. - с. 1253-1262. - DOI: 10.18334/ce.10.11.36989
 12. Миндлин Ю.Б., Тихомиров Е.А. Организация импортозамещения в отечественном АПК на основе расширенных агропромышленных производственных цепочек // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Экономика и право". - 2017. - № 4. - С. 35-41.
 13. Миндлин Ю.Б. Инновационное развитие АПК в России на основе интеграционных процессов кластеризации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. - 2019. - № 6. - С.52-57.
 14. Морковкин Д.Е., Гайнуллина Н.Р., Шманёв С.В. Формирование общего финансового рынка ЕАЭС как основа укрепления евразийской интеграции // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. № 2 (52). С 73-79.
 15. Сорокин Д.Е., Шманев С.В., Юринова И.Л. и др. Макроэкономическое регулирование: задачи и перспективы развития. / Монография. - Москва: КНОРУС, 2018. - 336 с.
 16. Толкачев С.А., Донцова О.И., Комолов О.О. Российская промышленность: влияние санкций и перспективы импортозамещения // Экономика, предпринимательство и право. - 2019. - № 4. - с. 271-288. - DOI: 10.18334/erp.9.4.41512
 17. Шманев С.В., Морковкин Д.Е. Макроэкономическое регулирование внешнеторговой деятельности в условиях глобализации // Вестник ОрелГИЭТ. 2017. № 3 (41). С. 88-94.
 18. Цветков В.А., Дудин М.Н. Пандемия COVID-19 как угроза продовольственной и экономической безопасности страны // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 4. DOI: 10.35854/1998-1627-2020-4-334-344
 19. Эскиндаров М.А., Масленников В.В., Соляникова С.П., Морковкин Д.Е., и др. Стратегия ЦСР 2018-2024 гг.: лозунги, мифы и реальность (позиция экспертов финансового университета // Вестник Финансового университета. - 2017. - № 3(99). - с. 6-24.
 20. Malyshev D. The Eurasian Economic Union: development prospects // Central Asia and the Caucasus. - 2015. vol. 16 - №2. - pp. 7-16.
 21. Morkovkin D., Shmanev S., Shmaneva L. Problems and Trends in Innovative Transformation of Russian Economy and Infrastructure Development // Proceedings of the 3rd International Conference on Economics, Management, Law and Education (EMLE 2017). - 2017. - Т. 32. - С. 10-13.
 22. Vertakova Y.V., Ershova I.G., Plotnikov V.A. Educational system influence on knowledge economy formation // World Applied Sciences Journal. - 2013. - Vol. 2. - pp. 679-683.
 23. Roberts S. The Eurasian Economic Union: the geopolitics of authoritarian cooperation // Eurasian Geography and Economics. - 2017. - Vol. 58, Iss. 4. - pp. 418-441. - DOI: 10.1080/15387216.2017.1415763

© Морковкин Дмитрий Евгеньевич (MorkovkinDE@mail.ru), Попов Владислав Русланович (popovlad17@mail.ru),
Гайнуллина Нонна Руслановна (nonna.gainullina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ОДНОГО ИЗ ФАКТОРОВ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Пурыскина Валентина Анатольевна

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»
valya076@yandex.ru*

IMPROVING THE SOCIAL INFRASTRUCTURE OF THE ORGANIZATION AS ONE OF THE COMPETITIVENESS FACTORS OF PERSONNEL POLICY

V. Puryskina

Summary: In this article, the systematization of the main directions for improving the social infrastructure of the personnel policy of enterprises belonging to the light industry complex is carried out, the factors that have the greatest impact on the effectiveness of the personnel policy are formulated and justified. The fundamental directions of the organization of social infrastructure as one of the factors of competitiveness of personnel policy are formulated. The paper evaluates and examines the results of the study of the mechanism of interaction between social and personnel policies based on the influence of factors of competitiveness, satisfaction and effective work of the personnel of light industry enterprises.

The measures aimed at building an effective personnel policy in the modern Russian conditions of economic development are proposed. Among them, it is necessary to distinguish the differentiated application of compensation packages in relation to employees of the enterprise.

Keywords: personnel policy, social infrastructure, personnel management, competitiveness factors.

Аннотация: В данной статье, проведена систематизация основных направлений по совершенствованию социальной инфраструктуры кадровой политики предприятий, относящихся к комплексу легкой промышленности, сформулированы и обоснованы факторы, оказывающие наибольшее влияние на эффективность кадровой политики. Сформулированы основополагающие направления организации социальной инфраструктуры как одного из факторов конкурентоспособности кадровой политики. В работе проведена оценка и рассмотрены результаты исследования механизма взаимодействия социальной и кадровой политики на основе влияния факторов конкурентности, удовлетворенности и эффективной работы персонала предприятий легкой промышленности.

Предложены мероприятия, направленные на построение эффективной кадровой политики в современных российских условиях развития экономики. Среди которых следует выделить дифференцированное применение компенсационных пакетов в отношении работников предприятия.

Ключевые слова: кадровая политика, социальная инфраструктура, управление персоналом, факторы конкурентоспособности.

Введение

При развернутой оценке системы управления персоналом на предприятиях легкой промышленности рекомендуется использовать комплексный подход, включающий изучение количественных, качественных и социальных показателей. Сфера социальных гарантий всегда является важной составляющей при оценке удовлетворенности работой и собственным рабочим местом. В случае оценки степени удовлетворенности собственным рабочим местом для опроса работников рекомендуется использовать форму анкеты. По результатам проведенного опроса можно определить наиболее значимый параметр социальной защищенности и степень удовлетворенности этим параметром. Результат этого исследования позволяет выявить проблемы, а также снизить уровень неудовлетворенности за счет привлечения сотрудников к дополнительным бонусам, предоставляемым организацией.

Для повышения конкурентоспособности предприятия необходимо работать в двух направлениях:

- обеспечить конкурентоспособность своей продукции, чтобы она могла конкурировать с продуктами других компаний;
- поднять эффективность работы предприятия и каждого из его подразделений, то есть проведение эффективной кадровой политики компании.

Также на конкурентоспособность напрямую влияет наличие устойчивого конкурентного преимущества — особой компетенции, важной для деятельности организации, которая в меньшей степени представлена у конкурентов. Такое конкурентное преимущество имеет три характеристики:

- Основывается на важных для потребителей характеристиках продукта.
- Конкуренты не могут скопировать это преимущество в краткосрочной перспективе.

— Преимущество устойчиво даже при изменениях среды. Источниками конкурентного преимущества может стать создание уникального торгового предложения, внедрение инноваций, создание бренда и т.д.

Существует несколько методов оценки конкурентоспособности. Все они имеют как свои плюсы, так и минусы. Матричные методы сравнивают компании с точки зрения маркетинговой оценки деятельности (матрицы Бостонской консалтинговой группы, Ансоффа, МакКинси и др.).

В зависимости от существующих трендов, экономической ситуации, доминирующих в обществе ценностей и других факторов потребители склоняются к приобретению товаров удовлетворяющего качества по низкой цене (появление «рационального» потребителя), то демонстрируют ажиотажный спрос на товары-новинки (вспомните спиннеры, которые внезапно «выстрелили» на рынке и про которые все благополучно забыли уже через полгода), то становятся более требовательными к дополнительным услугам: скорости доставки, качеству сопутствующего сервиса и т. д. Эти факторы вынуждают компании изменяться вслед за изменяющимися предпочтениями целевой аудитории.

На современном этапе развития российской экономики, вопрос эффективности кадровой политики стоит достаточно остро. В связи с этим кадровая политика эффективна только в том случае, если она опирается на элементы перспективного стратегического управления с учетом прогнозирования ситуации в будущем [1, с. 118].

Для развития социально ориентированной кадровой политики необходимо создание условий, для воспроизводства и развития кадрового потенциала, но и эффективно их использовать в своей кадровой политике [2, с. 90].

Основополагающими направлениями социальной инфраструктуры организации как одного из факторов конкурентоспособности кадровой политики могут выступать:

- комплекс мер, направленных на сохранение квалифицированных кадров, и их профессиональной мобильности;
- трудоустройство рабочих;
- стимулирование рабочих к повышению квалификации, организация и формирование внутриорганизационного обучения персонала;
- участие в социальном обеспечении и страховании;
- обеспечение социальной защиты персонала.

В социальной инфраструктуре организации как одного из факторов конкурентоспособности кадровой политики значительная роль отводится социальному обеспечению.

Например, сотрудники предприятий легкой промышленности летом могут провести каникулы в спортивных лагерях, базах отдыха, которые находятся в собственности данных организаций. Также в течение года сотрудникам предприятий сферы легкой промышленности предоставляется скидка 30% на санаторно-курортное лечение, а также и их детям предоставляется возможность провести каникулы в летних лагерях со скидкой от 30 до 50%.

Методы исследования.

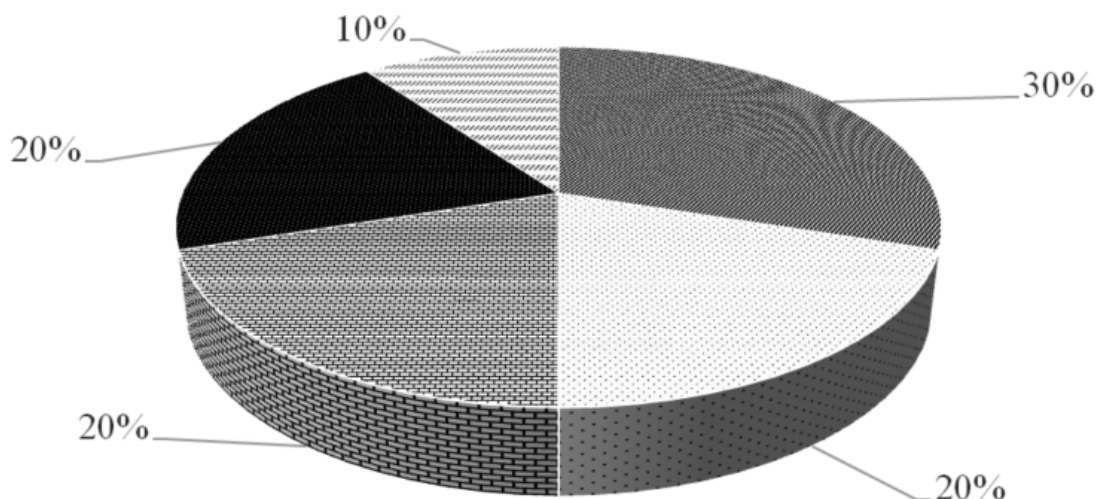
Сегодня на российских предприятиях особенно актуальной и острой является социальная поддержка работников в сфере легкой промышленности. Учитывая массу социальных факторов, характеризующих качество трудовой жизни персонала данной отрасли можно выделить такие как, оплата труда, уровень доступности жилья, условия труда, межличностные отношения и микроклимат в рабочем коллективе, политика компании и администрации (рисунок 1).

По нашему мнению в теории Ф. Гертсберга, необходимо внести некоторые поправки в перечень интегративных социальных факторов. В частности, фактор «степень непосредственного надзора за работой» имеет смысл заменить на коэффициент «степень обеспеченности жилья» [4].

Ключевыми факторами выступают показатели заработной платы и степени обеспеченности жилья. Учитывать необходимо также отношения с начальниками, коллегами, подчиненными, вызывающие положительный или в разной степени негативный психологический климат в группах и между ними.

Использование данной модели позволяет абсолютно однозначно выявить конечную эффективность проведения социальной политики по тому влиянию, которое оказывают на работников планируемые действия в отношении социального развития трудового коллектива. Так что регулирование и обеспечение качества трудовой жизни работника зависит от уровня проводимой в данной компании социальной политики.

На конкурентоспособность кадровой политики оказывают большое влияние такие факторы, как удовлетворенность работой и качество трудовой жизни персонала на предприятиях.

- ※ Зарплата
- ∴ Доступность жилья
- ⊕ Рабочий настрой
- Межличностные отношения и микроклимат в рабочем коллективе
- ∞ Политика компании и администрации

Рис. 1. Структура факторов [3, с. 82]

Полученные результаты.

Социальная инфраструктура организации как одного из факторов конкурентоспособности кадровой политики будет эффективной, если оказываемые социальные услуги отражают особенность деятельности организации. Механизм взаимодействия социальной и кадровой политики на основе влияния факторов конкурентоспособности кадровой политики на удовлетворенность работой представлен на рисунке 2.

Сильная социальная инфраструктура организации как одного из факторов конкурентоспособности кадровой политики выступает важнейшей составляющей стабилизации социально-трудовых отношений в компаниях, повышения мотивации, прироста производительности и качества работы персонала, сохранения и привлечения высококвалифицированных специалистов. Принципы управления создаются на основе социальной и кадровой политики. На рисунке 2 видно, что удовлетворение социальных потребностей работников и создание благоприятных условий труда способствуют возникновению у работников стремления внести свой вклад в эту систему. Это, в свою очередь, приводит к сохранению существующего персонала и привлечению новых работников, максимальному использованию работниками своих способностей и возможностей, обеспечивающих

прирост производительности, повышение эффективности и качества работы рабочих, к повышению квалификации специалистов.

Сфера социальных гарантий всегда является важной составляющей при оценке удовлетворенности работой и собственным рабочим местом. В случае оценки степени удовлетворенности собственным рабочим местом для опроса работников рекомендуется использовать форму анкеты, которая приведена в таблице 1.

По результатам такого опроса можно определить наиболее значимый параметр социальной защищенности и степень удовлетворенности этим параметром. Результат этого исследования позволяет выявить проблемы, а также снизить уровень неудовлетворенности за счет привлечения сотрудников к дополнительным бонусам, предоставляемым организацией. Увеличение дохода сотрудников предприятия в качестве рекомендации предполагает создание пакета льгот или компенсаций для оказания помощи работникам в решении социальных бытовых проблем, для социальной защиты работников.

Варианты компенсационного пакета разрабатываются с одинаковой стоимостью, но с разным наполнением для обеспечения выбора сотрудником [5, с. 69].

Рис. 2. Механизм взаимодействия социальной и кадровой политики на основе влияния факторов конкурентности и удовлетворенности работой [6, с. 230, 7]

Таблица 1.

Форма анкеты.

Имя	Важно для вас (в% опрошенных)	В %			
		Довольный	Скорее доволен	Скорее недоволен	Неудовлетворен
1. Социальные выплаты и льготы					
2. Предоставление жилья					
3. Услуги общественного питания.					
4. Предоставление санаторно-курортных путевок.					
5. Спортивные сооружения					
6. Обеспечение медицинского осмотра					
7. Организация праздничных и торжественных мероприятий					
8. Предоставление детских новогодних подарков.					

Таблица 2.

Варианты компенсационного пакета для работодателя в зависимости от качественных характеристик работника.

Варианты компенсационного пакета	Лидеры		Специалисты		Другие работники	
	> 5 лет	> 5 лет	> 5 лет	> 5 лет	> 5 лет	> 5 лет
Обеспечение медицинского обследования и осмотра	+	+	+	+	+	+
Оплата путевок в дома отдыха	+	+	+	+	+	+
Предоставление льготных кредитов		+	+	+	+	+
Единовременные выплаты на важные жизненные события (юбилей, похороны)	+	+	+	+	+	+
Единовременная материальная поддержка семье работника	+	+	+	+	+	+
Оплата дополнительного обучения сотрудников	+	+	+	+	+	+
Компенсация дорогостоящего лечения тяжелого заболевания близких родственников		+	+	+	+	+
Бесплатные билеты					+	+
Предоставление ведомственного жилья или его оплата						
Предоставление служебного автомобиля		+	+			
Обеспечение более комфортных условий труда			+		+	
Ценные подарки к юбилеям			+		+	+

Выводы.

Исходя из проведенного исследования можно сделать вывод, что совершенствование социальной инфраструктуры организации как одного из факторов конкурентоспособности кадровой политики будет способствовать привлечению и удержанию компетентных и необходимых сотрудников организации, стимулированию и патриотическому отношению к организации, а также эффективной и продуктивной работе.

Предоставляемые социальные услуги и гарантии выступают материальной поддержкой для новых сотрудников, что позволяет создавать благоприятный климат на предприятиях легкой промышленности, и стимулирует профессиональное развитие работников.

К положительным результатам от реализации данного комплекса мер по повышению системной эффективности управления персоналом следует отнести:

- обеспечение адекватного уровня жизни персонала;

- воплощение индивидуальных способностей сотрудников;
- позитивный социально-психологический климат;
- снижение уровня текучести кадров.

Таким образом, основной целью социальной инфраструктуры организации как одного из факторов конкурентоспособности кадровой политики выступает эффективная система управления персоналом, основанная на социальных гарантиях и государственной поддержки.

Ожидаемым эффектом от внедрения предлагаемых мероприятий по оптимизации социальной инфраструктуры предприятия как одного из факторов конкурентоспособности кадровой политики является внедрение мер по стимулированию персонала, которые позволят повысить качество HR-функций, направленных на повышение результативности труда работников персонала, а также формирование оптимальной для конкретного предприятия системы мер по совершенствованию социально-трудовой составляющей кадровой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дырин С. Управление персоналом: от кадрового подхода - к многоаспектному // Кадровик. - 2010. - № 9. - С. 117-120.
2. Зеленцов А.Б. Формирование и реализация кадровой политики в системе социально-трудовых отношений промышленных организаций: дис. кан. эк-х. наук. – М.: 2015. – 175 с.
3. Андреева Н.В., Набатчикова С.Б., Огородникова Е.П. Подготовка и переподготовка персонала в области АПК // Никоновские чтения. 2020. № 25. С. 79-83.
4. Ильенков Д.А. Управление по целям: преимущества и недостатки // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2015/02/7151> (дата обращения: 04.2021)

5. Чубукова, С.Г. Стратегии развития информационного общества и направления развития законодательства [Текст] / С.Г. Чубукова // Правовая информатика. - 2017. - № 2. - С. 67-72
6. Боровских Н.В., Кипервар Е.А. Кадровая политика предприятия: перспективы формирования в условиях цифровизации экономики // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права №4 (77) 2019. С. 223-233
7. Российский экспортный центр [Электронный ресурс]: Официальный веб-сайт. - Режим доступа: <https://www.exportcenter.ru>

© Пурыскина Валентина Анатольевна (valya076@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЭФФЕКТОВ ИНТЕГРАЦИИ БЛОКЧЕЙН ТЕХНОЛОГИЙ В ХОЗЯЙСТВЕННУЮ СРЕДУ: ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД¹

SYSTEMATIZATION OF THE EFFECTS OF INTEGRATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES INTO THE BUSINESS ENVIRONMENT: A DIALECTIC APPROACH

M. Safullin
R. Burganov
L. Elshin

Summary: The subject of the research is the economic relations of economic agents regarding the use of blockchain technologies in economic activity and the formation of new forms of building business models. The authors consider in detail the opportunities and risks for the development of the financial and real sectors of the economy within the framework of diffusion and blockchain technologies in the context of key areas of their impact: asset verification, accounting and maintenance of a database of transactional transactions, data confidentiality and transaction costs (operating costs). Particular attention is paid to the study of risks and limitations in the process of using distributed data storage technologies in the framework of dialectical analysis to study the question posed.

The study is an attempt to systematize the effects considered for the economy as a result of the penetration of blockchain technologies into the socioeconomic environment, grouping them according to general features, in terms of the direction of impact. The main conclusion of the study is to substantiate the need to develop methodological approaches to a formalized assessment of risks and opportunities for the national economic system as part of the integration of the studied technologies into the ecological environment. The novelty of the research lies in the identification and systematization of positive and negative externalities for the national economy, caused by the spread of the studied technologies and their integration into the system of economic relations.

Keywords: blockchain technologies, opportunities, risks, systematization of effects, economic growth, economic environment, externalities, national economy, real sector of the economy, financial sector of the economy, blockchain networks.

Сафиуллин Марат Рашитович

*Д.э.н., профессор, ФГАОУ ВО "Казанский (Приволжский)
федеральный университет"*
Marat.Safullin@tatar.ru

Бурганов Рафис Тимерханович

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Казанский государственный
архитектурно-строительный университет»*
с.р@tatar.ru

Ельшин Леонид Алексеевич

*Д.э.н., ФГАОУ ВО "Казанский (Приволжский) федеральный
университет"*
Leonid.Elshin@tatar.ru

Аннотация: Предметом исследования являются экономические отношения экономических агентов по поводу использования в хозяйственной деятельности блокчейн технологий и формирования новых форм построения бизнес-моделей. Авторы подробно рассматривают возможности и риски для развития финансового и реального секторов экономики в рамках диффузии блокчейн технологий в разрезе ключевых направлений их воздействия: проверка активов, учет и ведение базы данных транзакционных сделок, конфиденциальность данных и затраты по сделке (операционные издержки). Особое внимание уделяется исследованию рисков и ограничений в процессе использования технологий распределенного хранения данных в рамках диалектического анализа к исследованию поставленного вопроса.

Исследование является попыткой систематизировать рассматриваемые для экономики эффекты в результате проникновения в социально-экономическую среду блокчейн технологий, сгруппировав их по общим признакам, с точки зрения направления воздействия. Основным выводом проведенного исследования является обоснование необходимости выработки методических подходов к формализованной оценке рисков и возможностей для национальной экономической системы в рамках интеграции исследуемых технологий в экосреду. Новизна исследования заключается в идентификации и систематизации положительных и отрицательных экстерналий для национальной экономики, вызванных в процессе распространения изучаемых технологий и их интеграции в систему экономических отношений.

Ключевые слова: блокчейн технологии, возможности, риски, систематизация эффектов, экономический рост, хозяйственная среда, экстерналии, национальная экономика, реальный сектор экономики, финансовый сектор экономики, блокчейн сети.

Введение

Блокчейн-технологии все еще, несмотря на набирающий уровень их популяризации в научно-экспертном сообществе, являются новыми и активно раз-

вивающимися, что ограничивает понимание того, какие возможности и риски они могут сформировать для развития финансовой системы и национальной экономики в целом. В этой связи, в условиях неопределенности, регуляторы достаточно скептически смотрят на возмож-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00202).

ность их широкого применения в системе хозяйственных отношений.

Опасения регуляторов вызваны целым рядом причин, главными из которых являются децентрализованный характер финансовых транзакций с возможностью их обезличивания, что генерирует риски неконтрольного обращения финансовых ресурсов. Кроме того, проблема заключается и в том, что сами финансовые институты (банки, брокеры, клиринговые дома и т.п.) не понимают в полной мере как работают криптовалюты, блокчейн-системы и, соответственно, нет понимания того, каким образом будут формироваться транзакции в рамках рассматриваемых технологий, в каком количестве и к каким последствиям это может привести [1-4].

Аналогичный тезис справедлив и для предприятий реального сектора экономики, которые в условиях информационного фона об усиливающихся процессах проникновения блокчейн технологий в систему операционных процессов (к примеру заявление Центрального банка Российской Федерации о перспективах внедрения цифрового рубля и блокчейн технологий в платежную систему [5]), не имеют полного представления о возможностях, открывающихся для них и рисках, генерирующихся в этой связи.

Несомненно, в научной и экспертной литературе сегодня можно встретить весьма значительное количество работ, раскрывающих поставленные здесь вопросы. Однако все они, зачастую, носят, как правило, в определенной степени фрагментарный характер, выраженный, в первую очередь, в идентификации возможных эффектов и последствий для хозяйствующих субъектов через призму базовых, укрупненных экстерналий. Кроме того, не достаточно проработаны и вопросы их систематизации, с точки зрения направлений воздействия как на конкретные сектора экономики, так и на всю экономическую систему в целом.

На наш взгляд, обозначенная проблема относится к классу методических и требует реализации специальных мероприятий, направленных на поиск механизмов, обеспечивающих ее решение. К ним, необходимо отнести не только идентификацию и обоснование направлений воздействия, но и конкретизацию возможных последствий и их систематизацию.

Методы

Неизбежность блокчейнизации национальной и глобальной экономических систем обусловлена, в первую очередь, тем, что она позволит в большей степени автоматизировать процессы операционного управления и механизмы проведения новых финансовых криптовалютных транзакций, что сформирует предпосылки роста экономиче-

ской эффективности хозяйствующих субъектов за счет высвобождения временных, материальных и человеческих ресурсов [6].

Решение вопроса о значимости блокчейн технологий и их влияния на параметры и устойчивость национальной экономики лежит, в первую очередь, в плоскости идентификации и определения ключевых эффектов, порождаемых их использованием в хозяйственной деятельности экономических агентов.

Совершенно очевидно, что блокчейн технологии имеют первоочередное значение в сфере реализации финансовых операций в части:

- снижения посреднических комиссий за их проведение;
- социализации каналов доступа к финансовым рынкам (расширение доступа экономических агентов к фондовым торговым площадкам);
- расширения возможностей повышения ликвидности капитала кредитных организаций за счет повышения эффективности операционных процессов (что обеспечивает снижение операционных и кредитных рисков);
- расширения возможностей для повышения финансовой устойчивости бизнес-сообщества за счет дополнительного прироста оборотных активов, как результат локализации на финансовых рынках комиссионных доходов за финансовые транзакции; и т.п.

Кроме того, несомненно, этим перечнем положительных экстерналий позитивные для экономики эффекты не ограничиваются. Их идентификация должна лежать в русле систематизации генерирующихся экстерналий, причем не зависимо от того, какого они типа: положительные или отрицательные.

Результаты и обсуждение

Опираясь на изложенный подход к исследованию, формирующиеся, в рамках интеграции блокчейн технологий в хозяйственную среду, возможности и риски для развития финансового и реального секторов экономики, представлены ниже в разрезе ключевых направлений, объективно представленных в работе А. Тиллоби. [7].

1) Проверка активов

- 1.1 Блокчейн-сети имеют очень высокий уровень конгруэнтности целей ее участников, что порождает достоверность фиксации новой информации и актуальность данных, характеризующих транзакции в прошлом.
- 1.2 В отличие от ресурсов Интернета, который стремится представить всеобъемлющую информацию, зачастую характеризующуюся своей не-

надежностью, неактуальностью, информация, хранящаяся в блокчейн-системах защищена от фальсификации, всегда актуальна и не содержит «мусорные» характеристики изучаемого объекта.

- 1.3 Применение в системе обмена данными блокчейн-сетей формирует возможность консолидации данных в единый репозиторий, что сокращает потребность в ресурсах, затрачиваемых на сбор и обработку информации, а также формирует основу для получения актуальной и достоверной информации.
- 1.4 Снижение издержек на судебные споры (ввиду эффекта хронологической отслеживаемости и неизменности данных в блокчейн-системах).
- 1.5 Важнейшей составляющей, обосновывающей положительные перспективы динамичного развития блокчейн технологий, это возможность создания на их основе «умных» контрактов, которые будут нивелировать риски двусмысленных ситуаций, что приведет к ликвидации спорных отношений между участниками сделки.
- 1.6 Снижение затрат в результате высвобождения трудовых ресурсов, занятых обработкой и проверкой достоверности данных клиентов.
- 1.7 Оптимизация дивидентного и налогового планирования компаний на основе проверки активов с точки зрения достоверности их данных и всех сопутствующих атрибутов, сверки записей относительно истории формирования актива.

2) Учет и ведение базы данных транзакционных сделок.

- 2.1 Применение в банковской деятельности блокчейн технологий будет способствовать «прозрачности» финансовой деятельности за счет строгой регламентации правил работы финансового рынка и его участников и набора запрограммированных блокчейном действий.
- 2.2 Финансовому сектору экономики целесообразно применять блокчейн технологии, в рамках совершенствования процесса ведения учета данных, в следующих направлениях и сферах операционной деятельности:
 - фондовые рынки, где текущий процесс обработки сделок требует медленного и ручного контроля записей реестра владения акциями и иными ценными бумагами;
 - рынки кредитования;
 - рынки корпоративных облигаций, где технология блокчейн могла бы оцифровать записи в изменении владения и стоимости активов и кодифицировать необходимые расчеты;
 - деривативный рынок, где «прозрачность» сделок, история в отношении ранее реализованных операций, транзакций могут су-

ществленным образом сократить стоимость транзакционных издержек, сократить время на мониторинг и совершение постторговых процессов [8];

- ведение и управление базами данных клиентов в целях создания централизованного репозитория для облегчения задачи контроля достоверности данных.
- в соответствии с подходом [9] блокчейн-технологии крайне эффективны на рынке РЕПО, где в качестве ключевой функции выступают договора обратного выкупа.

3) Конфиденциальность данных.

- 3.1 В блокчейн-системах пользователи (участники) могут контролировать уровень своей конфиденциальности, что формирует возможность контроля доступа третьих лиц к идентификации профиля участника сети
- 3.2 Использование в системе финансовых транзакций блокчейн-сетей способствует полномасштабной реализации проведения процедуры KYC.

4) Затраты по сделке (операционные издержки).

- 4.1 Технологии блокчейн и построенные на их основе расчетные, платежные платформы существенным образом могут заменить функционал и предназначение системы посредничества в финансовой сфере, что обеспечит трансформацию процессов клиринга, структуру и состав операционных рисков финансовых учреждений, сферу страхования, ведения и учета многогранговых баз данных о финансовых транзакциях и др.
- 4.2 Блокчейн-технологии формируют новые бизнес решения в сфере учета и контроля финансовых транзакций, сочетающие в себе такие функции, как прозрачность и конфиденциальность. То есть в условиях конфиденциальности проводимые сделки прозрачны.
- 4.3 Сокращение затрат на международные платежи и торговые расчеты.
- 4.4 Интеграция в финансовую экосреду блокчейн технологий позволит снизить стоимость транзакций в результате обострения конкурентной среды на рынке обслуживания денежных переводов. Сегодня в платежном секторе есть две транснациональные компании, предоставляющих услуги проведения платежных операций: Visa и MasterCard, формирующие, по сути, дуополию на рынке.

5) Дополнительные возможности.

- 5.1 Блокчейн технологи, формирующие основу для проведения криптовалютных транзакций открывают но-

вые возможности для развития инвестиционных рынков, фактически социализируя процессы инвестиционной активности экономических агентов.

- 5.2 Технология блокчейн может расширить доступ к рынкам капитала, посредством социализации процесса интеграции экономических агентов в финансовые рынки;
- 5.3 Технология блокчейн способна обеспечить ускоренную динамику развития экономики, за счет оптимизации расходов и снижения операционных издержек хозяйствующих субъектов.
- 5.4 Блокчейн технологии позволяют повысить уровень автоматизации операционных процессов организаций, что обеспечивает им рост конкурентоспособности и повышение финансовых результатов.
- 5.5 Максимально возможный уровень безопасности функционирования блокчейн-систем в контексте несанкционированного доступа (взлома) к данным ее участников.
- 5.6 Технологии блокчейн могут устранить многие известные и актуальные для настоящего времени проблемы в секторе финансовых услуг – мошенничество, операционные риски, задержки в системе финансовых транзакций и платежей.
- 5.7 Блокчейн технологии обеспечивают возможность контроля реализуемых финансовых транзакций для регуляторов, в случае если последние интегрированы в открытые блокчейн-сети.
- 5.8 Использование блокчейн технологий способствует сокращению финансовых операционных издержек, возникающих в рамках нормативного соблюдения требований национальных и международных юрисдикций
- 5.9 Повышение контроля за финансовым рынком со стороны регуляторов в рамках применения концепции использования открытых блокчейн-систем.
- 5.10 Участники блокчейн-систем способствуют созданию низкого уровня неопределенности и повышают производительность генерации финансовых транзакций.
- 5.11 Применение блокчейн-технологий может существенно расширить диапазон услуг в сфере финансовых операций. При этом данное расширение будет достигаться, в первую очередь, не за счет повышения уровня автоматизации процессов, а за счет появления новых форматов построения бизнес-моделей.
- 5.12 Блокчейн технологии являются весьма эффективным инструментом обеспечения новых форм развития бизнеса на основе привлечения инвестиций и формирования новых принципов работы на рынках капитала в виде ICO.

5.13 Использование технологий распределенного хранения данных формирует масштабную возможность глобализации и снятия географических барьеров для транзакций исходя из программируемой идентичности репутационной активности пользователей блокчейн-сетей и надежности проведения транзакций между ее участниками вне зависимости от места их нахождения и идентификационных данных в открытом доступе.

Важно отметить, что блокчейн технологии, помимо своих явных достоинств, формируют и иного рода последствия, связанные, к примеру, со стоимостью разработки соответствующих блокчейн-платформ, стоимостью их последующего обслуживания по мере масштабируемости обслуживаемых ей процессов и т.п. В этой связи, учитывая, что рассматриваемые технологии, помимо своих явных положительных экстерналий, генерируют и определенного рода риски и ограничения их широкого применения, целесообразно использовать при проведении оценок и выдвигании постулатов теоретического порядка инструменты диалектического анализа к исследованию поставленного вопроса. Это, на наш взгляд, будет способствовать всестороннему пониманию и изучению исследуемых технологий, что минимизирует риски неоднозначной интерпретации получаемых выводов.

В соответствии с данным подходом необходимо однозначно осознавать, что разворачивание подобных блокчейн-систем в хозяйственной среде национальной экономики требует решения целого ряда технических задач. К ним можно отнести: разработку порядка распределения затрат на разворачивание и поддержание блокчейн систем между ее участниками (заинтересованными сторонами); разработку регламента и определения возможных границ обмена данными между участниками платформы; возможность корректировки базы данных в случае обнаружения ошибочной записи о транзакции, соответствие процессов обработки данных на основе блокчейн систем требованиям FINRA [10] в части соблюдения, к примеру, минимальных сроков фиксации записей о реализованных транзакциях, требуемого типа записей и др. Кроме того важнейшим вопросом в череде поставленных являются вычислительные и технологические ресурсы и их потенциал для решения поставленных задач, касающихся создания блокчейн-регистров и их разворачивания в финансовых и иных учреждениях. Учитывая, что реестр блоков в блокчейн-системах постоянно будет расти и, по всей видимости, храниться на нескольких узлах подобно рода вопрос представляется весьма актуальным в контексте предмета настоящего исследования. Однако, в соответствии с законом Мура, риск нехватки или повышенной загрузки технологических мощностей не велик, ввиду того, что со

временем процессоры становятся быстрее и дешевле, что позволяет, в свою очередь, по более низкой стоимости обеспечить процесс фиксации и извлечения записей из блокчейн-платформ.

Существуют и другие риски, подробно представленные и проанализированные, к примеру, в исследовании Крылова Г.О., Селезнёва В.М. [11, 12]. К ним необходимо отнести риски, вызванные «возможным отмыванием преступных доходов в силу планетарной структуры распределенных реестров; анонимности и трансграничности блокчейн-транзакций, потенциальных атак типа 51% др. Эти риски являются главным препятствием внедрения блокчейн технологий в кредитно-финансовой сфере» [11, 12]. Более того, в соответствии с рекомендациями группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), являющимися общепризнанными международными стандартами, данного рода риски весьма значимы, ввиду чего Рекомендация 15 провайдерам услуг виртуальных активов обращает внимание на необходимость оценивать риски, которые могут возникнуть «в связи с:

- разработкой новых продуктов и новой деловой практики, включая новые механизмы поставки;
- использованием новых или разрабатываемых технологий как для новых, так и для уже существующих продуктов» [13]».

В концентрированном формате факторы, ограничивающие перспективы широкого разворачивания в системе операционных и хозяйственных процессов национальной экономики блокчейн технологий, представлен ниже:

1. В силу технологических решений блокчейн сети при их значительном масштабировании могут работать весьма медленно ввиду того, что для достижения консенсуса в отношении какой-либо операции требуются затраты времени (генерация новых блоков сети требует дополнительных затрат технологических и иных ресурсов на хранение и обработку данных). [14].
2. Высокая стоимость разработки соответствующих блокчейн-платформ, а также стоимость их последующего обслуживания по мере масштабируемости обслуживаемых ей процессов и т.п.
3. Децентрализованный механизм консенсуса требует использования значительной инфраструктуры и эксплуатационных расходов в области содержания сетей связи, вычислений и хранения данных.
4. Использование блокчейн технологий в финансовом секторе экономики потребует согласования, а возможно и разработки новых процедур проверки, синхронизированных и соответствующих требованиям FINRA.

5. Существенным ограничением использования блокчейн технологий в глобальной системе финансовых транзакций может быть обусловлено ввиду рассогласованности юрисдикционного поля, регламентирующего использование данных технологий в различных странах, включая и процедуры проверки активов перед совершением сделки.
6. Внедрение блокчейн технологий в финансовую среду нарушит порядок ее функционирования и развития ввиду того, что финансовые транзакции смогут генерироваться децентрализованным способом, при этом не нарушая принципы проверки, хранения и защиты данных.
7. Тотальное разворачивание блокчейн технологий в финансовой среде может привести к неизвестным последствиям, ввиду недостаточного опыта их применения на практике.
8. Глобальное разворачивание блокчейн-сетей, «ломающих» официальные границы между государственными юрисдикциями в процессе реализации финансовых транзакций затруднительно ввиду дифференциации нормативно-правовых инструментов регулирования финансовых рынков в различных странах.
9. Блокчейн технологии содержат ряд неопределенностей в области апробации финансовых операций (тотальное разворачивание блокчейн технологий в финансовой среде может привести к неизвестным последствиям, ввиду недостаточного опыта их применения на практике).
10. Блокчейн платформы могут не соответствовать установленным требованиям финансовых транзакций (по скорости обработки данных, KYC, нормативному регулированию в различных странах и др.);
11. Финансовые учреждения весьма скептически относятся к данной технологической инновации, что может ограничить диффузию блокчейн технологий в финансовой системе национального и глобального уровня.
12. Планируемые экономические эффекты от использования в финансовой деятельности блокчейн платформ трудно точно оценить ввиду того, что структура и содержание издержек не сопоставимы с расходами, вызванными в рамках традиционных форм реализации транзакций.
13. Учитывая, что сформировавшаяся финансовая система состоит из множества связанных между собой систем и платформ, замена одной из них блокчейн платформой, скорее всего не позволит ей синхронизироваться с иными системами/подсистемами.
14. Весьма актуальной и значимой проблемой является поиск решений в вопросе сохранения безопасности использования блокчейн-сетей.

15. Опасения регуляторов по поводу широкого применения блокчейн технологий вызваны целым рядом причин, главными из которых являются децентрализованный характер финансовых транзакций с возможностью их обезличивания, что генерирует риски неконтролируемого обращения финансовых ресурсов.
16. Существуют риски криминального использования блокчейн-технологий для несанкционированного и конфиденциального проведения сделок. Финансовые транзакции, основанные на применении цифровых денег (криптовалюты) являются во многом не подконтрольными центральным регуляторам.
17. Национальные экономики абсолютного большинства стран так и не выработали систему нормативно-правовых требований к регулированию процесса использования блокчейн-систем в финансовой и хозяйственной деятельности экономических агентов.
18. Одним из важнейших аргументов, который также может приостановить процессы блокчейнизации финансовой среды является конфиденциальность данных.
19. Учитывая, что блокчейн-системы построены по принципу децентрализованного управления, технической сложностью может стать проблема устранения ошибок, в случае их появления и обнаружения в сети.
20. Пользователи – участники блокчейн-систем имеют возможность оппортунистически фальсифицировать свои идентификационные данные, что формирует риски получения не актуальной (не в полной мере прозрачной) информации о них.
21. Пользователи – участники блокчейн-систем имеют возможность быть псевдонимами.
22. Некоторые данные, вводимые участниками блокчейн-систем, могут быть зашифрованы.
23. Участники блокчейн-систем имеют возможность раскрытия информации о себе на коммерческой основе, что повышает расходы других участников (финансовых организаций), заинтересованных в поиске и сборе информации о них (контрагентах).
24. Блокчейн-системы генерируют риски фрагментации и дублирования данных, в случае утери пользователем закрытого ключа, что формирует необходимость создания нового дублирующего профиля пользователя.
25. Использование «умных» контрактов в блокчейн-системах требует повышенного уровня затрат на их разработку относительно традиционных форм договоров.
26. В случае, если технологически блокчейн-система использует принципы высокого уровня конфиденциальности, то есть, по сути, ее пользователи являются псевдонимами, расходы на контроль в сфере совершаемых транзакций могут повыситься.
27. Децентрализованный принцип функционирования блокчейн-систем предполагает подключение к ней узлов и данных различных заинтересованных организаций. Однако, учитывая, что данные организации могут выступать в роли конкурентов по отношению друг к другу, существует весьма высокая вероятность того, что они не захотят делиться и выкладывать в свободное обращение какими-то информационные данные. В этом случае можно говорить о некоем препятствии и ограничении перспектив развития блокчейн технологий в сформировавшейся экосреде.
28. Операционные издержки на обеспечение требований KYC и AML могут сместиться с финансовых учреждений на государственные регуляторы. Сформировавшиеся алгоритмы и нормы KYC, AML могут не соблюдаться в рамках блокчейн-систем. Это, по всей видимости, потребует разработки новых правил организации финансовой безопасности в рамках использования блокчейн технологий.
29. Цифровые деньги формируют условия снижения уровня использования традиционных денег. Следовательно, их использование и активное проникновение в систему хозяйственных операций отразится на развитии финансовой системы национальной экономики, трансформируя и угрожая устойчивости ее фундаментальных основ. Это связано, в первую очередь, с радикальным изменением формы и способов проведения транзакций.

Выводы

В целом, несмотря на весьма широкий представленный перечень факторов, выступающих на сегодняшний день в роли ограничителей активной диффузии блокчейн технологий в рамках национальной экономической системы, перспективы их интеграции в хозяйственные процессы многими теоретиками и практиками оцениваются как крайне высокие. Подтверждением этому выступают, в частности, данные, представленные ПАО «Ростех» [15]. В соответствии с ними скорость распространения изучаемых технологий оценивается в формате экспоненциального тренда, что, несомненно, связано с представленными положительными экстерналиями, генерирующимися в рамках проникновения блокчейн технологий в хозяйственную среду.

Кроме того, важно отметить, что в последние годы национальные регуляторы многих стран весьма активно прорабатывают вопросы создания национальных цифровых денег. Наблюдаемая в последние годы активность, несомненно, может служить триггером к актив-

зации и наращиванию исследований, направленных на разработку методических подходов к оценке влияния технологий распределенного хранения данных на параметры развития экономических систем.

Заключение

Цифровизация социоэкономической среды существенным образом трансформирует традиционные сферы хозяйственной деятельности. На смену аналоговому телевидению пришло цифровое; фиатные платежи заменяются электронными; обмен данными и построенные на их основе управленческие модели перешел в систему электронного документооборота и т.п. Блокчейн технологии также могут существенным образом изменить устоявшиеся процессы и бизнес-модели хозяйствующих субъектов, а также финансовую сферу, продолжив раз-

вивать парадигму FinTech.

Представленные аргументы, раскрывающие перспективы развития национальных экономических систем в условиях интеграции в систему хозяйственных процессов блокчейн технологий, свидетельствуют о необходимости разработки методов и алгоритмов формализованной оценки их влияния на ключевые параметры социально-экономической динамики. При этом конечно же подобного рода разработки не могут быть эффективно реализованы без системного понимания главных и сопутствующих эффектов. В связи с чем их группировка является важнейшей методической задачей в пространстве поиска решений, направленных, в том числе, на построение специальных моделей, оценивающих влияние диффузии блокчейн технологий на национальную экономику.

ЛИТЕРАТУРА

1. de Meijer, C. R. W. (2016). Blockchain and the securities industry: Towards a new ecosystem. *Journal of Securities Operations & Custody*, 8(4), 322-329.
2. Marc Andreessen. Why Bitcoin Matters. // *The New York Times* [сайт]. - January 21, 2014. - URL: <https://dealbook.nytimes.com/2014/01/21/why-bitcoin-matters/> (дата обращения 20.05.2020).
3. Pieters G., Vivanco S. Financial regulations and price inconsistencies across Bitcoin markets // *Information Economics and Policy*- 2017. - Vol. 39. – pp. 1-14.
4. Safiullin M.R., Elshin L.A. Role of higher school in the formation of the fourth industrial revolution in the russian federation. *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2019. Т. 10. № 2. С. 1669-1676.
5. Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль». Банк России. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://buhguru.com/wp-content/uploads/2020/10/cb-cifrovoy-rubl-doklad-2020.pdf>
6. Сафиуллин М.Р. Абдукаева А.А., Ельшин Л.А. Интегральная многокомпонентная оценка развития рынка блокчейн-технологий в национальной экономике России / *Инновации*. 2019. № 7 (249). С. 41-49.
7. Tilooby, Al, "The Impact of Blockchain Technology on Financial Transactions." Dissertation, Georgia State University, 2018. https://scholarworks.gsu.edu/bus_admin_diss/103
8. Yli-Huumo, J., Ko, D., Choi, S., Park, S., & Smolander, K. (2016). Where Is Current Research on Blockchain Technology?-A Systematic Review. *Plos One*, 11(10), e0163477-e0163477. doi:10.1371/journal.pone.0163477/
9. Wang A.W. (2018) *Crypto Economy. How Blockchain, Cryptocurrency, and Token-Economy Are Disrupting the Financial World*. Skyhorse Publishing, 148 P.
10. FINRA. (2017). *Distributed Ledger Technology: Implications of Blockchain for the Securities Industry*. Retrieved from http://www.finra.org/sites/default/files/FINRA_Blockchain_Report.pdf.
11. Проблемы безопасности оборота цифровых финансовых активов в криптоэкономике: Монография / Г.О. Крылов, В.М. Селезнев. – М.: Прометей, 2020. – 348с.
12. Крылов Г.О., Селезнёв В.М. Состояние и перспективы развития технологии блокчейн в финансовой сфере. *Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice*. 2019; 23(6):26-35. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-6-26-35>.
13. FATF (2019), *Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers*, FATF, Paris [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Guidance-RBA-virtual-assets.html, свободный (02.03.2021).
14. *Towards the Circular Economy Vol. 1: an economic and business rationale for an accelerated transition*. The Ellen Macarthur Foundation, 2012. 96 p. URL: <https://www.ellenmacarthurfoundation.org/publications/towards-the-circular-economy-vol-1-an-economic-and-business-rationale-for-an-accelerated-transition>. (дата обращения 28.05.2020).
15. В России потратят 36 млрд рублей на развитие блокчейна. Что это даст? [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.cnews.ru/articles/2020-04-19_v_rossii_potratyat_36_mlrld_rub_na_razvitie, свободный (29.12.2020).

© Сафиуллин Марат Рашитович (Marat.Safiullin@tatar.ru), Бурганов Рафис Тимерханович (c.p@tatar.ru), Ельшин Леонид Алексеевич (Leonid.Elshin@tatar.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОНТУРА СТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

FORMATION OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL CIRCUIT FOR STRUCTURAL MODERNIZATION

V. Scherbakov
A. Dubrovsky

Summary: The article examines the problems of structural modernization of the Russian economy in conjunction with the use of the potential of the fuel and energy complex. The regularities of structural modernization are revealed and the role of the fuel and energy complex, which is the most important structural component of the development of the country's productive forces, is determined. Formation of a trajectory of sustainable economic growth requires maximum efficiency in the use of fuel and energy resources and the potential of the energy sector. It has been substantiated that the low technical and technological level of the extractive and processing industries of the fuel and energy complex, imbalances in pricing, devaluation of the ruble do not meet the strategic goals of industrial development and the achievement of economic security.

Keywords: production, modernization, potential, fuel and energy complex, economic system, efficiency.

Щербakov Виктор Николаевич

Д.э.н., профессор, Финансовый университет при
Правительстве РФ; в.н.с., Институт экономики РАН,
г. Москва

sherbakovvn@yandex.ru

Дубровский Андрей Викторович

К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ, г. Москва

dav-rgsu@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы структурной модернизации экономики России во взаимосвязи с использованием потенциала топливно-энергетического комплекса. Выявлены закономерности структурной модернизации и определена роль топливно-энергетического комплекса являющегося важнейшей структурной составляющей развития производительных сил страны. Обосновано, что низкий технико-технологический уровень добывающих и перерабатывающих отраслей топливно-энергетического комплекса, дисбалансы ценообразования, девальвация рубля, не отвечают стратегическим целям развития промышленности и достижения экономической безопасности.

Ключевые слова: производство, модернизация, потенциал, топливно-энергетический комплекс, хозяйственная система, эффективность.

Преодоление проблем сложившейся экономической реальности обуславливает поиск тех направлений структурных преобразований экономики, которые обеспечили бы переход к новому технологическому укладу. Такая направленность перехода должна иметь системный подход к управлению процессом масштабных структурных преобразований в промышленности, предполагающий повышение эффективности использования ресурсного потенциала. [13, с. 45] Исследования последних трех десятилетий показывают, что установки по переводу экономики на новый мирохозяйственный и технологический уклады, обеспечению опережающего развития и т.п. не дали результата.

Анализируя с данных позиций проблему модернизационных преобразований российской экономики и промышленности, в частности, не трудно заметить, что негативные тенденции во многом определены макроэкономическими «несоответствиями» целевых интересов, которые отчасти унаследованы ещё с прошлых лет, отчасти сформировались в результате либеральных реформ продолжающих свое активное влияние на экономику сегодня.

Исследуя эффективность использования ресурсного потенциала по его структуре и в соотношении с развитыми странами, можно обратить внимание на резкие дисбалансы. Так, при значительном удельном весе природного капитала (более 40 % национального богатства), доля производственного капитала - 10 %, человеческого - 50 %. В сравнении, структура национального богатства США такова: производственный - 19 %, человеческий - 77 %, природный капитал - 4 %.

По оценкам экспертов, уровень эффективности использования ресурсного потенциала в российской экономике составляет: человеческие - на 15 %, финансовые - на 10 %, природные - на 25 %, а интеллектуальные только на 3,3%. Это подтверждает вывод о низком уровне освоения ресурсного потенциала - он составляет 18 % в среднем. В сравнении, в ЕС он оценивается в 78 %, в США - в 76 %, в Японии в 88 %. [12, с. 267]

Всё это подтверждает вывод о том, что принятые программы интенсификации технико-технологического комплекса, например, Стратегия 2020, не раскрывают внутренние резервы роста эффективной модернизации. Важной особенностью в этой связи, является отсутствие

побудительных мотивов у инвесторов и потенциальных собственников к экономическому росту не отдалённую перспективу.

Данная тенденция усугубляется ещё и той проблемой, что почти более половины валового продукта России (по экспертным оценкам - 60 %) формируется за счет экспорта сырья, а отрасли с высокой добавленной стоимостью – электроника, машиностроение - создают не более 7-8 % валового продукта. По оценкам Росстата экспорт высокотехнологичной промышленной продукции не превышает 2,5 % в структуре всего экспорта. Для сравнения, в Китае и США этот показатель превышает более чем в 10 раз. [5]

Апеллирование к потенциалу топливно-энергетического комплекса, способного в кратчайшие сроки решить накопленные противоречия структурных преобразованиях в технологическом кластере промышленного сектора тоже не выдерживает критики. Следует сказать, что резкое увеличение доли нефтегазовых доходов в бюджетах и в ВВП является сдерживающим фактором структурных преобразований, ибо Россия не определяет ценовую конъюнктуру на рынке углеводородов. [10, с. 202] Так, если до 2010 года шел прирост нефтегазовых доходов в среднем за год на 30%, подстегивая темпы роста экономики и амбициозные планы экономического сектора правительства, то после 2011г. темпы их роста многократно сократились, в связи с чем упала результативность стимулирующей роли, экономика перестала на него реагировать. Сегодня проблема обостряется замедлением темпов роста мировой экономики, трансформацией структуры потребления и понижением спроса на продукцию топливно-энергетического комплекса, перепроизводством углеводородов и, как следствие, сохранением цен на низком уровне.

В энергетической же стратегии России до 2020 года ставилась цель достичь максимальную эффективность использования потенциала топливно-энергетического комплекса, в связи с чем Президент РФ в посланиях Федеральному Собранию неоднократно заострял внимание на ускоренном технологическом обновлении энергетики. Между тем, имея в распоряжении богатейший топливно-энергетический потенциал, российская экономика отстает от передового уровня на десятилетия.

Особо следует остановиться на формировании так называемой «подушки безопасности» в виде резервных фондов. По итогам поступления валютных доходов от экспорта углеводородов в 2008г. резервные фонды были увеличены сразу на гигантскую сумму в 5,3 трлн. руб., что составило 73% от доходов федерального бюджета и 61% от всех инвестиций страны в основные фонды. Из 310 млрд. долл. нефтегазовых доходов по итогам 2008г. в резервные фонды было направлено 70%, что составило

214,5 млрд. долл., т. е. в резервные фонды ушел не только прирост валютных доходов в этом году в 91,5 млрд. долл., но дополнительно еще 123 млрд. долл., которые ранее тратились на развитие экономики. Развивающаяся голландская болезнь, изъятие огромных средств из оборота, как со стороны государства, так и бизнеса, не могло не отразиться на торможении развитии экономики. В результате темп роста инвестиций упал на 15,7%, промышленного производства на 10,3%, а темп роста ВВП сократился – на 7,8%.

Можно констатировать, что обрушение экономики носит закономерный характер. Ухудшение многих макроэкономических показателей связано не столько с мировым экономическим кризисом, сколько с контрпродуктивной экономической политикой, сфокусированной не на структурной модернизации обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей, а в основном на наращивании резервных фондов, социальных расходов посредством повышения пенсий, окладов в бюджетной сфере. Все эти расходы слабо влияют на темпы роста экономики. Более того, в результате обвала мировых цен на нефть стало очевидно, что для поддержания экономики на плаву резервные фонды уже не помогают, приходится использовать более радикальное средство – девальвацию рубля. Курс рубля по отношению к доллару за 2014-2016гг. был снижена в 2,1 раза с 31,8 до 67 руб., а в 2020г снижение составило еще больше.

В результате такой операции налоговые поступления в рублевом исчислении в федеральный бюджет даже подросли: в 2014г. по отношению к 2013г. на 1,5 трлн. руб., в 2015г. на 0,6 и в 2016г. на 0,4 трлн. руб. И, кроме того, это позволило к 2017г. увеличить по отношению к 2013г. объем накоплений в обоих резервных фондах на 4,4 трлн. руб. с 4,5 до 8,9 трлн. руб. [9]

Безусловно, данная операция привела к сбалансированности бюджета страны с последующим увеличением резервных фондов. С другой стороны, она «подкосила развитие» экономики. Дело в том, что дополнительные рубли оказались фиктивными с точки зрения инвестиционных возможностей, ввиду того, что доля закупаемого по импорту оборудования и других товаров за доллары для инвестиционной деятельности в среднем достигает 60% от общей потребности, а по некоторым отраслям доходит до 90%, по продовольствию, овощам и фруктам на импорт приходится примерно 40%.

В условиях же, когда перед российской промышленностью стоит стратегическая задача модернизации и создания заново отечественных производств многих видов продукции, требуется импорт передовых технологий и оборудования. Достичь это можно явно не ослаблением рубля, а наоборот его укреплением, формируя более дешевый импорт. [16, с. 56] Только после достиже-

ния приемлемого уровня количества и качества отечественной продукции, можно ориентироваться на положительное влияние девальвации, как это делает Китай.

В нашем же случае закупки импортного оборудования сократились в более чем 1,5 раза, причем платить за них пришлось в два раза больше в рублях, чем прежде. Эти процессы привели к резкому падению расходов бизнеса на инвестиции в оборудование, в обновление основных фондов, при том, что в два раза выросли расходы населения на импортные промышленные и продовольственные товары. С одной стороны, это неминуемо отразилось на снижении инвестиционной активности бизнеса, и как следствие, привело к падению темпов роста экономики, с другой стороны, произошло снижение покупательной способности основной массы населения и уровня его жизни. [1, с. 199]

Очевидным является то, что решением обозначенной проблемы является как можно быстрая перестройка структуры экономики в пользу обрабатывающих отраслей. Надо перестать копить деньги в фондах и загонять тем самым экономику в тупик, а начать их тратить на стимулирование развития экономики путем снижения налоговой нагрузки на бизнес и, в первую очередь, по обрабатывающим отраслям.

Недалековидность экономической политики проявляется и в предложениях наращивать объем Фонда Национального Благосостояния в 2021г.- до 13,7. а в 2022г. до 16,2 трлн. руб. Доля данных накоплений в общем бюджете должна составить в 2021г.- 65%, в 2022г. – 74%. [14, с. 640] Такие действия либерального блока российского правительства можно охарактеризовать, как «паранойей накопительства», патологическим страхом за свое будущее, а если быть еще более объективным, саботажем развития экономики страны.

Подтверждением низкой эффективности использования потенциала ТЭК в целях структурной модернизации является и несовершенство налогового законодательства. Так называемый «налоговый маневр» направленный на ликвидацию таможенных пошлин, взимаемых с поставок нефти и нефтепродуктов за рубеж и переноса их тяжести на налог на добычу полезных ископаемых, в результате является налогом на потребителей углеводородов: бизнеса и населения.

Сегодня уже можно подвести некоторые итоги по первому этапу налогового маневра, которые позволили увеличить налоговые доходы бюджета, но при этом привели к целому ряду негативных моментов в экономика страны.

В результате первых лет осуществления налогового маневра увеличилась сырьевая направленность разви-

тия, как в целом российской экономики, так и самой нефтегазовой отрасли. Если до налогового маневра в 2011-2014гг. объем переработки нефти на российских НПЗ возрастал, увеличившись на 12,6%, с 257 до 289 млн. т, а экспорт нефти, при росте ее добычи в стране, снизился на 8,6% с 242 до 221 млн. т, то за время налогового маневра эти положительные процессы в нефтяной отрасли пошли вспять. В 2015-2019гг. произошло увеличение экспорта сырой нефти на 31 млн. т и сокращение ее нефтепереработки на 7 млн.т.

В результате налогового маневра заметно ускорился в стране рост цен на моторные виды топлива: бензин, керосин, дизтопливо. Если до 2015г. рост цен на них отставал от уровня инфляции в стране, то в 2015-2019гг. они стали опережать ее темпы. В результате цена бензина для потребителей за эти годы возросла на 135%, дизельного топлива на 131%, сырой нефти – на 196%.

Чтобы предотвратить негативные тенденции в развитии экономики страны и нефтегазовой отрасли после вступления в силу второго этапа налогового маневра, правительство разработало механизм компенсации возрастающих издержек НПЗ и роста цен на топливо для потребителей в виде возвратных акцизов на нефть и для потребителей по топливу. Такие компенсации будут предоставляться тем НПЗ, которые производят бензин 5-ого класса в объеме не менее 10% от перерабатываемого сырья или тем НПЗ, которые перерабатывают более 600 тыс. т нефти и одновременно заключают договор с Минэнерго о модернизации собственного завода с капитальными затратами не менее 60 млрд. руб. и с выходом на производство бензина класса 5.

При внимательном анализе, идеологи проводимой в стране ценовой политики сами того не замечают, что эта политика вступает в противоречие с их же собственным постулатом, что «цены должны устанавливаться на цивилизованном рынке под влиянием спроса и предложения». [4, с. 908] О каком цивилизованном рынке можно говорить, если сами заранее планируем, что цены на топливно-энергетические товары должны расти опережающими темпами по отношению к другим товарам.

В доказательство данного утверждения, сотрудники Института Е. Гайдара в лице Бобылева Ю.Н., Идрисова Г.И. и Синельникова-Мурылева С.Г. привели статистику по структуре нефтепереработки и уровню мировых цен на нефть и нефтепродукты за последние годы. По их расчетам оказывалось, что стоимость выпускаемой продукции нефтеперерабатывающей промышленностью России, оцененной в мировых ценах, на более чем 10 млрд. долл. меньше от выручки в случае реализации перерабатываемой нефти на мировом рынке. Исходя из этого, делался вывод о том, что стране гораздо выгоднее продавать на экспорт нефть, а на вырученные средства

приобрести по импорту большее количество нефтепродуктов.

Утверждение сотрудников Института Е. Гайдара об экономической бессмысленности переработки нефти в России и колоссальных убытках, без какой-либо критической оценки, было подхвачено и развито в Минфином РФ. Одновременно аналогичную позицию заняли и эксперты Высшей школы экономики, РАНХ и ГС при Президенте РФ.

Вместо того, чтобы предложить правительству заняться модернизацией нефтеперерабатывающей промышленности с помощью совершенствования налоговой политики и увеличения амортизационных отчислений, начать выпускать высококачественные нефтепродукты и сократить производство мазута, все эти организации предлагают нивелировать потенциал ТЭК. [15, с. 96]

Россия в этом плане, согласно рекомендациям, проводит прямо противоположную политику - наращивает экспорт нефти и сокращает экспорт нефтепродуктов, отказываясь тем самым от использования потенциала ТЭК для целей модернизации экономики. [3, с. 59] Так, при росте добычи нефти за 2010-2019гг. в 1,1 раза с 505 до 556 млн. т, экспорт нефтепродуктов виде автотоплива, авиакеросина, дизельного топлива и мазута сократился в 1,4 раза с 106,6 до 78,9 млн.т.

Подвергая критике рассмотренные позиции в части определения роли топливно-энергетического комплекса в промышленной модернизации, особого рассмотрения требует положение, выдвинутое Е. Гайдаром, ставшее затем общепринятым, о том, что «формирование внутренних цен на энергоресурсы в России ниже мировых цен является механизмом субсидирования российских потребителей энергоресурсов». По мнению Е. Гайдара и его последователей, внутренние цены на нефть и нефтепродукты в России должны равняться мировым ценам, иначе происходит нечестная конкуренция со стороны нашей страны, т.к. продажа российских топливных товаров угнетает иностранных потребителей. Транслируя такую точку зрения, ее приверженцы, в первую очередь, заботятся не об экономической безопасности и повышении конкурентоспособности отечественной экономики, а о так называемых «партнерах» являющимися как минимум конкурентами.

Необходимо четко и навсегда осознать, что как только мы начинаем проводить политику ориентации внутренних цен на энергоресурсы на мировые цены, мы тем самым задаем экономике и сырьевой вектор ее развития и соответствующее место в международном разделении труда. И, если Россия не пересмотрит эту пагубную политику, то можно ожидать, что страна никогда не сможет побороть сырьевую направленность развития экономи-

ки и решить проблему технико-технологического обновления промышленности.

Практикой давно доказано, что отрыв цены от производственных издержек более среднего уровня рентабельности, несет в себе различные отрицательные последствия для экономики. [6, с. 94] А если этот разрыв наблюдается в отраслях с низкой добавленной стоимостью длительное время, то последствиями будут разбалансированность, деградация и разрушение экономики.

Именно такую ситуацию мы сегодня наблюдаем в России. Сложившаяся сегодня практика в ТЭК требует серьезной корректировки. Фактически осуществляется стратегия такой ценовой политики, итогом которой становится все большее ее отставание от уровня развитых стран по качеству жизни, уровню и качеству образования, производству высокотехнологичного гражданского оборудования и машин.

Подводя итоги по роли ТЭК в структурных преобразованиях экономики следует сказать, что рост внутренних цен энергоресурсов с ориентацией на мировой рынок или отказ от этой политики – это, по существу, выбор пути развития страны. Или она продолжит углублять свою сырьевую специализацию, или экономика будет развиваться комплексно и гармонично без подавления отраслей с высокой добавленной стоимостью.

Безусловно, ценовая политика в России не должна копировать мировые цены. Мировые цены формируются прежде всего под влиянием экономик развитых стран, в которых удельный уровень потребления энергоресурсов на душу населения в несколько раз превышает российский и для которых важнейшей задачей является прежде всего снижение энергоёмкости экономики при сохранении достигнутого уровня душевого потребления, а для России важно одновременно снижение энергоёмкости и повышение уровня потребления, как промышленностью, так и населением.

Представляется, что ценовая политика в ТЭК при ориентации к комплексному развитию своей экономики, должна быть производной от долгосрочной экономической и социальной стратегии развития страны. Если в этой стратегии будет определено какую отраслевую структуру экономики мы должны получить на выходе, если в ней приоритет получают наукоемкие и отрасли обрабатывающей промышленности, сельское хозяйство, если в ней будет запланировано резкое увеличение переработки нефти и природного газа за счет сокращения их экспорта, то в этом случае вопрос об ориентации на мировые цены отпадет сам по себе. [2, с. 307] Потому что при высоких ценах на энергоресурсы никакой инновационной экономики построить невозможно. Следует не забывать, что обмен продуктов с высокой добавленной

стоимостью всегда был и останется более эффективным и прибыльным бизнесом по сравнению с торговлей сырьем.

Отказ от сырьевой специализации, конечно, приведет к сокращению рентных платежей в виде таможенных пошлин и НДС, однако эти потери будут потом многократно перекрыты поступлением налогов по другим направлениям. Экспертные оценки показывают, что только за счет прогрессивного изменения структуры, глубины переработки нефти и повышения качества нефтепродуктов, выручка от их продажи может увеличиться в 1,5 раза и превысить доходы от реализации сырой нефти. При этом инвестиционные затраты на прирост производства одной тонны нефтепродуктов примерно в 3,5 раза меньше, чем на прирост добычи 1 т нефти.

Следует отметить, что установление означенных «ценовых реперов» является сложной, но вполне выполнимой задачей, при решении которой должны будут учтены уровни потребления энергоресурсов населением и отдельными отраслями промышленности, динамика структуры топливно-энергетического баланса и целый ряд других факторов.

Цены – это объективная категория, их уровень и соотношение должны отражать реальные процессы, происходящие в экономике той или иной страны: сложившиеся отраслевые пропорции, достигнутый уровень производительности труда, энерго- и материалоемкости производства, фондовооруженности и конечно жизненный уровень населения. [8, с. 76] В силу этого обстоятельства, привнесение иного регулирования цен, приводит к нарушению хозяйственных связей, усилению диспропорций – повышению роли одних отраслей за счет других, ускорению темпов инфляции, замедлению темпов роста ВВП.

Важно отметить, что ни одна промышленно-развитая страна, ни в прошлом, ни в настоящем, не переносила и не переносит механически мировые цены на свою экономику. Снятие барьера для мировых цен в виде таможенных пошлин и ориентация на них внутренних цен в большинстве стран происходит постепенно, по мере того как собственная промышленность набирает достаточную силу для конкуренции с иностранными компаниями.

Детальная оценка приоритетов структурных преобразований промышленности и макроэкономических целевых установок говорит об их взаимосвязи с, главным образом, уходом государства от регулирующей роли системообразующих отраслей в промышленности, что, как следствие, приводит к разрушению технико-технологического потенциала и его ресурсной базы.

Таким образом, основным условием структурной модернизации экономики является нахождение инструментов и методов по эффективному использованию ресурсного потенциала, где рыночных стимулов как правило недостаточно и когда есть необходимость в мобилизации внутренних резервов, с высокой степенью их эффективности.

Научность такого подхода состоит в том, что он призван раскрыть цели модернизации на основе результативного оценочного критерия, в котором приоритет принадлежит «фактической производительности», а именно, повышению эффективности труда посредством количества, качества и времени.

Именно это дает возможность определить ценность и полезность потребляемого продукта по всему производственному циклу.

Рассматривая низкий темп роста экономического потенциала в промышленности не трудно заметить, что происходит явное рассогласование целевых установок в мотивационном интересе хозяйствующего субъекта. [7, с. 26] Поворотным моментом в повышении темпов роста эффективности, может сыграть изменение целевой функции, от которой и зависит собственно экономический рост и потенциал эффективности системы в целом.

Таким образом, очевидна необходимость углубления и обогащения принципов модернизации промышленности, в условиях нового технологического уклада, включая, в том числе исследование сложных функциональных особенностей экономического роста и развития. Очевидно, что экономический интерес должен связываться с целью и иерархией структурно связанных отношений. Научность подхода состоит в раскрытии мотивационных взаимозависимостей потенциала экономического роста от результатных показателей эффективности производственного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровский, А.В. Концепция финансового капитализма и варианты перспективной модели экономики / А.В. Дубровский // Экономика и предпринимательство -2020.- № 2 (115). - С. 196-206
2. Ленчук Е.Б. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости. - СПб.: Алетейя, - 2016. - 336 с.
3. Макарова, И.В. Система приоритетов развития России. / И.В. Макарова // Научно-аналитический журнал «Актуальные проблемы социально-экономиче-

- ского развития России». - 2014. - № 1. - С. 57-60
4. Пасикун, В.Н. Методологические проблемы оценки эффективности инвестиционных проектов в промышленности / В.Н. Пасикун, А.В. Дубровский // Экономика и предпринимательство. - 2015. - №12-3 (65). - С. 909-912
 5. Россия, Китай и США в цифрах <http://chi.us.ru>
 6. Сопилко, Н.Ю. Основы управления производственными и материальными потоками / Н.Ю. Сопилко, Н.С. Щербакова. - М.: РУДН, 2019, 105 с.
 7. Сорокин Д.Е. О способности России к социально-экономическим трансформациям // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 23-28.
 8. Толкачев С.А. Государственная политика поддержки обрабатывающих отраслей промышленности России в условиях международных санкций // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 6. С. 72-81.
 9. Федеральная служба государственной статистики <http://www.gks.ru>
 10. Щербаков, В.Н. Актуальные проблемы трансформационных процессов в промышленности и их влияние на экономический рост / В.Н. Щербаков, А.В. Дубровский // Экономика устойчивого развития -2020.- № 2 (42). - С. 197-204
 11. Щербаков, В.Н. Варианты инновационного развития промышленности / В.Н. Щербаков, А.В. Дубровский, К.В. Самсонов // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. - 2013. - № 4. - С. 9-12
 12. Щербаков В.Н. Инвестиции и инновации. Учебник / В.Н. Щербаков, А.В. Дубровский, К.В. Балдин и др.; под ред. В.Н. Щербакова. - М. : ИТК «Дашков и К°», 2018. - 658с.
 13. Щербаков, В.Н. Политическая экономия в контексте альтернатив развития. Монография - М. : ИТК «Дашков и К°», 2019. - с. 642
 14. Щербаков, В.Н. Трансформация экономики в лабиринте финансовых манипуляций / В.Н. Щербаков, А.В. Дубровский // Самоуправление -2020.- Т.2, № 2.(119) - С. 638-642
 15. Щербакова Н.С. Направления повышения эффективности деятельности в области государственного регулирования ТЭК // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. № 2 (96). С. 27.
 16. Щербакова Н.С. Тенденции развития системы денежно-кредитного регулирования в России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 11(83). С. 56.

© Щербаков Виктор Николаевич (sherbakovvn@yandex.ru), Дубровский Андрей Викторович (dav-rgsu@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

FEDERAL AND REGIONAL LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES: PROBLEMS OF CORRELATION

Ya. Vasileva

Summary: The relevance of the research topic is related to the most important problem for the state – the problem of reforming the legislation on administrative offenses. Currently, scientists and practitioners offer their solutions to improve this type of legislation and criticize a number of its modern provisions, which were born as a result of numerous attempts by the legislator to make various changes due to the changed circumstances in the state and socio-political life of Russia. The article deals with the main issues of the correlation of legislation on administrative offenses at the federal and regional levels.

Keywords: legislation on administrative offenses, administrative responsibility.

Васильева Яна Валерьевна

К.ю.н., доцент, Северо-Западный институт (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда
yana.vasileva@list.ru

Аннотация: Актуальность темы исследования связана с важнейшей для государства проблемой – проблемой реформирования законодательства об административных правонарушениях. В настоящее время ученые и практики предлагают свои решения по совершенствованию данного вида законодательства и критикуют ряд его современных положений, появившихся на свет в результате многочисленных попыток законодателя внести различного рода изменения ввиду изменившихся обстоятельств в государственной и общественно-политической жизни России. В статье рассматриваются основные вопросы соотношения законодательства об административных правонарушениях на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: законодательство об административных правонарушениях, административная ответственность.

Предупреждение совершения административных правонарушений, привлечение виновных лиц к административной ответственности, своевременная актуализация положений административно-деликтного законодательства затрудняется в настоящее время по ряду причин.

Первая – это нестабильность и постоянно вносящиеся поправки и дополнения в федеральный акт. Только за 2019-2020 годы изменения в КоАП РФ были внесены 79 федеральными законами, которыми введено множество новых составов административных правонарушений в различных сферах: санитарно-эпидемиологического благополучия населения, информационной безопасности, валютного регулирования, общественного порядка, охраны окружающей среды, транспортной безопасности, обращения лекарственных средств и других. Субъекты РФ в буквальном смысле не успевают за изменениями законодательства на федеральном уровне. Введение запретов, формирование новых составов административных правонарушений в КоАП РФ влечет внесение изменений в региональные акты, что представляет огромную работу законодательных и исполнительных органов власти субъектов РФ. Вследствие этого, административно-деликтные законы «худеют», в виду устранения дублированных составов федерального и регионального уровней, а также весьма стремительно

утрачивают силу подзаконные акты, которые составляют организационную основу производства. Также следует отметить, что возникновение на федеральном уровне новых административных запретов, а, соответственно, наполнение Особенной части КоАП РФ новыми составами происходит, в большинстве случаев, без учета их регулирующего воздействия на социально-культурную и экономическую сферы отдельных регионов России, которые отличаются многонациональностью, дифференциацией климатических, природно-геологических, финансово-экономических, демографических условий и уровнем развития.

Вторая – несогласованность действий органов исполнительной власти федерального и регионального уровней, что проявляется при заключении соответствующих соглашений между указанными органами публичной власти о передаче соответствующих полномочий. Так, до настоящего времени соглашения между Министерством внутренних дел РФ и высшими органами исполнительной власти субъектов РФ о передаче части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных законом субъекта РФ, заключены не у всех регионов. Соответственно, ежегодно продлевается срок передачи отдельным органам исполнительной

государственной власти субъекта РФ полномочий по составлению протоколов по таким правонарушениям. Указанное значительно затрудняет и делает невозможной практическую реализацию положений отдельных статей административно-деликтных законов субъектов РФ, «...рискуя оставить их мёртвыми и неработающими на практике, а, следовательно, права граждан – не защищёнными» [1]. Сложившаяся ситуация усугубляется тем, что региональные и муниципальные должностные лица не имеют реальной возможности оперативно и эффективно реализовывать полномочия по составлению таких протоколов. В свою очередь, сотрудник полиции, выявив административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена законом субъекта РФ, и приняв меры к его пресечению, не вправе составить по данному факту протокол об административном правонарушении, что не только приводит к безнаказанности правонарушителей и ставит под угрозу правовые гарантии регулирования общественных отношений, но и значительно подрывает авторитет и доверие граждан ко всем уровням власти.

Третья – это финансовая проблема. Для того чтобы полноценно и качественно выполнять все обязанности, в распоряжении органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления должны находиться имущество, имущественные права, а также средства бюджета. Денежные средства, необходимые органам для осуществления организации производства по делам об административных правонарушениях, ежегодно предусматриваются законом субъекта РФ о бюджете на очередной финансовый год и плановый период. Ежегодно, в соответствии с методикой расчета, местным бюджетам предоставляются субвенции для осуществления отдельных государственных полномочий по созданию административных комиссий и комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. К сожалению, муниципальные образования часто испытывают недостаток в финансовых ресурсах, а бюджет муниципалитетов исполняется с ощутимым дефицитом, что влечет невозможность выполнения ими всех взятых на себя публичных обязательств. Соответственно, основной задачей чиновников в отношении бюджетных ресурсов является достижение их сбалансированности – распределение и расходование имеющихся средств необходимо производить с учетом их поступлений. Стоит отметить и положительный опыт, с 2020 года на территории Вологодской области изменены принципы финансирования в деятельности административных комиссий и комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав [2]. Финансирование деятельности коллегиальных органов административной юрисдикции увеличено более чем на 9 миллионов рублей, что прогнозирует увеличение количества рассматриваемых ими дел, обеспечение соблюдения принципа неотвратимости наказания и профилактики правонарушений на территории региона.

Развитие регионального законодательства об административных правонарушениях продиктовано жизненно важной потребностью в качественном регулировании общественных отношений, а также их защиты исходя из особенностей социально-экономического развития, географического, демографического, культурологического положения и природно-климатических условий конкретного субъекта РФ.

Региональный законодатель, при установлении административной ответственности за нарушение нормативных правовых актов субъектов РФ и органов местного самоуправления, ограничен пределами действия КоАП РФ. Кроме того, при правовом регулировании различных сфер общественных отношений субъекты РФ также ограничены отраслевым федеральным законодательством.

Нередко нормы, устанавливающие административную ответственность, признаются недействующими, ввиду вмешательства регионального законодателя в компетенцию Федерации. Такая ситуация характерна, например, для сферы благоустройства территории [3]. Закон субъекта РФ устанавливает ответственность за нарушение требований актов органов местного самоуправления к содержанию территории муниципального образования. Однако при правовом регулировании в указанной сфере органы местного самоуправления часто выходят за пределы своей компетенции. В первую очередь это связано с тем, что сфера благоустройства – неопределенная по своему содержанию и границам. Соответственно, требования муниципальных правовых актов могут затронуть вопросы природопользования, экологии, архитектуры, градостроительства и иные, что уже является предметом регулирования федерального центра. Кроме того, большинство административно-деликтных региональных актов имеют нормы, устанавливающие ответственность за размещение транспортных средств на газонах, цветниках и иных территориях, занятых травянистыми растениями, а также детских и спортивных площадках. Этот вопрос неоднократно оспаривался в судебном порядке и очевидно доказано, что общественные отношения, связанные с вопросом размещения источников повышенной опасности, урегулированы федеральным законодательством в области обеспечения безопасности дорожного движения. Указанное выше подтверждает и тот факт, что в Проекте КоАП РФ, подготовленном Минюстом России в 2020 году [4], федеральный законодатель отнес установление административной ответственности за нарушение законов субъектов РФ и муниципальных нормативных правовых актов в области благоустройства территории к своей компетенции. Многие же субъекты РФ, напротив, наполняют административно-деликтный акт новыми составами административных правонарушений в анализируемой сфере. Так, в Вологодской области по

результатам работы рабочей группы по рассмотрению вопросов в сфере административных правоотношений с участием законодательных и исполнительных органов публичной власти, в целях конкретизации административных составов в сфере благоустройства территории муниципальных образований, в 2020 году установлена административная ответственность за нарушение требований муниципальных правовых актов: к содержанию территорий; к внешнему виду фасадов и ограждающих конструкций, малых архитектурных форм и объектов общественного благоустройства; к организации освещения и озеленения; к размещению детских и спортивных площадок, площадок для выгула животных, парковок и т.д. (статьи 3.1(1) – 3.1 (12) административно-деликтного закона области [5]).

Вопросы модернизации административно-деликтного законодательства и практики его применения являются обоснованно актуальными. Автор предлагает несколько этапов совершенствования состояния регионального законодательства об административных правонарушениях. Первый этап выражается в необходимости расширять перечень охраняемых объектов в субъектах РФ. Для этого следует взаимодействовать с общественными, научными, экспертными организациями с целью изучения истории, географического положения, климата, культуры, агропромышленного комплекса, экономики региона и своевременно наполнять и расширять закон субъекта РФ об административных правонарушениях новыми составами, отражающими региональную специфику. Так, например, в Новгородской области в 2018 году в сфере общественных отношений по охране окружающей среды установлена административная ответственность за непроведение мероприятий по удалению с земельных участков борщевика Сосновского (статья 3-12 закона области [6]). В 2018 году это растение официально признано сорняком и включено в Отраслевой классификатор сорных растений. Этот факт дал возможность регионам сформировать программы по борьбе с этим ядовитым зонтичным растением. Так, сельские поселения Новгородской области призвали собственников и арендаторов земельных участков, на которых растёт борщевик Сосновского, заняться работой по удалению этого опасного растения. Законодатель также предложил способы истребления растения: химический, механический или агротехнический.

Второй этап: субъектам РФ следует своевременно приводить закон об административных правонарушениях в соответствие с новым федеральным и региональным законодательством. Так, в целях реализации закона Ленинградской области о регулировании розничной продажи электронных систем доставки никотина и оборота никотинсодержащей продукции на территории региона [7], в июле 2017 года установлена административная ответственность за нарушение ограничений в сфере

розничной продажи электронных систем доставки никотина несовершеннолетним в Ленинградской области. Указанная норма регионального закона была принята в связи с отсутствием на федеральном уровне соответствующего правового регулирования. В 2020 году статья признана утратившей силу в связи с принятием Федерального закона от 31 июля 2020 года № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотинсодержащей продукции» [8], направленного на создание системы государственного регулирования оборота и потребления никотинсодержащей продукции, в том числе, в части установления мер административной ответственности за нарушение установленных запретов. Соответственно, отпала необходимость в законодательном регулировании этого вопроса на уровне субъектов РФ.

Третий этап: региональный законодатель должен актуализировать административно-деликтный акт с учетом формируемой судебной практики. Так, в 2017 году в Закон Архангельской области об административных правонарушениях введена статья 5.4, предусматривающая административную ответственность за нарушение установленного срока оплаты стоимости перемещения на специализированную стоянку задержанного транспортного средства и хранения на данной стоянке указанного источника повышенной опасности. Впоследствии, заместитель прокурора Архангельской области обратился в Архангельский областной суд с административным иском о признании недействующей статьи 5.4 административно-деликтного закона области. Оспаривая положения данной статьи, прокурор указывал на превышение предоставленных субъекту РФ полномочий при введении административной ответственности за названное нарушение. Принимая решение о признании недействующими положений статьи 5.4, суд [9] исходил из того, что обязанность оплатить стоимость перемещения и хранения задержанного транспортного средства в сроки, определенные субъектом РФ, установлена частью 11 статьи 27.13 КоАП РФ, следовательно, административная ответственность за ее несвоевременную оплату может быть установлена только федеральным законодателем. Соответственно, на основании решения суда, в октябре 2019 года статья 5.4 исключена из Закона Архангельской области об административных правонарушениях.

Четвертый этап: регионам следует более тщательно отслеживать развитие своего законодательства, своевременно вносить изменения, включая в закон об административных правонарушениях новые составы, соответствующие современному и действующему законодательству региона, и наоборот исключая то, что является не актуальным. Так, в декабре 2020 года на заседании Калининградской городской Думы принят

Уставный закон субъекта РФ «О внесении изменений в Устав Калининградской области» [10]. Изменения предусматривают исключение из системы органов государственной власти Калининградской области судебного органа – Уставного Суда. Одновременно принят Уставный закон «Об упразднении Уставного Суда Калининградской области...» [11], которым предусматривается ликвидация судебного органа с 1 апреля 2021 года. Указанные изменения согласуются с правовым подходом, складывающимся на федеральном уровне в связи с реализацией поправок к Конституции РФ, который предусматривает исключение конституционных (уставных) судов субъектов РФ из судебной системы России. Представленные новации привели к изменениям в законе об административных правонарушениях Калининградской области [12]. С 1 апреля текущего года утратила силу статья 51 – невыполнение требований Уставного Суда Калининградской области.

Следующим, пятым этапом видится своевременная актуализация субъективных и объективных признаков состава административного правонарушения. Указанное поможет более точным образом квалифицировать деяние правонарушителя и назначить ему меру наказания. Примером представим изменения диспозиции статьи 2.22 административно-деликтного закона Псковской области [13]. Необходимость внесения изменений была обусловлена целями реализации законов о геральдической символике области [14, 15, 16]. Псковская область до 2018 года была единственным регионом, у которого отсутствовал свой флаг и гимн, а используемый герб не соответствовал установленным геральдическим требованиям. В результате трудной кропотливой работы над эскизами основные элементы официальной символики Псковской области были одобрены. Впоследствии Комитет по законодательству и местному самоуправлению Псковского областного Собрания депутатов рассмотрел законодательную инициативу Псковской городской Думы о введении административной ответственности за надругательство над государственной символикой области и муниципальных образований. Кроме того, ранее за незаконные действия по отношению к государственной символике Псковской области могли привлечь к ответственности только физических и должностных лиц, не затрагивая юридических лиц, которые используют государственную символику без надлежащих на то оснований и тем самым вводят граждан в заблуждение. Тем самым в настоящее время нарушение установленного законодательством области порядка официального использования геральдической символики, а также надругательство и проявление иного неуважения к гимну, флагу или гербу Псковской области, влечет за собой привлечение физических, должностных или юридических лиц к административной ответственности и назначение административного наказания в виде предупреждения или штрафа.

Шестым этапом может стать увеличение размера санкций. Так, в соответствии с необходимостью усиления контроля, защиты и рационального использования оленьих пастбищ, а также недопущению ситуации перевыпаса оленей на территории Ненецкого автономного округа, ужесточены санкции для юридических лиц за превышение общей численности поголовья оленей, содержащихся на оленьем пастбище оленеводческого хозяйства, над оленеёмкостью пастбища, определенной проектом внутривладельческого землеустройства его территории. Ранее штраф для юридических лиц составлял от пяти тысяч до десяти тысяч рублей, размер штрафа увеличен: от тридцати тысяч до ста тысяч рублей соответственно (статья 3.2 окружного закона) [17]. Указанное обусловлено тем, что превышение численности оленей над оленеёмкостью пастбищ неизбежно влечёт за собой ухудшение состояния пастбищ. В результате этого значительные площади оленьих пастбищ выводятся из сельскохозяйственного производства.

И седьмым этапом, воздействующим на роль, качество и процесс развития законодательства субъектов РФ об административных правонарушениях – это совершенствование юридической техники, в частности, соответствие положений регионального закона требованиям правовой определенности, ясности и недвусмысленности правового регулирования. Так, в соответствии с первоначальной редакцией статьи 1.15 закона об административных правонарушениях Вологодской области, установлена административная ответственность за розничную продажу безалкогольных тонизирующих напитков несовершеннолетним (часть 1), а также за розничную продажу безалкогольных тонизирующих напитков в детских, образовательных и медицинских организациях, организациях культуры, на объектах спорта, в местах проведения культурно-массовых мероприятий для детей, подростков и молодежи (часть 2). При этом в случае продажи безалкогольных тонизирующих напитков несовершеннолетним в местах, указанных в части 2 статьи 1.15 закона области, возникала правовая неопределенность в вопросе установления состава административного правонарушения и размера административного штрафа, который различен для указанных составов. Поэтому в закон об административных правонарушениях Вологодской области внесены изменения [18] в целях недопущения конкуренции правовых норм при выявлении административных деликтов, предусмотренных статьей 1.15. Соответственно, принятие закона о внесении изменений в административно-деликтный закон области позволило исключить указанную правовую неопределенность. Таким образом, недостатки регионального нормотворчества могут быть устранены совершенствованием законодательной техники.

Региональное правотворчество представляет необходимое условие сохранения природы федеративного

государства и служит решению многочисленных проблем, возникающих перед каждым регионом. Существование двухуровневого законодательства не должно служить причиной для возникновения противоречий между Федерацией и ее субъектами и не должно на-

рушать принципы единого правового пространства. Дальнейшее развитие административно-деликтного законодательства должно быть направлено на устранение существующих в настоящее время пробелов и противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евсикова Е.В. Некоторые проблемы привлечения к административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность // Актуальные проблемы административного и административно процессуального права [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (Сорокинские чтения), 27 марта 2020 года / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Каплунова. – Электрон. дан. (3,98 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 407.
2. Официальный сайт Законодательного Собрания Вологодской области // [Электронный ресурс]: URL: <https://vologdazso.ru/events/165148/> (дата обращения 31.03.2021).
3. Султанов К.А. Об административной ответственности за правонарушения в сфере благоустройства, устанавливаемой законами субъектов Российской Федерации // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 9 - 13.
4. Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447 [Электронный ресурс] URL: <https://regulation.gov.ru/> по состоянию на 29.05.2020 (дата обращения 31.03.2021).
5. Закон Вологодской области от 08.12.2010 № 2429-03 (ред. от 09.11.2020) «Об административных правонарушениях в Вологодской области» // Красный Север. 11.12.2010. № 139.
6. Областной закон Новгородской области от 01.02.2016 № 914-03 (ред. от 01.02.2021) «Об административных правонарушениях» // Новгородские ведомости (официальный выпуск). 05.02.2016. № 3.
7. Областной закон Ленинградской области от 17.07.2017 № 47-оз (ред. от 06.04.2020) «О регулировании отдельных вопросов розничной продажи электронных систем доставки никотина, оборота никотинсодержащей продукции на территории Ленинградской области и о внесении изменений в областной закон «Об административных правонарушениях» // Официальный интернет-портал Администрации Ленинградской области <http://www.lenobl.ru>, 17.07.2017. утратил силу.
8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотинсодержащей продукции» // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (часть I), ст. 5062.
9. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2019 № 1-АПА19-4 Об оставлении без изменения решения Архангельского областного суда от 06.02.2019, которым была признана недействующей статья 5.4 Закона Архангельской области от 03.06.2003 № 172-2203 «Об административных правонарушениях» (ред. от 20.12.2018) // Документ опубликован не был.
10. Уставный закон Калининградской области от 01.12.2020 № 484 «О внесении изменений в Устав (Основной Закон) Калининградской области» // Комсомольская правда – Калининград. 11-12 декабря, 2020. № 142-143-с.
11. Уставный закон Калининградской области от 01.12.2020 № 485 «Об упразднении Уставного Суда Калининградской области и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Калининградской области» // Комсомольская правда – Калининград. 11-12 декабря, 2020. № 142-143-с.
12. Закон Калининградской области от 12.05.2008 № 244 (ред. от 03.03.2021) «Кодекс Калининградской области об административных правонарушениях» // Калининградская правда. 21.05.2008. № 89.
13. Закон Псковской области от 04.05.2003 № 268-оз (ред. от 28.12.2020) «Об административных правонарушениях на территории Псковской области» // Псковская правда. 14.05.2003. № 85.
14. Закон Псковской области от 28.12.2018 № 1915-03 «О Гербе Псковской области» // Псковская правда. 11.01.2019. № 2.
15. Закон Псковской области от 28.12.2018 № 1916-03 «О Флаге Псковской области» // Псковская правда. 11.01.2019. № 2.
16. Закон Псковской области от 11.11.2019 № 2002-03 (с изм. от 09.12.2019) «О Гимне Псковской области» // Псковская правда. 15.11.2019. № 46.
17. Закон НАО от 29.06.2002 № 366-03 (ред. от 04.12.2020) «Об административных правонарушениях» // Няръяна Вындер. 19.07.2002. № 116.
18. Закон Вологодской области от 03.05.2018 № 4334-03 «О внесении изменения в закон области «Об административных правонарушениях в Вологодской области» // Красный Север. 05.05.2018. № 47.

© Васильева Яна Валерьевна (yana.vasileva@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕДДоговорная ответственность в сфере ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Дмитриева Майя Сергеевна

Аспирант, ФГАОУ ВО «Российский университет
транспорта (МИИТ)» (Москва)
maiyasnig@yandex.ru

PRE-CONTRACTUAL LIABILITY IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT

M. Dmitrieva

Summary: The presence in the procedure for concluding state contracts of a mandatory, legally stipulated stage – holding a tender (auction, request for quotations) for the selection of suppliers (contractors, performers) – makes it necessary to apply pre-contractual liability measures to violators of the established procedure for placing state orders. Pre-contractual liability in relations for the supply of goods, the performance of works, and the provision of services for state needs has a dual character: the state customer for violations committed at the bidding stage bears both civil and administrative responsibility, and the participant in the procurement procedure, which is a private person, – civil liability.

Keywords: pre-contractual liability, public procurement.

Аннотация: Наличие в процедуре заключения государственных контрактов обязательной, законодательно предусмотренной стадии – проведение конкурса (аукциона, запроса котировок) по выбору поставщиков (подрядчиков, исполнителей) – обуславливает необходимость применения мер преддоговорной ответственности к нарушителям установленного порядка размещения государственных заказов. Преддоговорная ответственность в отношениях по поставкам товаров, выполнению работ, оказанию услуг для государственных нужд имеет двойственный характер: государственный заказчик за нарушения, допущенные на стадии проведения торгов, несет, как гражданско-правовую, так и административную ответственность, а участник процедуры закупок, являющийся частным лицом, – гражданско-правовую ответственность.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, государственные закупки.

Создание института преддоговорной ответственности может быть реализовано только лишь с привлечением доступных гражданскому праву конструкций – договорной ответственности (ответственности за нарушение взятых на себя обязательства) и, при необходимости, деликтной ответственности [1]. Однако необходимо не забывать об особенностях преддоговорных отношений и их транзитных характер к договорным отношениям. Принятие договора заключенным еще на преддоговорном этапе требует крайне внимательного и особенного отношения, так как в этом случае договор перестанет быть средством самоопределения в гражданском праве [2]. Ярким примером преддоговорной ответственности является ст. 507 ГК РФ, в которой это понятие определено в отношении договора поставки. Если при заключении договора поставки между участниками появились разногласия по некоторым пунктам договора, сторона, инициировавшая заключение договора и получившая от контрагента предложение о согласовании этих условий, обязана в течение тридцати дней принять меры по согласованию этих условий договора или письменно сообщить другой стороне об отказе от его заключения. Сторона, получившая предложение по этим условиям договора, но не принявшая мер по согласованию условий договора поставки и не уведомившая другую сторону об отказе от заключения договора в указанные выше сроки, обязана возместить убытки, вызванные уклонением от согласования условий договора.

Анализ следующих законов: «О поставках продукции

для федеральных государственных нужд», «О государственном оборонном заказе», «О контрактной системе в сфере государственных закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд», а также соответствующих подзаконных актов, показывает, что преддоговорная ответственность в отношениях, связанных с государственными закупками, может выступать, например, в форме отклонение заявок на участие в процедурах государственных закупок. Это происходит в случаях, если: предложенная в заявке цена снижена на двадцать пять или более процентов по отношению к начальной (максимальной) цене контракта, указанной заказчиком в извещении об осуществлении закупок или в приглашении принять участие в закрытых процедурах осуществления закупок, и в составе заявки отсутствуют расчет предлагаемой цены контракта, ее обоснование либо документы, предусмотренные Законом (ст. 35 Закона о контрактной системе); участник, представивший заявку, не соответствует требованиям к участникам конкурса или заявка признана не соответствующей требованиям, изложенным в конкурсной документации (ч. 2 ст. 46 Закона о контрактной системе); если заявка не соответствует требованиям, установленным в извещении о проведении запроса котировок, или предложенная в котировочной заявке цена товаров (работ, услуг) превышает начальную (максимальную) цену, указанную в извещении. Также может произойти отстранение участника процедур определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) от участия в процедуре закупки, в том числе от участия в предквалификационном отборе,

в любой момент до заключения контракта, если заказчик, комиссия по осуществлению закупок обнаружит, что участник представил недостоверную информацию в отношении его квалификационных данных (ч. 9 ст. 30 Закона о контрактной системе). Другими формами преддоговорной ответственности являются признание результатов конкурсов (аукционов) недействительными по иску заинтересованного лица (ч. 7 ст. 41, ч. 6 ст. 52, ч. 6 ст. 58, ч. 9 ст. 79 Закона о контрактной системе); включение сведений о поставщике (подрядчике, исполнителе) в реестр недобросовестных поставщиков. Также имеется возможность понуждения заказчика, а также победителя процедуры выбора поставщика (подрядчика, исполнителя) заключить контракт, а также о возмещении причиненных в связи с этим убытков в случаях их уклонения от заключения государственного контракта (ч. 7 ст. 47, ч. 3 ст. 83 Закона о контрактной системе).

Следует отметить, что вместе с преддоговорной ответственностью законом предусмотрена возможность привлечения участников госзакупок к иным мерам юридической ответственности. Так, например, должностные лица госзаказчика могут быть привлечены к административной ответственности за нарушение порядка приема заявок на участие в конкурсе, заявок на участие в аукционе или заявок на участие в запросе котировок; за нарушение членом конкурсной комиссии порядка вскрытия конвертов с заявками на участие в конкурсе; за нарушение критериев оценки заявок на участие в конкурсе и (или) их значимости, требований к участникам процедур закупок, к размеру обеспечения заявок на участие в конкурсе или аукционе, размеру и способам обеспечения исполнения контракта, представлению участниками процедур закупок в составе котировочной заявки, заявки на участие в конкурсе, заявки на участие в аукционе не предусмотренных законодательством о государственных закупках документов и сведений, а также включение в состав одного лота товаров, работ, услуг, технологически и функционально не связанных между собой; за сокращение сроков подачи заявок на участие в конкурсе, заявок на участие в аукционе, котировочных заявок; за предоставление, опубликование или размещение недостоверной информации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд; за уклонение от заключения государственного контракта на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд.

Вступление участников процедур госзакупок в гражданско-правовые отношения, связанные с участием в конкурсе (аукционе, запросе котировок), происходит в соответствии с принципом добросовестности. В научной литературе отмечается, что добросовестность как принцип гражданского права выступает как в объективном, так и субъективном смыслах. В объективном смысле действие данного принципа проявляется при

возникновении и осуществлении гражданских прав и обязанностей и направлено на достижение равновесия интересов между субъектами отношений. Добросовестность в субъективном смысле относится к внутреннему механизму реализации права и понимается как осознание субъектом правомерности в осуществлении своих прав и исполнении обязанностей [3]. Безусловно, субъекты отношений по государственным закупкам должны в полной мере руководствоваться указанным принципом как на преддоговорной стадии, так и при исполнении контрактных обязательств.

В ст. 3 Федерального закона «О государственном оборонном заказе» содержатся нормы об обязательности заключения государственного контракта. Это происходит, например, в случае, если претенденты на участие в конкурсе на размещение оборонного заказа отсутствуют, а также в случае, если по результатам проведения указанного конкурса не определен головной исполнитель. Оборонный заказ обязателен для принятия государственными унитарными предприятиями, а также иными организациями, занимающими доминирующее положение на товарном рынке или обладающими монополией на производство продукции (работ, услуг) по оборонному заказу, при условии, что оборонный заказ обеспечивает установленный Правительством Российской Федерации уровень рентабельности производства этих видов продукции (работ, услуг). В случае если сторона, для которой заключение контракта является обязательным, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении этой стороны заключить государственный контракт. При этом требование о понуждении к заключению государственного контракта может быть заявлено и рассмотрено лишь в судебном порядке. Иные формы защиты в этом случае не применяются. В то же время реализовать требование о понуждении к заключению государственного контракта сторона вправе, если заключение данного контракта обязательно для контрагента в силу указания закона или добровольно принятого на себя обязательства.

Как справедливо отмечается в научной литературе, требование о понуждении к заключению договора (контракта) по своему характеру является требованием о признании права. Суд в принятом решении не устанавливает права и обязанности сторон данного договора, а только подтверждает право одной стороны требовать заключения с ней договора. Тем более, что заключенный на основе решения суда договор приводит к возникновению не только прав, но и обязанностей, в том числе и для стороны, требовавшей принудительного заключения договора [4].

В связи с этим возникает вопрос: как быть, если сторона, которую понуждают заключить государственный контракт, предлагает другой стороне сделку на обре-

менительных и невыгодных для нее условиях? В данном случае следует применять положения ст. 528 ГК РФ, регулирующие особенности заключения государственного контракта в обязательном порядке, в частности, требующая заключения контракта сторона вправе направить другой стороне протокол разногласий. Согласно п. 2 указанной статьи при отклонении протокола разногласий или истечении тридцатидневного срока неурегулированные разногласия по государственному контракту, заключение которого является обязательным для одной из сторон, могут быть переданы другой стороной не позднее тридцати дней на рассмотрение суда. В данной ситуации суд с учетом интересов обеих сторон государственного контракта вправе определить условия контракта, подлежащего заключению в обязательном порядке. Требование о понуждении к заключению государственного контракта может предъявить только сторона, в чью пользу было предусмотрено указанное право, а не сторона, обязанная заключить контракт. Подобная ситуация объясняется тем, что понуждение к заключению договора часто является способом защиты интересов «слабой» стороны договора [4].

Согласно п. 1 ст. 429 ГК РФ по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором. В случаях, когда сторона, заключившая предварительный договор, уклоняется от заключения основного договора, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении уклоняющейся стороны к заключению основного договора (п. 5 ст. 429 ГК РФ). Таким образом, уклонение от заключения основного договора представляет собой неисполнение должником (лицом, к которому предъявлено требование о заключении основного договора) субъективной обязанности, вытекающей из обязательственного правоотношения, что влечет за собой возникновение новых возможностей у контрагента, одна из которых состоит в предъявлении требования о принудительном осуществлении права. Данное право позволяет достичь (посредством воздействия на поведение другого лица) определенного правового результата – заключения основного договора [5].

Характеризуя правовую природу предварительного договора, следует заметить, что предварительный договор не строится по модели «ты – мне, я – тебе» (т.е. обязательства его сторон не имеют встречного характера). Предметом интереса каждой из сторон предварительного договора является заключение основного договора как результата предпринятых контрагентами совместных действий. Обязательства сторон предварительного договора со направлены на установление обязательственных отношений из основного договора [6]. Как представляется, указанные положения вполне

применимы к отношениям, возникающим между государственными заказчиками и участниками процедур закупок.

С какого момента указанный предварительный договор считается заключенным? Таким моментом, является прием и регистрация государственным заказчиком заявки участника процедуры закупок на участие в конкурсе (аукционе). Именно с этой даты у сторон предварительного договора возникают взаимные права и обязанности, связанные с проведением конкурсных процедур, в том числе обязанность заключить основной договор – государственный контракт – при условии признания данного участника процедуры закупок победителем конкурса (аукциона). При этом за участником процедуры закупок сохраняется право в одностороннем порядке расторгнуть указанный предварительный договор путем отзыва заявки в любое время до момента вскрытия конкурсной комиссией конвертов с заявками на участие в конкурсе и открытия доступа к поданным в форме электронных документов заявкам на участие в конкурсе (ст. 39 законопроекта о федеральной контрактной системе).

Если участник процедуры закупок, признанный победителем конкурса (аукциона), откажется от заключения государственного контракта, то к данной стороне предварительного договора могут быть применены санкции гражданско-правовой ответственности (уплата неустойки, возмещение убытков, утрата обеспечительной денежной суммы), в том числе он может быть понужден к заключению государственного контракта.

В ст. 173 АПК РФ сказано, что по спору, возникшему при заключении или изменении договора, в резолютивной части решения указывается вывод арбитражного суда по каждому спорному условию договора, а по спору о понуждении заключить договор указываются условия, на которых стороны обязаны заключить договор. Посредством этого решения сторона обязуется произвести особые действия (заключить государственный контракт), и в этом смысле ситуация, рассмотренная в ст. 173 АПК РФ, может быть интерпретирована как частный случай ст. 174 АПК РФ, регламентирующей вынесение решения, обязывающего ответчика совершить определенные действия.

В связи с этим следует согласиться с тем, что эффективность или неэффективность принуждения в гражданском праве должна оцениваться исключительно с позиций конечного результата использования принуждения – достигает ли защита полного восстановления нарушенного гражданского права [7].

Основными формами гражданско-правовой ответственности за преддоговорные правонарушения явля-

ется возмещение убытков или внесение в реестр недобросовестных поставщиков. Сведения, включаемые в реестр недобросовестных поставщиков, представляют собой данные, позволяющие идентифицировать физическое или юридическое лицо, являющееся недобросовестным поставщиком; информацию о проводимых процедурах размещения заказа, в которых участвовал недобросовестный поставщик; сведения о государственном контракте, заключенном с недобросовестным поставщиком, и основания его расторжения; информацию о дате внесения таких сведений в реестр. Этот состав сведений является достаточным для реализации задач, которые поставлены для реестра недобросовестных поставщиков [8].

В соответствии с ч. 3 ст. 95 Закона о контрактной системе реестр недобросовестных поставщиков должен содержать следующие сведения: 1) наименование, место нахождения (для юридических лиц), фамилия, имя, отчество (при наличии), идентификационный номер

налогоплательщика; б) фамилии, имена, отчества (при наличии) учредителей, членов коллегиальных исполнительных органов, лиц, исполняющих функции единоличного исполнительного органа юридических лиц; 3) даты проведения электронного аукциона, подведения итогов открытого конкурса, конкурса с ограниченным участием, двухэтапного конкурса, запроса котировок, запроса предложений в случае, если победитель процедуры закупки уклонился от заключения контракта, дата признания несостоявшимися процедур закупок, в которых единственный участник процедур закупок, подавший заявку (предложение) либо признанный единственным участником процедуры закупки, уклонился (отказался) от заключения контракта, дата заключения неисполненного или ненадлежащим образом исполненного контракта; 4) объект закупки, цена контракта и срок его исполнения; 5) основания и дата расторжения контракта в случае расторжения контракта по решению суда или в одностороннем порядке; б) дата внесения указанных сведений в реестр недобросовестных поставщиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов В.В. Гражданско-правовая ответственность в преддоговорных отношениях // Журнал российского права. 2010. № 2.
2. Бекленищева И.В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. М., 2006. С. 150.
3. Дроздова Т.Ю. Принцип добросовестности в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 3.
4. Богданова Е.Е. Понуждение к заключению договора // Право и экономика. 2005. № 1.
5. Васильев А.В. Заключение договора в обязательном порядке как следствие неисполнения предварительного договора // Законодательство. 2008. № 2.
6. Меньшенин П.А. Предварительный договор в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.
7. Яковлев В.Ф. Принуждение в гражданском праве // Проблемы современного гражданского права : сборник статей. М., 2000. С. 216 – 217.
8. Полякевич В.Г. Ответственность за преддоговорные нарушения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2007. С. 13, 23.

© Дмитриева Майя Сергеевна (maiya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Ионцев Михаил Анатольевич

Аспирант, Институт законодательства и
сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
mikhail.iontsev@gmail.com

GENERAL PRINCIPLES OF RESOLUTION OF INSOLVENCY IN MODERN LEGISLATION

M. Iontsev

Summary: The key problems of any collective method of resolving insolvency are:

a) effective elimination of insolvency and / or its causes, the consequence of which is the most complete satisfaction of creditors' claims in comparison with liquidation,

b) minimizing the negative impact of the procedure on the status of the unfortunate debtor and ways to protect the interests of creditors.

Resolution methods become ineffective and rarely applicable in practice if they perpetuate a significant imbalance in favor of one of the parties, which persists for a long time without existing economic prerequisites, as participants tend to avoid procedures that are obviously disadvantageous for them. The ineffectiveness of methods of resolving insolvency leads to the formation of uncontrolled processes that significantly reduce the stability of the market, including planning horizons that are very important for the development of society. These processes, which boil down to "black and gray" models of insolvency resolution, create a chaotic redistribution of both insolvency risks and capital between market participants, serve as a fertile ground for the growth of economic crime, contribute to the withdrawal of assets by debtors, conduct an aggressive contract policy, increase mistrust and destabilize relations between the real and financial sectors of the economy.

The subject of this article is the study of the principles of rehabilitation and preventive procedures in the process of resolution of insolvency.

Keywords: regulatory field, insolvency, bankruptcy, legislation, imbalance, insolvency.

Аннотация: Ключевыми проблемами любого коллективного способа урегулирования несостоятельности являются:

а) проведение результативного устранения несостоятельности и/или ее причин, следствием которого является наиболее полное по сравнению с ликвидацией удовлетворение требований кредиторов,

б) минимизация негативного влияния процедуры на статус несчастного должника и способы защиты интересов кредиторов.

Способы урегулирования несостоятельности становятся неэффективными и редко применимыми на практике, если закрепляют значительный дисбаланс в пользу одной из сторон, сохраняющийся в течение длительного времени без существующих для того экономических предпосылок, так как участники стремятся избежать заведомо невыгодных для них процедур. Неэффективность способов урегулирования несостоятельности приводит к формированию неконтролируемых процессов, существенно снижающих стабильность рынка, включая и весьма важные для развития общества – горизонты планирования. Эти процессы, сводящиеся к «черным и серым» моделям урегулирования несостоятельности, создают хаотическое перераспределение как рисков несостоятельности, так и капиталов между участниками рынка, служат почвой для роста экономической преступности, способствуют выводу активов должниками, ведению агрессивной контрактной политики, росту недоверия и дестабилизации отношений между реальным и финансовым секторами экономики.

В предмет исследования данной статьи входит изучение принципов проведения реабилитационных и превентивных процедур в процессе урегулирования несостоятельности.

Ключевые слова: нормативное поле, несостоятельность, банкротство, законодательство, дисбаланс, неплатежеспособность.

Урегулирование несостоятельности и восстановление благосостояния – это процесс, в котором все институты гражданского права проходят проверку на прочность. Безусловно, такие структуры обладают своими принципами, как бы не навязло на зубах это слово, автор считает необходимым обозначить их, так как они служат основами аналогии права и закона для судьи при разрешении пробелов. Принципы безусловно динамичны и изменяются во времени, так как представляют собой формализацию актуальных интересов акторов экономики.

Первый принцип устанавливает предсказуемость и стабильность правового поля в сфере урегулирования несостоятельности. Предсказуемость необходима для

того, чтобы кредиторы могли оценить перспективы урегулирования несостоятельности и построить стратегию своего поведения. Ввиду длительности процедур кредиторам и должнику необходимо знать, что стратегия урегулирования несостоятельности не будет постоянно меняться ни в процессе, ни после него, то есть в постинсолветный период, когда должник исполняет реабилитационный план или начинает новый бизнес после ликвидации.

Помимо стабильности нормативного поля преследуется также принцип понятности и простоты права. Несмотря на сложные экономические отношения в современных экономиках, урегулирование несостоятельности базируется на весьма простом, подчас, интуитивно

ясном алгоритме надлежащих действий, осуществление которых позволяет достичь базовых целей, как восстановления благосостояния, так и ликвидации несостоятельности. Сегодня юридическая норма о несостоятельности подчас не позволяет не только уследить суть юридического института (например, деликатная ответственность обозначена как субсидиарная, намекая на ее обособленность от первой), но и вовсе увидеть явление (например, термины «объективное банкротство», «банкротство», «фактическое банкротство», «неплатежеспособность», «несостоятельность», вводимые нормотворцами и правоприменителями не только путают, но и становятся доступными только ограниченному кругу лиц, которые их ввели, сводя регулирование на уровень хаоса).

Третьим принципом является независимость правового поля от политических интересов крупных экономических акторов, лоббистские действия которых могут существенно нарушить хрупкий баланс интересов в процедуре. Этот принцип звучит скорее наивно, однако весьма важен для поддержания инвестиционного климата, в котором все участники рынка будут чувствовать уверенно, осознавая эффективность правовых способов урегулирования несостоятельности.

Четвертый принцип проходит красной линией в данной работе и уже неоднократно упоминался: урегулирование несостоятельности должно пониматься только таким образом, который позволяет сохранить бизнес должника при наиболее полном удовлетворении требований кредиторов. При этом восстановление благосостояния – это не всегда такие способы распоряжения бизнесом должника, которые подразумевают его сохранение, это лишь способы отличные от ликвидации (срочной распродажи), которые позволяют в наименьшей степени удовлетворить требования кредиторов по сравнению с ликвидацией. При этом автор призывает к тому, чтобы понимать урегулирование несостоятельности как отрасль обязательственного права, так как его динамика полностью определяется согласованием или преодолением (судебным) воли участников юридического процесса, а также относительностью согласованных волеизъявлений.

Так, право благосостояния и несостоятельности не может только в силу формальных обстоятельств применяться таким образом, что происходит вывод активов или захват бизнеса должника.

Следует также отметить, что законодатель должно стремиться к адаптации в рамках национального правового порядка иностранных передовых практик и в целом соответствовать международному уровню развития права, как в доктрине, так и в правоприменении. Этот принцип в первую очередь обоснован интеграционным характером

мировых экономических процессов, и предполагаемой удобностью от унификации и гармонизации норм о несостоятельности. Однако при заимствовании институтов необходимо прибегать к осознанной компаративистике и не «пересаживать кактусы в Сибирь».

Базовые институты урегулирования несостоятельности

Несмотря на все разнообразие возможных процедур урегулирования несостоятельности, которые были указаны выше, с необходимостью следует выделить ключевые институты, конституирующие отрасль.

Во-первых, важнейшим институтом является - приоритет погашения требований. Наиболее провокационной формой представляется возможность осуществления зачета в процессе урегулирования несостоятельности, при этом право на зачет может быть по-разному реализовано в реабилитационных и ликвидационных процедурах. Например, допущение его в реабилитации делает зачет сделкой с приоритетом удовлетворения требований, стимулирующей кредитование должника. Возможность осуществлять зачет преследует цель поощрения кредитования должника в виде невзыскания с него активов, которые мог бы потребовать кредитор. Таким образом, необходимым условием допустимости зачета является порядок возникновения встречных требований, а именно: требование должно сначала возникнуть у кредитора, а потом у должника. При этом такой подход позволяет допустить зачет как в ликвидации, так и реабилитации.

Однако, предоставление приоритета каким-либо кредиторам, с целью поощрения кредитования должника, вступает в противоречие с принципом равного отношения ко всем кредиторам в процессе урегулирования несостоятельности.

Предоставление приоритетов является стимулом для кредиторов предоставлять имущество по более низким ценам или при наличии рисков несостоятельности. Так, родственной зачету институт спасительных займов является одним из ключевых способов досудебного восстановления благосостояния – такие займы способствуют более полному удовлетворению требований кредиторов, так как могут позволить бизнесу начать приносить прибыли. Часто предоставление таких займов сопряжено с условием введения аффилированных кредитору директоров в правление должника, более опытные менеджеры могут позитивно влиять на механизм принятия решений и оптимизировать экономическую деятельность должника таким образом, что несостоятельность устраняется.

Второй принципиально важный институт, непосред-

ственно связанный с предыдущим, - режим обеспеченных требований в процессе урегулирования несостоятельности., ему будет посвящен отдельный параграф, в связи с этим автор не рассматривает его здесь подробно.

Третьим близким к обеспечительному институту является фидуциарная собственность, позволяющий создавать отдельные имущественные массы, в отношении которых не будут применены меры урегулирования несостоятельности. Он позволяет одной группе директоров (агентов) являться представителями разных имущественных масс, используя общие клиентулу и гудвил. Более того, фидуциарная собственность позволяет по усмотрению судьи изменять порядок удовлетворения требований кредиторов в ликвидации, делая, таким образом, процедуры более гибкими, позволяющими учитывать интересы кредиторов, связанные с очередями погашения требований.

Итак, первые три института связаны с нарушением принципа *pro rata*, то есть предоставлением приоритета кредиторам при удовлетворении своих требований или возможностью должников структурировать имущество таким образом, что часть его не будет вообще затронута несостоятельностью.

Помимо институтов, направленных на ограничение издержек, связанных с предоставлением имущества должнику, необходимо рассмотреть те, что связаны с управлением бизнеса должника в процессе урегулирования несостоятельности, поэтому сохранение и редукция объема полномочий директоров рассматривается в качестве четвертого института. Ими же обнимается возможность расторгать и продлевать договоры в одностороннем порядке.

Пятая группа институтов включает институты аккумуляции активов должника. Какой круг субъектов обладает правом на подачу исков о привлечении к деликтной ответственности или признании сделок недействительными? Кто может быть ответчиками? Возможно ли предъявление на досудебном этапе? Ответы на эти вопросы формируют политику аккумуляции активов, которая непосредственно связана с моделью товарищеских отношений (автономной или унитарной), которая избирается при построении процедур.

Таким образом, принципиальными вопросами урегулирования несостоятельности являются: поощрение спасительных займов и режим обеспеченных требований, расщепление имущественных масс с помощью фидуциарной собственности и несостоятельность групп лиц, объем полномочий и ответственности директоров; то есть основными являются интересы:

- кредиторов и порядок наиболее полного удовлетворения их требований;

- директоров и участников (бенефициаров) бизнеса и объем их полномочий и ответственности.

Именно эти институты влияют на основную экономическую и политическую цель урегулирования несостоятельности – положение кредиторов и должников в случае неудачи бизнеса.

Понятие несостоятельности.

Одним из центральных понятий данной работы будет несостоятельность, описывающая экономическое состояние имущественной массы должника (но не его представителей), приводящее к невозможности осуществления им предоставлений в рамках обязательственных отношений без нарушения интересов кредиторов или причинения вреда своему бизнесу [8].

Законодательное определение данного термина отсутствует, что не удивительно, так как данное понятие весьма сложно определить через род и вид, наделив совокупностью каких-либо атрибутов, несостоятельность – совокупность фактических обстоятельств, представляющая собой невозможность должника осуществлять предоставления надлежащим образом. Она может быть вызвана разными экономическими и финансовыми причинами, которые по своим форме и содержанию, могут быть весьма и весьма разными, в связи с чем неподдающимися какой-либо классификации или систематизации в рамках формальной логики права.

В экономике выделяют несколько ее разновидностей, в основном делят на два вида: финансовую и экономическую. Первая связана с отсутствием ликвидных средств в имущественной массе, необходимых для погашения долгов, вторая характеризуется такой структурой активов и пассивов имущественной массы, из которой вытекает принципиальная неспособность удовлетворять долги. Если первая, как правило, является следствием неграмотных экономических решений (расточительности), то вторая обычно возникает в виду злостности – вывода активов. Если первую относительно легко определить и исправить, то вторая требует более подробного анализа движения денежных средств, ликвидности предприятия, стабильности, анализа расходов и доходов [5].

Сверхнесостоятельность – такое состояние имущественной массы, когда ее активов недостаточно даже для покрытия издержек, связанных с проведением процедур.

Несостоятельность является таким состоянием имущественной массы должника, которое требует специального признания со стороны публичной власти, представителями которой по данному вопросу выступают

представители судебной власти, то есть несостоятельность с точки зрения права – гражданское состояние.

Опыт Франции. Идею необходимости такого признания обосновал Кассационный Суд Французской Республики (далее – КС ФР), указав:

при несостоятельности режим обычных гражданских интересов лица претерпевает существенную трансформацию, как при рождении или учреждении, смерти или ликвидации, вступлении в брак или объединении имущественных масс, разводе или разделении имущественных масс, усыновлении, принятии патронажа[3].

Опыт Австралии. Однако, в некоторых исключительных случаях, возможно признание несостоятельности со стороны органа исполнительной власти. Так, в Австралийском союзе возможно признание несостоятельности специальным органом исполнительной власти в сфере экономики, если необходимо урегулирование сверхнесостоятельности имущественной массы, представителем которой является физическое лицо потребитель. В случае сверхнесостоятельности субъектов предпринимательской деятельности также возможно признание несостоятельности представителем свободной профессии (аудитором несостоятельности).

Виды несостоятельности в зависимости от причины ее наступления

Причины несостоятельности могут быть связаны с существенным изменением обстановки, которое не могло предвидеть разумное лицо, ведущее бизнес, а могут зависеть и от его действий. В первом случае несостоятельность называется несчастной.

Если несостоятельное лицо стало таковым в виду неразумного, но добросовестного, ведения дел, несостоятельность называется расточительной, если же действия лица носили характер недобросовестности, то – злостной (даже если он вел дела разумно). Исторически последние два вида, а в особенности последний, назывались банкротством, однако по мере усложнения экономических отношений в процессе развития общества в 20 веке, неосторожную (расточительную) несостоятельность начали регулировать по правилам схожим с несчастной, в связи с этим автор будет избегать использование термина «банкротство» применительно к первым двум видам несостоятельности.

Квалифицировать вид несостоятельности можно по поведению динамических кривых ключевых показателей финансовой стабильности и состоятельности. Технический анализ таких кривых позволяет выявить признаки недобросовестности, а их сравнение с аналогичными в данной отрасли экономики – признаки расточитель-

ности (например, резкие падения на кривых доходности или каких-либо активов, сопровождающиеся выявленными фактами манипулирования отчетностью). Помимо прочего, поведение представителей должника в период до наступления несостоятельности и соблюдение ими превентивных процедур существенно обогащают обстоятельствами доказывание того или иного вида несостоятельности.

При квалификации процедур можно устанавливать разные презумпции. Например, считать, что все должники являются несчастными, а кредиторы должны опровергнуть эту презумпцию в процессе. Возможен, естественно, и противоположный подход, считающий всех должников банкротами (злостными), а бремя доказывания обратного возложить на должника. При этом необходимо учитывать и более сложные конструкции, когда в отношении разных имущественных масс устанавливаются разные презумпции, например, в отношении представителей рынков с монополистической конкуренцией – презумпцию добросовестности, а в отношении – олигополистов – презумпцию банкротства должника.

Имущественная масса

Любое лицо, способное изъявлять волю, является представителем некоторой недееспособной личности (следует обратить внимание, что юридическое лицо является недееспособным, но правоспособным субъектом права), основанной путем фигирования имущественной массы. Легче всего это увидеть на примере юридического лица - некоторой имущественной массы, обособление которой достигается созданием фигированной личности, от имени и в интересах которой действуют представители. Однако это же применимо и к семье, если супруги живут в режиме общей собственности[7], отдельного гражданина и наследственной массы. Одно дееспособное лицо может является представителем нескольких имущественных масс, ровно так же, как и одну имущественную массу могут представлять различные дееспособные лица[2].

В процессе урегулирования несостоятельности имущественной массы представитель (единоличный и/или коллективный исполнительный орган в юридическом лице, физическое лицо, управляющий наследственной массой и наследники, супруги) может либо самостоятельно представлять ее, либо на ряду со специальным администратором, действующим в интересах личности должника, либо быть лишен полномочий представлять[6].

Интересным, и отчасти экстраординарным примером, является случай действия в интересах лица, лишеного свободы. Очевидно, что лишение свободы пора-

жает фактическую возможность лица управлять своими активами, в виду чего, его имущественная масса становится оставленной. Если не находится гестор или представитель, то оставленная масса становится несостоятельной, что требует открытия процедуры. К сожалению, сегодня российский правопорядок игнорирует оставленные имущественные массы, не разрешая вопроса обязательного назначения представителя при лишении свободы, а также, не регламентируя порядка управления массой из мест лишения свободой.

Под общностью во французской доктрине понимается наличие различных связей фактического характера, проявляющиеся в следующих формах:

- а) общности экономического интереса,
- б) наличии общих центров контроля;
- в) наличия личных связей;
- г) смешения имущественных масс.

Первые два вида связей могут образовываться как по воле лиц, так и случайно, в результате чего, для защиты прав таких лиц применяются разные виды искового производства: эффектом группового производства (когда по воле связь установлена) является противопоставимость решения магистрата (судьи или представителя исполнительной власти) всем другим лицам, входящим в общность; результат коллективного производства (когда

связь установлена случайно) приводит к тому, что оно принципиально может быть повторено, так как необходимо учитывать индивидуальные особенности интересов лиц, которые они не согласовывали вступая в общность.

Аффилированность конструируется из этих 4 видов связи, которые устанавливаются между лицами, представляющими имущественные связи. В силу того, что все связи носят именно фактический характер, они весьма разнообразны и не поддаются разумному перечислению или классификации, их выявление является результатом оценки доказательств. Задача же законодателя сводится к распределению презумпций таким образом, чтобы повторить наиболее частые и редкие случаи установлении тех или иных связей, которые в дальнейшем будут опровергаться либо участниками общности, либо лицами, заинтересованными в выявлении или устранении общности.

Теория общности позволяет определить пределы имущественной массы в несостоятельности, роль кредиторов и их интересы, что влияет на субординацию требований, а также определить круг лиц, которые могут быть привлечены к деликтной ответственности, связанной с доведением до расточения или банкротства.[1]

ЛИТЕРАТУРА

1. A. Colomer, *Communauté*, Dalloz, 2000, p. -24-28
2. A-L. Thomat-Raynaud, *L'unité du patrimoine : essai critique*, Tome 25, Éditeur : Defrénois Collection Doctorat & Notariat
3. *Chambre commerciale* 29 septembre 2015, pourvoi n°14-18979, BICC n°836 du 15 février 2016
4. D. Hiez, *Etude critique de la notion de patrimoine en droit privé actuel*, LGDJ, Collection Thèses - août 2003.
5. E. Langlais, *Analyse économique du droit: Principes, méthodes, résultats*, De Boeck Supérieur, 2009, p. - 55
6. F. Zénati, *Mise en perspective et perspectives de la théorie du patrimoine*, RTC octobre-décembre 2003, n°4, p. 667-677
7. J. Leprovaux, *La protection du patrimoine familial*, Tome 3, 2008, éd. Defrénois
8. J-L. Vallens, *L'insolvabilité des entreprises en droit comparé*, Joly Editions, 2010.

© Ионцев Михаил Анатольевич (mikhail.iontsev@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

INSTITUTE OF PEACE JUSTICE IN THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC

**A. Isakov
Z. Mirzoev
Kh. Kushkhov**

Summary: The article analyzes the current state of the legal regulation of the justice of the peace in the Kabardino-Balkarian Republic. The authors identify a number of circumstances that hinder the development of justice of the peace in the Kabardino-Balkarian Republic and increase the efficiency of the work of magistrates. The authors point out the need to change the legislation in order to overcome the current situation.

Keywords: world justice, legal regulation of peace justice, justices of the peace.

Исаков Аслан Русланович,

К.ю.н., доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик
isaslan@mail.ru

Мирзоев Залим Таубиевич

старший преподаватель, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик
trapik80@mail.ru

Кушхов Хажмурат Лионович

старший преподаватель, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик

Аннотация: В статье анализируется современное состояние нормативно-правового регулирования мировой юстиции в Кабардино-Балкарской Республике. Выявляется ряд обстоятельств, препятствующих развитию мировой юстиции в Кабардино-Балкарской Республике и повышению эффективности деятельности мировых судей. В целях преодоления сложившейся ситуации, указывается на необходимость изменения законодательства.

Ключевые слова: мировая юстиция, правовое регулирование мировой юстиции, мировые судьи.

В основу действующей системы государственного управления Кабардино-Балкарской Республики заложены положения Конституции Кабардино-Балкарской Республики (далее – Конституция КБР).

В соответствии с ч. 1 ст. 11 Конституции КБР: «Государственную власть в Кабардино-Балкарской Республике осуществляют Глава Кабардино-Балкарской Республики, Парламент Кабардино-Балкарской Республики, Правительство Кабардино-Балкарской Республики, суды» [1, ст. 11]. Согласно ч. 3 ст. 115 Конституции КБР в Кабардино-Балкарской Республике наравне с другими судами действуют мировые судьи.

Современная сущность мировых судов выражается в максимальной доступности и эффективности правосудия для населения, а также юридической целеустремленности на урегулирование правовых конфликтов на основе принципа минимизации затрачиваемых средств и времени [2, с. 18].

Унифицированная нормативная база, закреплённая на федеральном уровне, заложила единые начала для однообразного развития института мировых судей на всей территории Российской Федерации. В свою очередь, обращение к региональному опыту регулирования в данной сфере ряда субъектов Российской Федерации позволяет констатировать наличие специфики и

трудностей.

Представляется целесообразным рассмотреть процесс реформирования мировой юстиции в Кабардино-Балкарской Республике. Нормативно-правовую базу, регламентирующую деятельность мировых судей Кабардино-Балкарской Республики, составляют:

- Закон Кабардино-Балкарской Республики от 30 ноября 1999 № 55-РЗ «О мировых судьях Кабардино-Балкарской Республики» [3];
- Закон Кабардино-Балкарской Республики от 8 июня 2010 № 42-РЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Конституционного суда Кабардино-Балкарской Республики и мировых судей Кабардино-Балкарской Республики» [4].

Первоначально Закон Кабардино-Балкарской Республики от 03 марта 2000 №14-РЗ «О судебных участках и должностях мировых судей Кабардино-Балкарской Республики» (утратил силу) закрепил формирование 46 мировых судебных участков.

На начало 2021 г. на территории Кабардино-Балкарской Республики функционируют 50 судебных участков [5, ст. 1].

Следует отметить, что дефиниция понятия «судебный

участок» отсутствует в действующем законодательстве Кабардино-Балкарской Республики и на федеральном уровне. При этом его легальное толкование содержится только в ряде региональных законов.

Так, согласно Закону Республики Ингушетия «О судебных участках мировых судей» [6, ст. 1], судебный участок характеризуется как территория в черте одного или нескольких населенных пунктов с фиксированной численностью населения, в пределах которой осуществляется деятельность мировых судей.

В соответствии с Законом Московской области «О создании и упразднении судебных участков и должностей мировых судей в Московской области» [7, ст. 2] судебным участком признается территория, являющаяся частью судебного района или совпадающая с территорией судебного района, на которой мировой судья осуществляет свою деятельность.

В связи с чем, для унификации категориального аппарата представляется целесообразным закрепить определение термина «судебный участок» на федеральном уровне.

Судебные участки в Кабардино-Балкарской Республике, согласно общему правилу, формируются из расчета численности населения на одном участке от 15 до 30 тысяч человек. В административно-территориальных образованиях с численностью населения менее 15 тысяч человек создается один судебный участок [8, ст. 4].

Определение перечня судебных участков, исходя из количества граждан проживающих на определенной территории, представляется поверхностным и не отражающим действительное положение дел, а также в недостаточной степени обеспечивающим равное распределение нагрузки на мировых судей. В свою очередь, качество отправление ими правосудия во многом зависит от количества рассматриваемых дел.

Так, например, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде РФ [9] с 2014 года по 2019 год нагрузка на мировых судей по количеству поступивших дел различной категории увеличилась почти в два раза.

В данном контексте создание четырех новых судебных участков в Кабардино-Балкарской Республике представляется положительной тенденцией, однако, в полной мере, не соотносящейся с ежегодно увеличивающейся нагрузкой на мировых судей.

Если обратиться к списку рассматриваемых дел мировыми судами на конкретную дату, нередки случаи назначения судебных заседаний с пятиминутным интервалом. Очевидно, что отведенного времени недостаточно

для разрешения по существу даже самых несложных споров, не говоря о решении вопроса привлечения к юридической ответственности.

Данные обстоятельства позволяют констатировать необходимость разработки иных критериев расчета количества судебных участков.

Основными факторами, влияющими на количество судебных дел и подлежащими учету при делении судебных участков, должны выступать:

- уровень экономического благосостояния населения;
- расположение на территории больших предприятий или производств;
- степень развитости транспортной инфраструктуры;
- статистические показатели правонарушений, подсудных мировым судьям;
- отдаленность мест расположения органов государственной власти.

В процессе разработки собственного законодательства и практической реализации организационно-правовых аспектов становления мировых судей органы региональной власти сталкиваются с рядом проблем, разрешение которых имеет первостепенное значение для обеспечения эффективной мировой юстиции.

Одним из обстоятельств, существенно сказывающимся на темпах развития института мировой юстиции, является недофинансирование.

Бесспорно, данная проблема выступает серьезным обстоятельством на пути повышения эффективности деятельности мировой юстиции не только в Кабардино-Балкарской Республике, но и в большинстве субъектов РФ, особенно в условиях ежегодного повышения количества рассматриваемых дел, что коррелирует с необходимостью увеличения штата аппаратов судов [10, с. 138].

Исходя из отчета Службы по обеспечению деятельности мировых судей Кабардино-Балкарской Республики о проделанной работе за 2018 год [11], по состоянию на 1 января 2018 кредиторская задолженность Службы составляла более 19 миллионов рублей, что привело к фактическому уменьшению утвержденных ассигнований на 2019 год.

Снижение уровня выделяемых бюджетных средств, несмотря на рост фактических расходов в связи с увеличением количества судебных участков и количества рассматриваемых дел мировыми судьями, а также повышения стоимости товаров, работ и услуг негативно отразилось на уровне материально-технического обеспечения деятельности судебных участков Кабардино-Балкарской Республики.

Остро стоял вопрос обеспечения судебных участков офисной бумагой и расходными материалами, а также обеспечения безопасности судебных участков.

По состоянию на 1 декабря 2018 кредиторская задолженность была на сумму более 15 миллионов рублей: по услугам связи (7,3 млн. руб.), аренды (2,6 млн. руб.), охраны (2,3 млн. руб.) и за услуги и поставленные товарно-материальные ценности (2,8 млн. руб.).

Так, 4 мая 2018 года было вынесено решение Арбитражным судом Кабардино-Балкарской Республики о взыскании со Службы по обеспечению деятельности мировых судей Кабардино-Балкарской Республики в пользу общества с ограниченной ответственностью "Скис-Пал" задолженности за поставленный товар по государственному контракту на поставку архивных стеллажей в сумме 136 000 рублей, процентов за пользование чужими денежными средствами в сумме 2 795 рублей и расходы по уплате государственной пошлины в сумме 5 164 рублей [12].

Подобная ситуация, на наш взгляд, является следствием реализации норм Федерального закона «О мировых судах Российской Федерации» в части распределения расходов на обеспечение деятельности судов.

В связи с этим, хотелось бы отметить терминологическую подмену в ряде законодательных актов, вследствие которой финансовая нагрузка по организационному обеспечению, необоснованно передана на региональный уровень.

Согласно ст. 124 Конституции РФ финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом [13].

Перечень органов, относимых к понятию «суд» закреплен в п. 5 ст. 1 Федерального закона от 22 декабря 2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [14].

Так к судам относятся: федеральные суды, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации и мировые судьи субъектов Российской Федерации,

составляющие судебную систему Российской Федерации.

Можно сделать вывод, что нормы Федерального закона «О мировых судах Российской Федерации», обязывающие региональные органы исполнительной власти производить мероприятия финансового, материально-технического, информационного и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия, искусственно сужают круг обязанностей федеральных органов, установленных Конституцией РФ. Оставляя без рассуждений вопрос о конституционности данной нормы, следует особо отметить невозможность обеспечения полной независимости мировых судей, а также качественного и своевременного правосудия в рамках ограниченных бюджетов субъектов РФ.

В ряде субъектов РФ можно наблюдать неспособность регионального бюджета покрывать все издержки материально-технического содержания мировых судов, что существенно тормозит развитие данного института, а порой грозит полной остановкой деятельности судебных органов.

Так только в 2018 году в Арбитражный суд Республики Ингушетия было подано 4 исковых заявления на общую сумму порядка 6 млн. рублей, по которым Управление по организации деятельности мировых судей Республики Ингушетия выступало ответчиком [15].

В рамках нескольких производств [16] истцы заявляли ходатайства о принятии обеспечительных мер в виде наложения ареста на денежные средства, принадлежащие ответчику.

В связи с этим, представляется необходимым внести изменения в ряд нормативно-правовых актов в части распределения расходов по обеспечению деятельности мировых судей, разгрузив региональные бюджеты посредством передачи обязательств в этой части на федеральный уровень.

В целом можно констатировать, что обозначенные проблемы деятельности мировых судей в Кабардино-Балкарской Республике носят дискуссионный характер. На сегодняшний день, они остаются открытыми для обсуждения и последующего поиска решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Кабардино-Балкарской Республики (принята Парламентом Кабардино-Балкарской Республики 1 сентября 1997 г.) // СПС «Консультант плюс».
2. Сачков А.Н. Российская мировая юстиция: институционально-правовые основы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Р/н-Д, 2006. 27 с.

3. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 11 ноября 1999 № 55-РЗ (ред. от 12.10.2020) «О мировых судьях Кабардино-Балкарской Республики» // Кабардино-Балкарская правда. 1999. № 240. 7 декабря.
4. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 08 июня 2010 № 42-РЗ (ред. от 16.12.2011) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Конституционного суда Кабардино-Балкарской Республики и мировых судей Кабардино-Балкарской Республики» // Кабардино-Балкарская правда. 2010. № 115. 22 июня.
5. Федеральный закон от 29 декабря 1999 № 218-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. N 1 (часть I). Ст. 1.
6. Закон Республики Ингушетия от 08 декабря 1998 № 17-РЗ (ред. от 28.11.2018) «О судебных участках мировых судей» // Ингушетия. 1998. 26 декабря.
7. Закон Московской области от 04 июля 2008 N 98/2008-03 (ред. от 03.03.2021) «О создании и упразднении судебных участков и должностей мировых судей в Московской области» // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2008. № 143. 12 июля.
8. Федеральный закон от 17 декабря 1998 № 188-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О мировых судьях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.
9. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ // <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 17.03.2021).
10. Точиева М.М., Нахушева И.Р. Становление института мировых судей в Республике Ингушетия // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2018. № 9. С. 136-139.
11. Официальный сайт Службы по обеспечению деятельности мировых судей КБР // <https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/servobespmirovsud/> (дата обращения: 17.03.2021 г.)
12. Решение Арбитражного суда Кабардино-Балкарской Республики от 04 мая 2018 года по делу №А20-931/2018 // <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения 18.03.2021 г.)
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант плюс».
14. Федеральный закон от 22 декабря 2008 № 262-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.
15. Официальный сайт Электронное правосудие // URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 01.03.2021г.)
16. Дело № А18-2409/18 по исковому заявлению ИП Шанхоева Х.И. к Управлению по организации деятельности мировых судей Республики Ингушетия о взыскании задолженности в размере 5 000 000 рублей // URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 01.03.2021г.).

© Исаков Аслан Русланович (isaslan@mail.ru), Мирзоев Залим Таубиевич (trapik80@mail.ru), Кушхов Хажмурат Лионович.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ РОЛИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Пантюхина Галина Александровна

К.ю.н., доцент, Уральский государственный
юридический университет
galina-pantuykhina@yandex.ru

Зайко Тамара Михайловна

К.ю.н., доцент, Уральский государственный
юридический университет
tmzayko@mail.ru

ON THE HISTORY OF THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN COORDINATING THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE FIGHT AGAINST CRIME

**G. Pantuykhina
T. Zaiko**

Summary: The relevance of the study is determined by the need to study the history of coordination of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the activities of law enforcement agencies in the fight against crime from the time of the USSR to the present, since the reforms of the prosecutor's office urgently require creative use of the experience of past years to improve the functioning of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in modern conditions.

The work is devoted to the history of this direction in the activities of the prosecutor's office in the fight against crime, allowing us to draw correct conclusions about the place of this law enforcement body in the system of state bodies, and aimed at its further effective improvement. Individual problems in the organization of the prosecutor's office's work on coordination of activities are identified, and suggestions are made on ways to eliminate them.

In conclusion, the authors emphasize the conclusion about the effectiveness of coordinating the activities of the prosecutor's offices of the subjects of the Federation in developing common goals and coordinated actions on key issues of combating crime, reflected in the regional Programs for combating crime.

Keywords: prosecutor's office, history of the prosecutor's office, coordination of the activities of law enforcement agencies to combat crime, law enforcement agency, crime control, supervision.

Аннотация: Актуальность исследования определяется вставшей необходимостью изучения истории координации деятельности прокуратуры Российской Федерации в деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью со времен СССР до настоящего времени, так как реформы органов прокуратуры настоятельно требуют творческого использования опыта прошлых лет для совершенствования функционирования прокуратуры РФ в современных условиях.

Работа посвящена вопросам истории данного направления в деятельности прокуратуры, позволяющим сделать правильные выводы о месте указанного органа правопорядка в системе государственных органов, и направленным на его дальнейшее совершенствование. Авторы называют отдельные проблемы в организации работы прокуратуры по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и вносят предложения о путях их устранения.

В заключение авторами подчеркивается вывод об эффективности, координирующей деятельности прокуратур субъектов Федерации по выработке единых целей и согласованных действий по ключевым вопросам борьбы, отражённых в региональных Программах по противодействию преступности.

Ключевые слова: прокуратура, история прокуратуры, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, правоохранительный орган, борьба с преступностью, надзор.

Российская прокуратура создавалась царем Петром I для борьбы с казнокрадством и мздоимством, присутствующим во всех эшелонах власти государства. На прокуратуру с момента ее создания в 20-х годах XVIII века возлагались, наряду с осуществлением государственного надзора за соблюдением законности, правопорядка и другие функции. Среди них, в том числе выделяется и координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Особенно активно координация проводилась в начале советского периода, примерно до середины 30-х годов прошлого века, главным образом в форме межведомственных совещаний. Во временной инструкции Наркомюста (1922г.) губернским прокурорам предписывалось: периодически созывать губернские совещания по борьбе с преступностью в составе прокурора (председатель) и членов совещания - председателя суда, председателя революционного трибунала, заведующего РКИ

и начальника губернского ОГПУ. Целью таких совещаний было объединение усилий всех органов по борьбе с преступностью, выработка необходимых мероприятий в этой области и обсуждение вопросов о правильной деятельности исправительно-трудовых учреждений, уголовного розыска и милиции [1].

Полномочия прокуратуры по "общему наблюдению и согласованию деятельности всех органов, ведущих борьбу с преступностью", были закреплены в Положении о судостроительстве РСФСР, принятом в ноябре 1926 года [2].

В дальнейшем межведомственные совещания, общие циркуляры, обмен информацией и тому подобные формы совместной деятельности стали проводиться все реже, а затем и вовсе исчезли из практики [3].

В Положении о прокурорском надзоре 1933г. норм, связанных с координацией деятельности правоохранительных органов, уже не содержалось. Отсутствовали такие нормы и в Положении о прокурорском надзоре 1955 года [4].

Для совершенствования координации определенное значение имело Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 17 января 1979 года "О практике применения и соблюдения органами прокуратуры и внутренних дел законодательства об охране правопорядка и борьбе с правонарушениями". В Постановлении обращалось внимание прокуратуры на необходимость повышения действенности прокурорского надзора за соблюдением законности в деятельности органов внутренних дел и улучшения координации деятельности. Во исполнение этого Постановления Генеральным прокурором СССР 22 января 1979 года был издан Приказ N 1, в котором подчиненным прокурорам предлагалось "всю работу по предупреждению и пресечению нарушений советского правопорядка проводить на основе комплексного подхода, последовательно укрепляя связи с другими государственными органами, трудовыми коллективами и общественностью" [5].

Вообще же этимологический смысл понятия "координация" переводится как "согласование" (упорядочение). В Словаре русского языка С.И. Ожегова "координировать" означает: согласовать (согласовывать), установить (устанавливать) целесообразное соотношение между какими-нибудь действиями, явлениями [6].

С термином «координация» связано и другое, более широкое понятие – «взаимодействие», которое нередко употребляется наряду с координационной деятельностью, но по содержанию включающее в себя другой под-

Любая совместная деятельность строится на основе взаимодействия участников, однако не всякое взаимодействие носит строго упорядоченный, согласованный и регламентированный характер. При взаимодействии (в отличие от координации) у ее участников, как правило, отсутствуют какие-либо обязанности по выработке и применению единых мер и персональной ответственности за исполнение рекомендуемых мероприятий: главное – не выделяется **специальный участник**, имеющий полномочия по организации взаимных действий.

Отведение роли **специального участника** - прокурору не случайно и является отражением исторически сложившихся условий. Именно прокурор осуществляет надзор за законностью деятельности всех участников координационной деятельности. Именно Генеральный прокурор РФ несет ответственность за состояние законности и правопорядка во всей стране.

Координационная деятельность прокуратуры - настоятельное требование жизни. Именно координация дает возможность глубоко и всесторонне оценивать происходящие процессы, выявлять негативные тенденции, проблемы в работе по борьбе с преступностью, требующие первоочередного внимания, контролировать осуществление согласованных мероприятий. Координация позволяет правильно определять, что зависит непосредственно от усилий правоохранительных органов, а решение каких вопросов должно быть перенесено на другие уровни [7].

В пункте 2 ст. 8 Закона о прокуратуре определены отдельные полномочия прокуроров при осуществлении координации. Они созывают координационные совещания, организуют рабочие группы, истребуют статистическую и другую необходимую информацию. Причем этот перечень далеко не исчерпывающий. Цели, принципы, основные направления, формы и методы координации, полномочия ее участников были определены Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденным Указом Президента от 18 апреля 1996 года N 567 (ред. от 31.12.2019) [8].

Сущность координации состоит во взаимосогласовании, упорядочении различных правоохранительных органов по достижению общей цели с учетом материальных и технических возможностей этих органов. Правоохранительные органы осуществляют свою деятельность независимо друг от друга, используя, присущие каждой службе специфические формы и методы в пределах установленной для каждой из них компетенции.

Безусловно, на роль координатора этой деятельности в большей степени подходит прокуратура – независимый государственный орган, надзирающий за

исполнением законом всеми федеральными и территориальными органами исполнительной власти.

Первоначально правовое закрепление координация как функция прокуратуры получила в Законе о Прокуратуре СССР. В статье 3 Закона, определявшей основные направления деятельности прокуратуры, указывалось: прокуратура осуществляет координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и иными правонарушениями. В соответствии с этой статьей координационная деятельность прокуратуры охватывала деятельность органов внутренних дел, юстиции и судов, которые в тот период относились к правоохранительным органам.

При этом наиболее распространенной формой такой деятельности являлась организация и проведение межведомственных совещаний, которые посвящались главным образом обсуждению итогов работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью за определенный период - квартал, полугодие, год.

Весьма распространенной формой координации являлись совместные выезды работников правоохранительных органов в республики, края, области, города и районы для проведения проверки и оказания практической помощи местным органам в организации борьбы с преступностью. В зависимости от структуры и динамики преступности, распространенности тех или иных преступлений, от состояния оперативной обстановки в районе практиковалось составление совместных планов мероприятий по организации борьбы с преступностью [3].

Одной из широко применяемых форм координации являлось направление местным правоохранительным органам писем и методических рекомендаций. В информационных письмах давался анализ деятельности органов внутренних дел, прокуратуры, юстиции и суда по борьбе с преступностью, применения законов, главным образом недавно принятых, состояния работ по раскрытию и расследованию конкретных преступлений и их судебному рассмотрению.

Кроме того, в соответствии с Законом Прокуратура Союза совместно с МВД СССР и Министерством юстиции СССР по согласованию с Госкомитетом СССР по статистике разрабатывали систему и методику единого учета и статистической отчетности о преступности, раскрытии и расследовании преступлений. Это позволяло Генеральному прокурору СССР оказывать влияние на следственную практику, независимо от ведомственной принадлежности следователей.

Следует заметить, что в конце восьмидесятых - начале девяностых годов в целом по стране связи между

правоохранительными органами ослабли, координационные мероприятия перестали регулярно проводиться, что, несомненно, сказалось на ослаблении борьбы с уголовными правонарушениями.

В период становления нового российского государства в 90-е годы прокуратура вообще оказалась отстраненной от выполнения координационных полномочий. При принятии Закона о прокуратуре Российской Федерации законодатель отказался от идеи осуществления прокуратурой координации. Этой деятельностью занимались Временный комитет по борьбе с преступностью, Комитет по координации деятельности правоохранительных органов, а также различные временные и постоянные комиссии в структурах исполнительной власти. Такие органы создавались только в Москве, они не имели и не могли иметь соответствующих структур на местах "по вертикали" в силу неопределенности задач и отсутствия достаточного числа сотрудников с универсальными юридическими знаниями и опытом.

Вместе с тем, становилось все более очевидным, что именно прокуратура, осуществляя надзор за исполнением законов в различных сферах и располагая обширными и объективными данными о совершенных преступлениях, их раскрываемости, качестве расследования, причинах и условиях, способствующих их совершению, способна наиболее полно выявлять нарушения законов, причем в первую очередь именно те, которые создают условия для совершения преступлений. Поэтому Указом Президента Российской Федерации от 20 октября 1993 года N 1685 "О деятельности прокуратуры в период поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации" функция координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью вновь была возложена на прокуратуру. В соответствии с этим Указом 17 ноября 1995 года в Закон «О прокуратуре Российской Федерации» 1992 года в статью ст. 8 были внесены соответствующие дополнения, где отмечено, что Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, федеральной службы безопасности, таможенной службы и других правоохранительных органов.

Закон возложил на прокуроров функции координации деятельности только по борьбе с преступностью. Иной подход к этому вопросу означал бы расширительное толкование содержания предмета координации, тем более - круга ее участников.

Развитие и совершенствование координационной деятельности органов прокуратуры позволило сформировать определенную систему координации на нескольких уровнях:

-межгосударственном (Генеральная прокуратура РФ, правоохранительные органы других государств, генеральные прокуроры государств - участников СНГ);

-федеральном (Генеральный прокурор РФ, руководители федеральных правоохранительных органов);

-межрегиональном (Генеральная прокуратура РФ, прокуроры субъектов Федерации, соответствующие руководители правоохранительных органов);

-региональном (прокуроры субъектов Федерации, военные и иные специализированные прокуроры и руководители правоохранительных органов, дислоцирующихся на территории субъекта Федерации);

-местном (прокуроры городов, районов и приравненные к ним прокуроры, а также руководители правоохранительных органов, функционирующих на данной территории).

После создания в Российской Федерации федеральных округов и управлений Генеральной прокуратуры координация в них стала проводиться и на уровне округа.

Согласованность усилий правоохранительных органов позволяет определить комплексное обобщение практики применения законов по борьбе с преступными проявлениями и готовить предложения по улучшению правоохранительной деятельности, совершенствованию правового регулирования деятельности по борьбе с преступностью [9].

Не смотря на то, что федеральное законодательство не содержит ни исчерпывающего перечня правоохранительных органов, ни критериев определения состава участников координации, практика на местах показывает, что в координационной деятельности по борьбе с преступностью участвуют, прежде всего, органы прокуратуры, внутренних дел, федеральной службы безопасности, таможенные органы, Следственный комитет РФ, а также иные государственные органы, наделенные функциями дознания или предварительного следствия.

Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью осуществляется в следующих основных формах:

- проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов;
- обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью;
- совместные выезды в регионы для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи местным правоохранительным органам в борьбе с преступностью;

— изучение и распространение положительного опыта;

— создание следственно - оперативных групп для расследования конкретных преступлений;

— проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению;

— взаимное использование возможностей правоохранительных органов для повышения квалификации работников, проведение совместных семинаров, конференций;

— оказание взаимной помощи в обеспечении собственной безопасности в процессе деятельности по борьбе с преступностью;

— проверка выполнения ранее принятых координационными совещаниями решений;

— разработка и утверждение согласованных планов координационной деятельности и др.

Выбор названных и иных форм координационной деятельности определяется ее участниками исходя из конкретной обстановки [10].

Согласно Положению о координации на эти совещания могут быть приглашены другие должностные лица правоохранительных органов, руководители федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их подразделений, органов местного самоуправления, органов военного управления, общественных объединений, научные и педагогические работники, представители средств массовой информации. Согласованное решение об их участии принимается членами координационного совещания.

В координационных совещаниях правоохранительных органов могут принимать участие председатели судов, руководители органов юстиции.

Следует отметить, что в настоящее время суды не входят в систему правоохранительных органов, и, естественно, никаких рекомендаций судам координационные совещания не дают. Но информация о судебной практике участникам совещаний всегда полезна.

Согласно Положению о координации для подготовки вопросов, рассматриваемых на координационном совещании, и участия в его работе могут привлекаться представители органов контроля и других государственных органов. В настоящее время в ряде субъектов Федерации, в том числе и в Уральском федеральном округе, накоплен опыт координации деятельности всей системы органов контроля.

Очень важным является и еще один момент. С изданием указов Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 года о передаче уголовно - исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации и от 29 августа 1997 года о возложении на органы пограничной службы (ФПС России) новых функций оба ведомства, по существу, вошли в систему правоохранительных органов. В перечне же правоохранительных органов, указанных в Положении о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденном Президентом Российской Федерации, а также Законе о прокуратуре РФ они не значатся. В связи с этим представляется, что и в это Положение и в Закон о прокуратуре РФ необходимо внести изменения, включив в качестве участников координационной деятельности органы Федеральной пограничной службы и органы Министерства юстиции Российской Федерации.

Нельзя не отметить и следующее: практика свидетельствует, что координационные совещания, проводимые Генеральным прокурором (не говоря уже о других уровнях), не могут определять политику государства и стратегию борьбы с преступностью. Они не имеют полномочий по принятию комплекса мер экономического, социального, научно - технического, организационного и иного характера, призванных в масштабе страны обеспечить необходимые предпосылки для успешного функционирования системы правоохранительных органов.

Приходится также констатировать, что в стране нет и специального органа, который на государственном уровне прорабатывал бы весь комплекс стратегических задач борьбы с преступностью.

В тоже время следует согласиться с теми авторами, которые полагают, что не нужно специально создавать такой орган, поскольку ряд задач приоритетного характера по борьбе с преступностью уже возложен на Совет Безопасности Российской Федерации, возглавляемый Президентом РФ, а также на Генерального прокурора Российской Федерации.

Именно Совет Безопасности является конституционным органом, осуществляющим подготовку предложений Президенту России в области обеспечения безопасности. Среди задач этого Совета - разработка стратегии обеспечения безопасности и организация подготовки федеральных программ. Создана Межведомственная комиссия по общественной безопасности, борьбе с преступностью и коррупцией, которую (по должности) возглавляет Генеральный прокурор РФ, а один из заместителей Генерального прокурора входит в состав Межведомственной комиссии по конституционной безопас-

ности. Но эта координационная деятельность Совета Безопасности Российской Федерации должна протекать в рамках, установленных законом, и быть подконтрольной органам государственной власти и гражданскому обществу.

Тем не менее, необходимо дальнейшее совершенствование практики межведомственного структурного взаимодействия Генеральной прокуратуры РФ, федеральных правоохранительных и контрольных органов в организационно - правовом обеспечении этой деятельности.

По мнению авторов, требует повышения, эффективности координирующая деятельность прокуратур субъектов Федерации по выработке единых целей и согласованных действий по ключевым вопросам борьбы с преступностью отражённых в региональных Программах по противодействию преступности, реализация которых требует финансового обеспечения и политической поддержки руководителей регионов России.

В связи с образованием федеральных округов нуждается в правовом регулировании координация работы межрегиональных правоохранительных органов по борьбе с преступностью, разграничение их компетенции, определение ее направлений, форм и методов.

Следует совершенствовать формы и методы взаимодействия прокуратуры, Следственного Комитета РФ и других правоохранительных органов с судами, органами исполнительной и законодательной власти. Для этого требуется более подробная нормативная регламентация вопросов о порядке подготовки и обмена информацией, разработке и проведении совместных мероприятий, выполнении принятых решений, процедур разрешения противоречий, возникающих в процессе координации деятельности, и др.

Для более успешного решения этих задач, считают авторы, целесообразно расширить законодательную базу деятельности прокуратуры по осуществлению данной функции путем включения в Закон о прокуратуре специальной главы, где законодательно закрепить право органов прокуратуры в борьбе с преступностью координировать деятельность не только правоохранительных органов, но и руководителей органов государственной власти, а также местного самоуправления.

Задачи Генеральной прокуратуры не заканчиваются координацией деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью на территории Российской Федерации. В связи с расширением Россией международных связей в нашей стране все более актуальными становятся транснациональные виды преступности: торговля людьми, незаконный оборот наркотиков, экстре-

мизм, терроризм, пропаганда фашизма и др. Идет мощный негативный психологический прессинг на сознание молодежи.

Генеральный прокурор РФ осуществляет взаимодействие в международных отношениях с правоохранительными органами стран Европы и всего мира. Он возглавляет Координационный Совет прокуроров стран СНГ. В рамках этого Совета осуществляется сотрудничество органов прокуратуры, входящих в его состав – в сфере обеспечения законности, борьбы с преступностью и иными правонарушениями.

В последние годы изменялся (в сторону уменьшения) диапазон государственного предназначения прокуратуры, приоритеты прокурорского надзора, место

прокуратуры в системе властных координат. Но всегда она была примером профессионального служения Закону, утверждению его верховенства и основной ее функцией по-прежнему являлся и является надзор за точным соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

Авторы данной статьи, присоединяются к мнению многочисленных практических и научных работников-правоведов, считают, что устранение вышеназванных проблемных вопросов находится полностью в компетенции российских законодателей. Их своевременные решения способствовали бы охране прав и свобод граждан, физических и юридических лиц, законных интересов Российского государства и общества, укреплению законности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еженедельник советской юстиции. 1922. № 28. С.14-16
2. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 "Об утверждении Положения о Судостроительстве РС.Ф.С.Р."
3. Пантюхина Г.А. К вопросам истории прокуратуры Свердловской области //Историческая и социально-образовательная мысль.2019.Т.11,№3
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР»
5. Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 17.01.1979 "О практике применения и соблюдения органами прокуратуры и внутренних дел законодательства об охране правопорядка и борьбы с правонарушителями»
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка // Под ред. Н.Ю. Шведовой М.1984. С.253
7. Алтухова Е.Ю. Особенности координационной деятельности современной прокуратуры //Административное и муниципальное право.2017.№4.С.20-27
8. Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденное Указом Президента от 18 апреля 1996 года N 567 (ред. от 31.12.2019)
9. Зайко Т.М., Пантюхина Г.А Противодействие экстремизму (терроризму) в России средствами прокурорского надзора //Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия: экономика и право.2021.№1 С. 107-110
10. Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: Монография /К.И. Амирбеков, В.К. Артеменков, Т.А. Боголюбова [и др.] /Под общ. ред. Ф.М. Кобзарева. М.: Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, ООО «Перспектив», 2016.С.112-115

© Пантюхина Галина Александровна (galina-pantuykhina@yandex.ru), Зайко Тамара Михайловна (tmzayko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗНАЧЕНИЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Филимонов Андрей Анатольевич

преподаватель, Владивостокский филиал ФГКОУ ВО

«ДВЮИ МВД России»

andrei_84-05@mail.ru

THE MEANING OF DEPRIVATION OF THE RIGHT TO HOLD CERTAIN POSITIONS OR ENGAGE IN CERTAIN ACTIVITIES IN THE SYSTEM OF CRIMINAL PENALTIES

A. Filimonov

Summary: The article discusses the features of the place and purpose of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities in the crime prevention system, and also provides a brief overview on the application of this type of criminal punishment.

Keywords: punishment, law enforcement agencies, official, crime, convict.

Аннотация: В статье рассмотрены особенности места и предназначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в системе профилактики преступлений, а также представлен краткий обзор по применению данного вида уголовного наказания.

Ключевые слова: наказание, правоохранительные органы, должностное лицо, преступление, осужденный.

Уголовно-правовая политика России в последнее время носит достаточно противоречивый характер, что находит выражение в наличии двух законодательных тенденций: с одной стороны происходит криминализация новых деяний, с другой стороны – общая тенденция, направленная на ослабление уголовного карательного воздействия. Данные процессы связаны с быстрым изменением социальной обстановки, что в свою очередь приводит к изменению, возникновению, либо исчезновению определенных угроз для общественной безопасности. Корректировка данной деятельности предполагает проведение соответствующих криминологических исследований, в том числе, связанных с анализом действенности уголовных наказаний в отношении определенных групп преступлений.

Внесение большого количества изменений в УК, УПК и УИК РФ говорит о существенной нестабильности, как процесса законотворчества, так и уголовной политики. Безусловно такая ситуация усложняет работу правоохранительной и судебной системы России. Отметим, что в целом судебная система демонстрирует понимание поставленных перед ней задач и направлена на обеспечение, прежде всего, правового статуса личности и интересов всего общества в борьбе с криминальными проявлениями.

В деятельности судебной системы России данные тенденции привели к существенным корректировкам

правоприменительных задач, связанных с правильным и сбалансированным режимом деятельности в рамках Федерального закона от 07.03.2011 г. № 26-ФЗ [1] и ФЗ от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ [2]. Основной задачей принятия данных нормативных актов мы видим улучшение государственной правовой защиты граждан при осуществлении судебной власти, дальнейшее совершенствование процесса борьбы с криминальными проявлениями, а также совершенствование системы правосудия с учетом общей тенденции по либерализации.

Гуманизация уголовного законодательства и правоприменительной практики заключается в изменениях, касающихся применения соответствующих видов уголовных наказаний и иных мер в отношении осуждаемых с наилучшим соответствием степени общественной опасности, характеру совершенного деяния, личности виновного и достижения целей исправления в отношении конкретного лица. Применительно к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью данные тенденции выражаются в увеличении числа лиц, к которым применяется такое наказание. Соответственно количество осужденных к данному виду наказания, состоящих на учете у уголовно-исполнительных инспекциях ФСИН России составляло: в 2004 г. – 10435 человек; в 2005 г. – 11619; в 2006 г. – 12793; в 2007 г. – 14500; в 2008 г. – 16134, в том числе в качестве основного – 3940; в 2009 г. – 18220, в том числе в качестве основного – 4291;

в 2010 г. – 20481, в том числе в качестве основного – 6176; в 2011 г. – 22260; в 2012 г. – 21799; в 2013 г. – 21578; 2014 г. – 19416; в 2015 г. – 31122; в 2016 г. – 96939; в 2017 г. – 140179; в 2018 г. – 145703; в 2019 – 138574 [3].

Специфическим содержательным признаком изучаемого наказания является его должностная принадлежность, которая в свою очередь обуславливает его предназначение и особое место в системе наказаний.

Рассматривая статистические характеристики совершаемых должностных преступлений, можно констатировать, что принимаемые государством меры по борьбе с ними не приносят значительных результатов.

Следственным комитетом РФ в 2017 году – расследовано 4760 преступлений (включая преступления прошлых лет) о даче и получении взяток и всего окончено уголовных дел о коррупционных преступлениях – 10797, в 2018 году в период с января по сентябрь – расследовано 3986 преступлений (включая преступления прошлых лет) о даче и получении взяток и всего окончено уголовных дел о коррупционных преступлениях – 8409 [4].

Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления включают в себя состав злоупотребление должностными полномочиями.

Проведенный статистический анализ показывает, что за последние годы регистрация фактов злоупотреблений возросла в 1,5 раза.

Указанные преступления, как правило, влекут назначение наказания, также и, в виде лишения права лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Мнения ученых не однозначны и разделяются в отношении рассматриваемого наказания: большинство склоняются к мнению, что его карательное воздействие отличает и отграничивает его от иных мер уголовно-правового характера, другие склоняются к позиции, что все без исключения меры уголовно-правового характера обладают карательными признаками и оказывают ограничительное воздействие на правовой статус лица.

Уголовно-правовое воздействие предполагает наличие карательной составляющей, как соответствующей справедливой осуждающей реакции на деяние [5]. Соответственно карательная составляющая определяет содержание уголовно-правового воздействия и все его последствия. В.К. Дуюнов к их числу относит: предупредительное воздействие уголовно-правовых норм; возможности освобождения лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям; применение

в отношении виновного лица необходимого наказания или иных мер уголовно-правового характера; закрепление за осужденным лицом специального правового статуса – судимости в течение срока наказания, а также после его отбытия [5].

Содержательная сторона уголовно-правового воздействия включает в себя количественные и качественные показатели, определяющиеся видом соответствующего наказания и сроком на которое оно назначается, либо применением иных мер уголовно-правового воздействия.

На основании данных положений можно определить основные критерии, позволяющие разграничить уголовно-правовые средства воздействия и меры уголовно-правового характера.

Данные критерии позволяют по ключевым признакам охарактеризовать внутреннее содержание мер уголовно-правового воздействия.

К первому критерию мы относим основания для применения определенной меры уголовно-правового воздействия, а именно совершение виновным лицом определенного запрещенного общественно опасного деяния, ответственность за которое содержится в нормах уголовного закона. Вторым критерий указывает на определенный своеобразный характер таких мер, связанный с очерченным набором правоограничений.

Характер рассматриваемого вида уголовного наказания включает в себя определенный объем карательного воздействия, который характерен только для данного наказания.

Качественное содержание данного наказания выражается в свойственных ему правоограничениях.

С количественной стороны наказание характеризуется величиной законодательно определенных правоограничений.

Следовательно, с содержательной стороны рассматриваемое наказание выражается в карательном воздействии, как уголовного наказания, а сущность заключается в лишении определенных прав.

По мнению некоторых ученых, на основании определений закрепленных в ст. 43 УК РФ, сущностью уголовного наказания не является карательная составляющая.

В.Д. Филимонов считает, что кара как определение наказания не используется в уголовном законодательстве именно по этой причине, хотя они синонимы с точки зрения буквального значения данных слов [6]. По

мнению других авторов, наоборот высказывается позиция о том, что кара – это всегда уголовное наказание, а негативные последствия, выражающиеся в определенных негативных последствиях для осужденного и направлены на осознание данным лицом своей вины. «Без кары наказание потеряло бы всякое предупредительное значение» [7].

По мнению С.И. Дементьева карательная составляющая наказания состоит из установленных законом негативных последствий, которые претерпевает лицо в ходе отбывания уголовного наказания [8].

Данная позиция является довольно спорной, поскольку вступает в противоречие с основными положениями уголовного законодательства, например, с принципом гуманизма в ст. 7 УК РФ, что в последующем может создать ситуацию по применению необоснованно жестких уголовно-правовых мер в отношении осужденных под прикрытием исправления осужденных и предупреждения новых преступлений, а так же приведет ухудшению правового положения личности [9].

Мы же полагаем, что наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в своей содержательной части не преследует каких-либо дополнительных целей, связанных с оказанием карательного воздействия на виновного, а его специфической особенностью (предназначением) является именно недопущение или профилактирование совершения преступлений определенным лицом в будущем, что не связано с суровостью наказания или объемом карательного воздействия оказываемого иными наказаниями на виновного.

В настоящее время система уголовных наказаний сложилась из следующих тринадцати видов: штрафа; лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательных работ; исправительных работ; ограничения по военной службе; ограничения свободы; принудительных работ; ареста; содержания в дисциплинарной воинской части; лишения свободы на определенный срок; пожизненного лишения свободы и смертной казни.

Все наказания разделены законодателем на основные, дополнительные и смешанные.

Основные виды наказаний не предусматривают правового механизма по их присоединению в качестве дополнительных наказаний.

Дополнительные наказания могут быть присоединены только в качестве дополнения к основному виду,

усиливая карательное воздействие в отношении лица. Такие наказания, помогают в достижении всех целей наказания, дополняя правоограничения, с учетом всех обстоятельств совершенного деяния и иных факторов.

К таким наказаниям относится: лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. Указанный вид наказания допустимо применять только в качестве вспомогательного наказания к остальным.

Применение трех видов уголовных наказаний предполагает их назначение, как в качестве основных, так и дополнительных. К ним законодателем были отнесены штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничение свободы.

Наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – довольно распространенное наказание в статьях УК РФ, оно включено в состав порядка 18 % санкций всех статей Особенной части в виде дополнительного наказания, и только около 4 % в качестве основного вида наказания [10]. В настоящее время, в действующей редакции УК РФ 43% всех статей включают рассматриваемый вид наказания в качестве дополнительного и 6,5 % в качестве основного наказания соответственно.

Так, проведенный анализ Особенной части УК РФ показал:

В разделе 7 «Преступления против личности» в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья» рассматриваемый вид наказания предусмотрен в 10-ти статьях из 25, общим количеством - 19 санкций и только в качестве дополнительного вида наказания; в главе 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» - в 3-х санкциях 3-х статей из 6, и также только в качестве дополнительного наказания; в главе 18 «Преступления против половой свободы, чести и достоинства личности», рассматриваемое наказание представлено в 18-ти санкциях во всех 5-ти статьях и только в качестве дополнительного наказания; в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» мы видим данное наказание в 21 санкции в 12 статьях из 20, из них в 7 статьях законодателем предусмотрено 9 санкций с данным наказанием в качестве основного вида (ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни», ст. 138 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», ст. 139 «Нарушение неприкосновенности жилища», ст. 140 «Отказ в предоставлении гражданину информации», ст. 141.1. «Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициатив-

ной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума», ст. 142 «Фальсификация избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования», ст. 145.1. «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат»); в главе 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних», рассматриваемое наказание предусмотрено в 7 санкциях 6-ти статей из 9-ти и только в качестве дополнительного наказания.

В разделе 8 «Преступления в сфере экономики», в главе 21 «Преступления против собственности ни в одной из 17 статей законодателем не было предусмотрено такое наказание; в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», рассматриваемое наказание присутствует в 58 санкциях 28 статей из 58, при этом в качестве основного предусмотрено в 5-ти санкциях 4-х статей (ст. 169 «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности», ст. 170 «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом», ст. 170.2 «Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории», ст. 189 «Незаконные экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники»); в главе 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» данное наказание присутствует в 16-ти санкциях в 6-ти статьях из 7 и только в качестве дополнительного.

В разделе 9 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», в главе 24 «Преступления против общественной безопасности», данное наказание присутствует в 23-х санкциях 10-ти статей из 42-х и только в качестве дополнительного наказания; в главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», такое наказание предусмотрено в 29 санкциях 17-ти статей из 35, из них в 3-х санкциях 3-х статей в качестве основного (ст. 236 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил», ст. 243.2 «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания», ст. 243.3 «Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере»; в главе 26 «Экологические преступления» - в 21 санкции 14 статей из 18, при этом в качестве основного вида наказания в 8-ми санкциях 8-ми статей (ст. 250 «За-

грязнение вод», ст. 251 «Загрязнение атмосферы», ст. 252 «Загрязнение морской среды», ст. 253 «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации», ст. 254 «Порча земли», ст. 255 «Нарушение правил охраны и использования недр», ст. 257 «Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов», ст. 262 «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов»; в главе 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» такое наказание закреплено в 15-ти санкциях 8-ми статей из 11, только в качестве дополнительного наказания; в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» рассматриваемое наказание предусмотрено в 4-х санкциях 3-х статей их 4-х, только в качестве дополнительного наказания.

В разделе 10 «Преступления против государственной власти», в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», данное наказание присутствует в 20-ти санкциях 9-ти статей из 16-ти в качестве дополнительного наказания; в главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» предусмотрена 41 санкция с исследуемым наказанием в 15-ти статьях из 17, из них 7 санкций в качестве основного наказания в 6-ти статьях (ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 285.3 «Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений», ст. 286 «Превышение должностных полномочий», ст. 287 «Отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации», ст. 289 «Незаконное участие в предпринимательской деятельности», ст. 292.1 «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации»; в главе 31 «Преступления против правосудия» данное наказание закреплено в 7-ми санкциях 5-ти статей из 24-х, из них 2 санкции в 2-х статьях в качестве основного наказания (ст. 303 «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности», ст. 315 «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта»); в главе 32 «Преступления против порядка управления» предусмотрено только 2 санкции в 2-х статьях из 22-х и только в качестве дополнительного наказания.

В раздел 11 главе 33 «Преступления против военной службы», данный вид наказания закреплен в 5-ти санкциях 3-х статей из 21, в качестве дополнительного наказания.

В разделе 12 главе 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» рассматриваемое нака-

зание предусмотрено в 2-х санкциях 2-х статей из 21 в качестве дополнительного наказания.

Таким образом, исследуемый вид наказания присутствует во всех разделах УК РФ, за исключением главы 21 «Преступления против собственности». Всего из 367 действующих статей УК РФ, рассматриваемый вид наказания, предусмотрен в 158 статьях, что близко к 50 % от общего количества составов преступлений. В качестве основного наказания предусмотрено в 24 статьях УК РФ.

Наибольшее распространение, данное наказание в качестве основного вида закономерно получило в главах 19, 26 и 30 УК РФ за преступления против конституционных прав свобод человека и гражданина, за экологические преступления и преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Несколько реже законодатель предусмотрел его в главах 21, 22, 23, 28 и 31 УК РФ за преступления против собственности, преступления в сфере экономической деятельности, против интересов службы в коммерческих и иных организациях, преступления в сфере компьютерной информации и против правосудия.

Лишение прав как дополнительный вид наказания наиболее распространен за преступления: в сфере экономической деятельности; против общественной безопасности; против жизни и здоровья, против правосудия, против здоровья населения и общественной нравственности; основ конституционного строя и безопасности государства; против государственной власти,

интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления – главы 22, 24, 25, 29, и 30 соответственно УК РФ. Такая ситуация вполне объяснима стремлением законодателя оказать профилактическое воздействие на определенное лицо с помощью применения в отношении него дополнительных правовых ограничений, связанных, прежде всего, с его особым профессиональным статусом использованным для совершения деяния.

Выявленная тенденция к расширению количества составов, предусматривающих применения рассматриваемого наказания (в качестве дополнительного прирост составляет более 50% за 10 лет), а также общая распространённость изучаемого наказания в санкциях статей УК РФ, связанный с профессиональной сферой деятельности говорит о возрастающем значении данного наказания в борьбе с данной категорией преступлений, что в свою очередь говорит, об особом месте в системе уголовных наказаний рассматриваемого наказания. Особое значение, оно приобретает в отношении противоправной деятельности в иных сферах, связанных с наличием специальной подготовки и осуществлением деятельности в определенных областях, таких как, управление различными видами транспорта и механизмами, профессиональная или любительская охота или рыболовство, деятельность в сфере частных охранных структур, экологическая сфера, в связи, с его особым предназначением, состоящим в недопущении или профилактике совершения преступлений определенным лицом, связанным с его должностным статусом или определенной профессиональной сферой деятельности в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 14.03.2011, № 11, ст. 1495.
2. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 12.12.2011, № 50, ст. 7362.
3. Отчеты о работе уголовно-исполнительных инспекций по форме УИИ-1 и ФСИН-1 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YII/> (дата обращения: 12 апреля 2021 г.).
4. Сведения о деятельности Следственного Комитета Российской Федерации за 2013-2018 гг. [Электронный ресурс] // URL: <http://sledcom.ru/activities/statistic> (дата обращения: 12 апреля 2021 г.).
5. Дуюнов В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис.... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. С. 27.
6. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. – 2-е изд. – М.: ЦентрЮрИн-фор, 2012. – 376 с.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: В 2 т. М., 2004. Т. 1: Общая часть. С. 494. Беляев Н.А. Уголовная политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 64.
8. Дементьев С.И. Лишение свободы. Уголовно-правовые и исправительные аспекты. Ростов н/Д, 1981. С. 45.
9. Полубинская С.В. Цели уголовного наказания. М., 2010. С. 7 – 8.
10. Ничуговская О.Н. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в системе наказаний, предусмотренных уголовным кодексом российской федерации, и целесообразность его применения в отдельных случаях // Право. 2009. № 2. С. 89.

© Филимонов Андрей Анатольевич (andrej_84-05@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Чувахин Петр Игоревич

преподаватель, Финансовый университет при
Правительстве РФ; старший преподаватель, Российский
государственный университет правосудия, г. Москва
chuvakhin.petr@yandex.ru

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR COUNTERING TERRORIST ACTIVITIES

P. Chuvakhin

Summary: The article is devoted to the study of the legal basis of international cooperation of states in the prevention of terrorist acts and the need to improve legal norms and the coordination of this issue by international organizations. In modern realities, when such a phenomenon as terrorism has become the main threat to human security, states become vulnerable and incapable of protecting their citizens without competent international cooperation and a well-constructed action plan. The vigorous activity of terrorist groups and the high level of their equipment entails great human casualties, destruction of spiritual and cultural values, as well as an increase in tension among social groups of the population, and, as a consequence, an increase in intrastate clashes between various strata of society. At present, terrorism, which is international in nature and terrifying in its scale and level of brutality, is a challenge to all international principles and values. To preserve and maintain peace and order, states and international organizations make colossal efforts to prevent terrorist acts, but, based on practice, they are not always justified.

Keywords: terrorism, principle aut dedere aut judicare, principle of nationality, principle of jurisdiction by the nature of the crime, international terrorist act.

Аннотация: Статья посвящена изучению правовой основы международно-го сотрудничества государств по предупреждению террористических актов и необходимости совершенствования правовых норм и координации этого вопроса международными организациями. В современных реалиях, когда главной угрозой безопасности для человечества стало такое явление, как терроризм, государства становятся уязвимыми и неспособными без грамотного международного сотрудничества и четко выстроенного плана действий защитить своих граждан. Активная деятельность террористических групп и высокий уровень их оснащенности влечет за собой большие человеческие жертвы, разрушение духовных и культурных ценностей, а также увеличение напряжения среди социальных групп населения, и, как следствие этого, рост внутригосударственных столкновений между различными слоями общества. В настоящее время терроризм, носящий интернациональный характер и ужасающий своей масштабностью и уровнем жестокости, является вызовом для всех международных принципов и ценностей. Для сохранения и соблюдения мира и порядка государствами и международными организациями прилагаются колоссальные усилия по предупреждению террористических актов, но, исходя из практики, они не всегда оправдываются.

Ключевые слова: терроризм, принцип aut dedere aut judicare, принцип национальности, принцип юрисдикции по характеру преступления, международный террористический акт.

Причины террористической активности различны, характеризуются множеством аспектов – от политических до религиозных, но стоит отметить, что на протяжении всего развития человечества терроризм характеризовался не как акт насилия ради самого насилия, а как грамотно спланированная деятельность, осуществляемая ради достижения четко определенных целей, среди которых выделяются корыстные интересы членов таких организаций, иных частных лиц, которые финансируют террористическую деятельность, желание дестабилизировать экономическую, политическую ситуацию, вызвать напряжение и последующие столкновения среди социальных групп.

Ввиду этого следует отметить, что для полного понимания самой сущности терроризма, условий, которые его порождают, и всестороннего регулирования вопроса обеспечения противодействия террористической деятельности просто необходимо осмысление понятия «терроризм» и его основных компонентов.

Для определения сущности терроризма представляется необходимым раскрыть данное понятие в историческом контексте. Первой известной мировому сообществу в истории террористической группой стала секта сикариев, которая существовала в Палестине в 70-х годах нашей эры. Основателем самой теории «терроризма» принято считать Хасан аль-Саббаха, который был создателем тайного общества, широко известного на Востоке – сообщества ассасинов. Данные группы занимались террористической деятельностью не совсем в принятом в настоящее время контексте; члены таких групп традиционно выполняли работу наемных убийц и вымогателей для тех, кто готов был заплатить. С массовым политическим террором и террористическими актами мир столкнулся спустя столетия – сильным толчком к этому стала Великая Французская революция, которая породила насильственные расправы со всеми противниками буржуазии и массовые убийства пленных. Здесь содержание дефиниции расширяется, приобретает все новые черты и становится предпосылкой к созданию множества террористических организаций, деятель-

ность которых сосредотачивалась в разных странах, в том числе и в Европе.

С конца девятнадцатого века, термином «терроризм» стали обозначать деятельность революционно настроенных масс, участников национально-освободительских движений и анархистов, что становится уже гораздо ближе к его традиционному, современному пониманию. Особым примером является серия покушений на Александра II, действия партии русских революционеров «народная воля», совершивших не мало терактов, и в последующем – политика большевиков по устранению врагов идеологии советского строя.

Стоит отметить, что с терроризмом в России тесно связано понятие «красный террор». Имеются различные подходы к его определению, но большинство ученых склоняется к тому, что данный термин представляет собой самостоятельное явление, которое создавалось сознательно революционными массами для сохранения идеологии и дальнейшего использования против целых слоев населения.

Здесь следует провести параллель между двумя терминами: «терроризм» и «террор» и выделить ключевые отличия. По сути, террор является способом, средством устрашения и закрепления власти за конкретным лицом, партией, слоем общества на политической арене, то есть субъектом является государство в лице управляющих органов или институтов, которое осуществляет целенаправленную политику террора, характеризующуюся непрерывностью и массовостью процесса. Терроризм же представляет собой совершение разовых или массовых актов против жизни людей с расчетом на дальнейшее манипулирование поведением международных организаций властных структур или всего международного сообщества. К тому же, совершение террористического акта является преступным деянием, за которое предусматривается уголовная ответственность и национальным, и международным правом.

Перейдем к современной трактовке изучаемого термина. Все существующие определения понятия вытекают из «terror», означающего на латинском «ужас, первородный страх». Обратимся к словарю: Ожегов раскрывает данное понятие как процесс совершения насильственных действий по отношению к противникам, сопровождаемых желанием уничтожить, искоренить. Различные международные и отечественные ученые также раскрывают терроризм неразрывно от дефиниции «насилие» и сопутствующих угроз его осуществления в политических целях.

В связи с этим, представляется необходимым создание определения этого понятия, которое было бы принято мировым сообществом, и первую попытку создать

его приняла Лига Наций, утвердившая Конвенцию о предупреждении терроризма 1937 года. В данном документе терроризм закреплялся как «те уголовные деяния, направленные против государства и нацеленные на создание состояния террора в сознании людей, групп, обществности» [1]. Эту попытку сложно назвать удачной, ведь в дальнейшем она так и не вступила в силу – была ратифицирована лишь одним государством из двадцати четырех подписавших. При этом, первое раскрытие исследуемого понятия в международном акте действительно стало началом для формирования и законодательного закрепления определения терроризма рядом стран в своих нормативных правовых актах.

Статьей 205 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляется определение тех общественно-опасных действий, которые трактуются как террористическая деятельность и субъект которых будет привлечен к уголовной ответственности. Такими деяниями будут являться совершение взрыва, поджога или иных, конкретно-определенных действий или же угроза их совершения, при осуществлении которых предусматривается устрашение людей или какая-либо опасность для их жизни, здоровья, а также причинение имущественного ущерба в значительном размере. Помимо этого, подчеркивается, что такие действия должны быть совершены в целях дестабилизации деятельности международных организаций или органов государственной власти, а также в целях влияния на принятие ими решений [2]. То есть, такое преступление носит политический контекст.

Таким образом, подходов к определению понятия «терроризм» довольно много, но представляется необходимым выделить собственное. Терроризм – это деятельность физических лиц и террористических организаций, которая направлена на достижение политических целей путем принуждения к принятию определенных решений и связана с угрозой совершения или с совершением общественно опасных деяний, посягающих на жизнь и здоровье, а также законные права и интересы субъектов.

Классифицировать терроризм можно по различным основаниям: 1) по субъекту – организованный или системный терроризм и неорганизованный (стихийный); 2) негосударственный, государственный и так называемый институционализированный (тот, что спонсируется государством); 3) исходя из характера терроризма – социальный, государственный (политический), этнический и религиозный; 4) внутригосударственный и международный.

В современном мире, терроризм как явление становится все шире, охватывает целые регионы и государства, террористические организации вербуют новых участников, которые распространяют собственную иде-

ологию среди социальных слоев и жертвуют собой для достижения целей преступников, в связи с чем говорить о терроризме только как о внутригосударственном преступлении – невозможно. Терроризм как преступление (содержащее в себе три главных элемента: преступное лицо, непосредственные жертвы и сам объект эмоционального воздействия) подлежит вынесению за границы «простых» преступных деяний, предусмотренных государствами. Террористическая деятельность все приобретает международный характер, и именно поэтому необходимо определение международного терроризма как главной угрозы для безопасности государств в XXI веке.

Необходимо отметить, что само понятие «международный терроризм» впервые встречается в зарубежной и отечественной литературе в 70-80-е годы прошлого столетия. Примером может служить Трактат американских профессоров В. Нанди и М. Бассиони, в котором приводится примерное определение международного терроризма как международного преступления с рядом признаков: угрожающее спокойствию и безопасности людей, наносящее ущерб имуществу и достоинству, а также оскорбляющее совесть и духовные ценности человечества. При этом, определения такого термина как такового помимо как сформированного различными учеными в доктринальных источниках не предусмотрено до сих пор ни в одном из нормативных правовых актов.

На практике, государствами через призму структурных органов Организации Объединенных Наций (далее – ООН) выделяются следующие основания определения деяния в качестве международного терроризма. Таким образом, международный террористический акт, чтобы являться таковым, должен:

1. Серьезно подрывать основные права и свободы человека;
2. Угрожать международной безопасности и соблюдению мирового порядка;
3. Тормозить или разрушать естественные политические и государственные процессы.

Следует отметить, что единое определение изучаемой дефиниции смогло бы более точно проследить отличия насилия политического от иного, не связанного с такими мотивами, а также обеспечить более унифицированное реагирование на различные виды международного терроризма. Помимо этого, такое решение поможет четко ограничить круг мер, которые могут приниматься государствами для противодействия терроризму в соответствии с Резолюциями Совета Безопасности, и не позволит применять чрезмерные или непредсказуемые средства.

Современный международный терроризм слишком

многогранен, его можно охарактеризовать двумя существенными, отличительными чертами: 1) в последнее время увеличивается количество самостоятельных международных террористических организаций, действующих независимо от стран и обладающих высокотехнологическими ресурсами, которые позволяют им держать под контролем отдельные территории, инициировать международные военные конфликты и кооперироваться с иными преступными организациями; 2) в современных реалиях все труднее установить причастность правительств разных стран к поддержке международных террористических организаций.

Ввиду многогранности исследуемого явления, его классификация также является довольно обширной. Видами международного терроризма являются:

1. По субъекту: террористическая деятельность, управляемая государством, отдельными лицами или группировками;
2. По целям формирования:
 - Политический или идеологический, в основе которого желание достижения определенных изменений путем принуждения правительственных органов государств;
 - Националистический;
 - Религиозный – связан с желанием уничтожить неверных и установить собственную религию;
 - Криминальный – цель – создание более выгодных условий для наркотрафика и контрабанды через рынки государств;
 - Экологический – во главе – желание недопустить строительство различных объектов или убийства животных насильственным методом.

Как уже подчеркивалось, единого определенного понятия международного терроризма не существует, хотя и работа по разработке такой дефиниции ведется, и принимаются различные конвенции и пакты, преследующие основной целью борьбу с ежегодно расширяющейся в масштабе противоправной деятельностью террористических организаций.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что международный терроризм можно обозначить как осуществление террористической деятельности на территории нескольких государств определенными группировками и физическими лицами, суть которой заключается в совершении или угрозе совершения таких деяний, которые посягают на здоровье, жизнь, а также законные права и интересы человечества, при этом она направлена на достижение политических целей, например на принуждение субъектов к осуществлению тех действий, в которых заинтересованы преступники.

В современных реалиях все более актуальным становится вопрос борьбы с таким явлением, как терро-

ризм, особенно международный, который выходит за рамки одной территории и посягает на установленные границы государств и их власть. Главной особенностью терроризма является приобретение им характера глобального, широкомасштабного явления, охватывающего ни одно государство. Современный терроризм обладает большими возможностями для коммуникации различных террористических организаций, разнообразными источниками финансирования и достаточным оборудованием для реализации собственных целей, чем представляет глобальную угрозу для всего человечества. Именно поэтому просто необходимо, чтобы государства посредством различных правовых форм сотрудничества имели возможность противостоять террористическим организациям и бороться с терроризмом более эффективно на международной арене.

Существует ряд направлений, в отношении которых государства на международной арене сотрудничают и принимают определенную нормативную базу в виде конвенций, двусторонних и многосторонних соглашений. Данные НПА регулируют вопросы осуществления направлений сотрудничества государств посредством правовых форм взаимодействия государств, о которых будет рассказано позже.

В последнее десятилетие XX века и в начале XXI, после произошедшего 11 сентября 2001 года в США, которые унесли множество человеческих жизней, в мире достаточно остро встал вопрос о необходимости нахождения такого решения, которое могло бы способствовать предотвращению террористических актов и эффективной борьбе с террористическими организациями. Именно в этот период наиболее активно стали проводиться определенные мероприятия, например, саммиты и встречи глав государств, на которых первым пунктом повестки являлся вопрос о выявлении ключевых направлений, по которым стоит действовать государствам в рамках различных международных организаций.

На одной из таких конференций, организованных Организацией Объединенных Наций, в 1993 году в Вене была принята Декларация, которая определяла статус террористических актов и методик террористов в формах – они признаются такой деятельностью, которая прямо нарушает права и свободы людей, которые определены в связи с Пактами о политических, гражданских, экономических, социальных и культурных правах и Декларацией о правах человека; помимо этого, такие действия зачастую нарушают территориальную целостность государства или содружества государств, а также покушаются на их безопасность и создает проблему для осуществляющих свои полномочия в государстве властных структур (правительств, министерств, служб).

Результатом устанавливающей вышеуказанные по-

ложения Декларации стало инициирование 49-сессии Генеральной Ассамблеи ООН. На данной сессии был принят крупнейший акт по борьбе с терроризмом – Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма. Данный документ предусматривает одно из направлений сотрудничества государств – тесную координацию и коммуникацию между странами на международной арене в целях борьбы с противоправными деяниями, то есть террористическими преступлениями.

Особенное внимание уделяется вопросу о борьбе с незаконной торговлей оружием, контрабандой ядерной продукции и иного материала, с ней связанного. Для того, чтобы этот механизм работал, правовыми положениями предусматривается необходимость всестороннего анализа и дополнения, если это необходимо, нормативной базы в сфере ликвидации и предупреждении террористических актов. Данный механизм мог бы обеспечить комплексное регулирование данного вопроса. Но следует отметить, что наиболее эффективным сотрудничеством в данном случае представляется сотрудничество государств в рамках региональных организаций, которые бы объединяли небольшое количество государств (например, ЕАЭС), либо же двустороннее сотрудничество. Данный тезис объясняется отсутствием единого правового регулирования ввиду отношения стран к разным правовым системам. Примером является Россия и, например, США. Но к созданию единой системы регулирования борьбы с терроризмом, а не только общих принципов и отраслевых норм, следует стремиться, особенно в современных реалиях.

Следующим направлением является улучшение квалификации специалистов и работников специализированных внутренних органов, что в будущем обеспечит более эффективную борьбу с терроризмом, особенно в вопросе химических, радиоактивных и взрывчатых веществ. В настоящее время большую опасность для мировой безопасности представляют именно подобные террористические атаки, потому как мир помнит множество случаев уничтожения целых районов посредством использования такой разновидности оружия. Проблемой также является тот факт, что очень трудно отследить, откуда террористические организации получают подобные вещи. Данный тезис впервые был озвучен на совещании по противодействию терроризму представителями «Большой восьмерки» в Париже. Помимо этого, там же был согласован список мер для государств по борьбе с терроризмом.

Следует ответить, что ввиду проблематики, обозначенной выше, государства призвали правительства стран особое внимание уделить разработке эффективных методов отслеживания и обнаружения взрывчатых веществ, а также системы взлома и отслеживания устройств по кодированию информации, которой обме-

ниваются преступники между собой и с организациями, которые их курируют и финансируют (такими могут быть даже неправительственные организации, чья деятельность связана с социальной и культурной сферой жизнедеятельности; такие чаще всего используют для прикрытия незаконного оборота наркотических средств и координирования террористической деятельности) [3].

Отдельными направлениями также выделяются разработка мер по эффективному контролю торговли, производства, экспортирования и импортирования оружия, а также совершенствование национальной правовой базы, особенно в части допуска специальных служб к персональным данным граждан, улучшения контроля на границах таможенными службами и ужесточения ответственности за террористические акты. Следует отметить, что принципиально важное значение имеет вопрос финансирования терроризма правительствами государств и международными преступными организациями, и то, каким образом мировому сообществу следует бороться с подобными незаконными действиями. В связи с этим была принята Резолюция 1373 (2001) Совета Безопасности ООН, ключевым положением которой являлось обязательство участников ввести уголовную ответственность за финансирование терроризма и присоединиться к международным нормативно-правовым актам по противодействию терроризму.

Улучшение взаимодействия и координации деятельности государств по использованию специализированных баз данных, содержащих данные о террористических организациях, а также их членах, и непосредственной выдаче таких лиц является одним из основных направлений международного сотрудничества стран по вопросу предупреждения терроризма и реализуется посредством различных двусторонних и многосторонних соглашений.

Для того, чтобы работа государств в данных направлениях была эффективной, необходимо соблюдение международных принципов, которые создают так называемую основу для грамотного правового регулирования борьбы с терроризмом посредством взаимодействия государств и тех правовых форм сотрудничества, которые они принимают международными актами.

Кроме основных принципов, которые характерны для регламентации любых правовых отношений в национальных правовых системах (речь идет о принципах законности, справедливости, соблюдения прав человека, установления ответственности за совершенные преступления, презумпции невиновности, запрета пыток и другие), действенное сотрудничество государств и эффективное правовое регулирование на международной арене основывается на специализированных принципах [4].

Принципами международного сотрудничества являются:

- Преимущественная сила обязательств членом ООН над обязательствами по другим соглашениям – когда обязательства государств-членов по другим международным соглашениям противоречат обязательствам по Уставу ООН, преимущественной силой обладают обязательства ООН [5];
- *Comitas gentium* – принцип международной вежливости – способствует поддержанию нормальных взаимоотношений между государствами при сотрудничестве;
- Принцип *aut dedere aut judicare* (либо выдай, либо суди) – данный принцип позволяет предупредить возможность сокрытия террористов в безопасном убежище, которое ему может предоставить другая страна. На государство возлагается обязательство по привлечению к ответственности преступника внутри страны, на которой он находится, или же выдаче другому государству. Описанный принцип является обязательным и содержится в Резолюции 1373 Совбеза ООН. Существуют также четыре правила по определению юрисдикции – принципы территориальности, юрисдикция по принципу «либо выдай, либо суди» и по характеру совершенного преступления, принцип национальности;
- Территориальный принцип – государства могут установить свою юрисдикцию в отношении преступлений, совершенных в пределах данной территории;
- Принцип национальности – данный принцип тесно связан с имеющимся гражданством преступника или же местом его постоянно проживания, а также с гражданством лица, которое потенциально является потерпевшим (активная и пассивная персональная юрисдикция);
- Принцип юрисдикции по характеру преступления – если целью преступления является понуждение государства к каким-либо действиям или оно совершено против посольства или представительства;
- Непринятие политических мотивов – акты терроризма не рассматриваются как политические преступления и не могут быть каким-либо образом оправданы на международной арене, а также государства на основании ссылки на политические мотивы не могут отклонять просьбу о выдаче лица;
- Верховенство права – обеспечение справедливости и демократии для действенности механизма сотрудничества стран на международной арене необходимо;
- Принцип двойного вменения – деяние, которое совершено террористом, должно являться преступлением в законодательстве двух стран для

того, чтобы одно государство выдало лицо другому государству по их запросу для привлечения к ответственности;

- Принцип *ne bis in idem* – запрет на множественность преследования за одно совершенное противоправное деяние, *res judicata*;
- Поощрение обмена информацией и контактами (на основе принципа взаимности).

Применение вышеуказанных принципов для определения и последующей реализации направлений сотрудничества государств в сфере противодействия терроризму представляется необходимым условием для достижения целей подобного взаимодействия, а именно предупреждения террористических актов и объединения усилий для всесторонней борьбы с организациями, которые инициируют такие акты.

Государства имеют различные правовые системы, соответственно и правовая ответственность за террористическую деятельность в странах разная, но именно принципы и направления, которые определяются в рамках работы Совета Безопасности и всей Организации Объединенных Наций, являются основными началами, которые регламентируют правила международного сотрудничества государств и его содержание, что позволяет странам прийти к определенному консенсусу и эффективно взаимодействовать в вопросе борьбы с главной угрозой безопасности, активно двигаясь к созданию универсального правового регулирования данной проблематики.

Одним из центральных документов в механизме сотрудничества государств по предупреждению терроризма является Глобальная контртеррористическая стратегия, которая была принята Советом Безопасности ООН 8 сентября 2006 года и предусматривала цели международной политики в сфере уголовного права, а также ряд мер, направленных на ограничение или полное устранение причин и условий, которые способствуют распространению террористической деятельности по всему миру. Данный документ также содержал положения о неотвратимости правосудия для тех лиц, которые являлись организаторами террористических актов. В данное направление стратегии включались ключевые вопросы экстрадиции, определения юрисдикции государства по совершенному акту, а также принципы осуществления правосудия над преступниками.

Посредством принятия данной Стратегии, всеми странами, имеющими членство в ООН, был достигнут консенсус в определении важных стратегических направлений и методов, которые действительно будут работать при борьбе с терроризмом. Примечательно, что данный документ является «живым», так как Генеральной Ассамблеей предусмотрен порядок обзоров Страте-

гии, проводимых раз в два года для совершенствования положений ввиду изменения ситуации на международной арене. Таким образом, документ является гибким и довольно быстро реагирует на вызовы террористических активистов.

Но до создания Контртеррористической Стратегии в рамках сотрудничества государств-членов ООН было принято в общей сложности 16 международных актов, которые регулируют вопрос борьбы с терроризмом и по своей сути являются универсальными документами.

В целом, данные международно-правовые акты разделяются по категориям преступлений. Выделим пять основных категорий преступлений, по которым идет разделение: преступления, объектом которых выступают морские суда; преступления в сфере защиты гражданской авиации; связанные с опасными материалами (в это понятие входят взрывчатые, химические, ядерные и иные опасные вещества); касающиеся сферы финансирования терроризма; преступления, которые касаются статуса потерпевших (то есть, речь идет о документах, связанных с захватом заложников и международной защитой должностных лиц).

Каждая из приведенных классификаций регламентирована конкретными конвенциями, и для более четкого понимания представляет необходимым проанализировать несколько примеров к каждой категории.

1. Пекинская конвенция, связанная с актами в отношении международной гражданской авиации (2010 год) - данный документ является объединением текстов Монреальской конвенции и Протокола к ней. Представленной Конвенцией расширяются классификации деяний и способов его совершения, которые по существу положений данного документа будут являться актами терроризма. Таким образом, террористическим актом будет признаваться: любое использование воздушного судна в целях нанесения ущерба или значительного увечья человеку, окружающей среде, а также имуществу; высвобождение и выбрасывание или же использование на борту самолета любого БХЯ (данный термин в соответствии с исследуемой Конвенцией обозначается биологическое, химическое или ядерное оружие) и другие деяния, ранее установленные конвенцией 1971 года.

Положения Пекинской конвенции несут основную цель – сконцентрировать внимание на том, что деяния направлены на причинение вреда жизни, здоровью или имуществу лиц вне пределов судна, с нарушением императивных запретов на использование БХЯ. Конвенция также устанавливает меры ответственности юридических лиц, которые финансируют терроризм – государства в соответствии с принципами национального права использует необходимые меры.

2. Чикагская конвенция «О международной гражданской авиации» (1944) - была принята в рамках обозначенной конференции, и ее ключевым положением предусматривалось создание ИКАО.

Данной конвенцией регулируется вопрос статуса воздушного судна и когда оно находится в эксплуатации, обязанность государств предпринимать институт наказаний за преступления по захвату судна, ограничивает сферу действия, предусматривая, что положения не распространяются на судна, занятые в службе. Конвенция также содержит интересное положение о том, что применяться документ будет как для международных рейсов, так и для полета на внутренних авиалиниях, при наличии одного из условий: место взлета или посадки вне пределов территории регистрации судна или же преступление было совершено на территории другого государства. Положение 3 bis Конвенции содержит положение о том, что государства не должны применять оружие против гражданских самолетов в полете и подвергать тем самым жизнь находящихся на борту, но имеет при этом право требовать посадить судно, которое совершает полет намеренно без специального разрешения.

3. Конвенция о предотвращении и наказания за преступления против лиц, находящихся под международной защитой.

Документом регламентируются субъекты, которые в случае совершения преступления, приобретают статус потерпевших: главы государств, правительств, главы министерства иностранных дел и члены их семей, которые находятся с ним в другом государстве, а также представители, консулы, должностные лица государств, агенты межправительственных международных государств, которые имеют специальное право на защиту от насильственных преступлений против его личности и свободы. Данная Конвенция и те меры по предупреждению нападений на должностных лиц, которые устанавливаются документом и должны осуществляться странами, которые данные субъекты посещают, действительно являются необходимыми, ведь угроза от террористов для них в некоторых случаях даже более велика, чем для мирового сообщества, и это подтверждается произошедшим в 2013 году убийством миротворцев миссии ООН в Судане [6].

Также принципиально важным документов в вопросе защиты лиц является Конвенция о борьбе с захватом заложников, которая регламентирует, какие действия могут квалифицироваться как захват лиц в целях влияния на государства, а также закрепляет положение о взаимной помощи государств друг другу в таких ситуациях посредством передачи важной информации и выдачи (о необходимости подобных положений свидетельствуют частые захваты заложников, например, во Франции,

особенно в январе 2015 года).

4. Конвенция о защите ядерного материала (1980);

Самым опасным видом терроризма в настоящее время является именно ядерный терроризм, поэтому вопрос о защите ядерных веществ от неправомерного использования террористами стоит очень остро.

Конвенция регулирует порядок экспорта, импорта и транзита материалов, международные уровни физической защиты таких компонентов при транспортировке внутри государства. Документом также устанавливается надлежащий режим защиты ядерных веществ, который должен обеспечить достижение целей, а именно защитить от кражи или иного захвата имущества. Дополнением к Конвенции также был добавлен ряд принципов по осуществлению защиты ядерных материалов, в частности, принцип сотрудничества государств в случае совершения противоправного деяния, ответственности стран при международной перевозке, принцип создания регулирующей основы и компетентного органа, обеспечения качества и конфиденциальности.

Важным документов в этой сфере является Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма, принятая в 2005 года. Данный документ стал уникальным, потому как был принят на основе консенсуса всех стран, без проведения голосования, и призван регулировать угрозу «на опережение», а не в качестве реакции на уже возникшую угрозу.

5. Конвенция о борьбе с деяниями, которые направлены против безопасности морских судов и протокол к ней - данный документ также устанавливает юрисдикцию государства в случае совершения преступления против морского судоходства и предусматривает условия для выдачи преступника в другие страны и иные положения.

6. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999 год) - является первым нормативно-правовым актом в международной практике, разграничивающим вопросы противодействия финансированию терроризма от пресечения террористических актов, то есть выделяет финансирование как отдельный вид терроризма [7].

Здесь же закрепляется определение такого преступления – это умышленное предоставление определенных средств, и лицо осознает, что средства будут использованы для совершения незаконного деяния, являющегося преступлением и на стадии подготовки к преступлению и покушению на него в соответствии с нормами международного и национального права (обязательство о криминализации данных деяний ложится

на государства, которые являются членами Конвенции). Юрисдикция по данным преступлениям может быть расширена и будет применяться не только в случае совершения на территории государства (включая судна под флагом) или гражданином страны, но также если само деяние было совершено ради совершения другого преступления на территории государства, на борту судна, которое используется этим государством, с целью понуждения главы государства совершить какое-то действие или в отношении граждан страны, правительственных объектов за границей, включая консульства.

В дополнении к обычным видам сотрудничества стран добавляются и иные, закрепленные статьей 18, в том числе положения о выдаче лиц и взаимной помощи в различных видах (например, обмен компетентными службами, в том числе посредством Интерпола, информацией о личности, подозреваемой в совершении противозаконного деяния, а также о перемещении денежных потоков).

Все обозначенные Конвенции имеют важное значение для международного сообщества и взаимодействия государств по предупреждению террористических актов и наказанию за уже совершенные. Следует отметить, что в каждой из Конвенций прописываются особые положения, которые регламентируют формы сотрудничества государств. В связи с этим, чтобы установить, так скажем, общие нормы, которые регулировали бы общий порядок и принципы осуществления таких форм сотрудничества, в 2008 году была принята Конвенция две формы сотрудничества государств по борьбе с терроризмом [8].

При международном сотрудничестве по исследуемому вопросу, государствами должны соблюдаться сами принципы такого сотрудничества, включая принцип выдачи лиц, помощи в уголовном преследовании, привлечении к ответственности также лиц, содействующих терроризмам.

Следует отметить, что в статьях Конвенции закрепляется положение о том, что преступления, которые предусмотрены всей нормативной базой по противодействию терроризму, не будут считаться политическими. Данное положение внесено в целях эффективной взаимной помощи, чтобы в будущем избежать возможной ссылки государств на этот факт как на основание отказа от выдачи лица. Государства также при передаче определенной информации может установить определенные требования на ее применение и использование.

Акты, которые регулируют процесс международного сотрудничества государств по противодействию терроризму, могут заключаться и на региональных уровнях (например, на уровне СНГ), а также непосредственно

между двумя государствами (примером может служить Соглашение между РФ и Республикой Беларусь о повышении эффективности взаимодействия в борьбе с терроризмом).

В связи с этим, не только включение самих международных и региональных актов в национальное законодательство посредством их ратификации, но также и имплементация самих норм данных актов во внутреннюю систему права просто необходима для наиболее эффективного осуществления мер по борьбе с терроризмом и единообразного регулирования данного вопроса, без противоречий в подходах к криминализации и квалификации совершенных деяний [9].

Представляется необходимым раскрыть процесс имплементации норм международных актов, связанных с борьбой с терроризмом, на примере Российской Федерации. Россия вносит вклад в становление международной нормативной базы по исследуемому вопросу, которая предусматривала бы формы сотрудничества государств и меры по эффективному предотвращению террористических актов. Например, нашей страной был внесен неоценимый вклад в Резолюцию 2199 (2015), связанную с деятельностью «Исламского государства» и предусматривающую противодействие усилению этой и иных группировок за счет финансирования от нефтедоходов и притока иностранных боевиков.

Российская Федерация последовательно имплементировала во внутреннее законодательство положения важнейших источников международного права в сфере борьбы с терроризмом и легализации преступных доходов, в частности Резолюции Совета Безопасности ООН 1999, 2001, 2003 годов. Имплементация была осуществлена путем принятия Указов Президента РФ [10] и последующего внедрения положений в различные федеральные законы.

Ряд вышеперечисленных Конвенций по видам террористических преступлений был ратифицирован еще в период существования СССР, и Россия, как продолжитель членства Союза в ООН, также на них опирается. По сути, Уголовный кодекс РФ основан на положениях УК РСФСР и Конвенциях ООН посредством имплементации их норм.

Примером может служить статья 211 УК РФ, предусматривающая ответственность за захват водного транспорта, воздушного судна или ж/д состава. Юридическим источником данной статьи является Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 1970 года. Помимо этого, полная юридическая основа статьей 205, 206 и 221 УК РФ также усматривается в международных Конвенциях, о которых речь велась ранее – Конвенция о захвате заложников и Конвенция о защите ядерных ма-

териалов. Следует также отметить Федеральный закон № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии», положения которого также имплементированы из международных правовых актов.

В России также существует имплементация правоприменительная – такой обладают некоторые соглашения в рамках СНГ, Европейская конвенция о пресечении терроризма и Токийская конвенция, которые не содержат положений об обязательной имплементации, но меры, ими установленные, исполняются (например, процесс обмена информации и экстрадиция виновных лиц, если невозможна их выдача).

Таким образом, следует подчеркнуть, что на международном уровне имеется широкий правовой инструментарий в вопросе противодействия терроризму, но

реализация тех мер и механизмов, что предусмотрены конвенционным сотрудничеством, зачастую зависит от множества факторов, например, политической обстановки и размытости толкования термина «терроризм» во внутренних законодательствах. Несмотря на попытки имплементировать нормы в национальные документы, не все государства готовы идти на это, считая подобные шаги посягательством на свой суверенитет, что осложняет процесс единообразного регулирования рассматриваемого вопроса. Но постоянное совершенствование международных актов и работа с государствами-членами таких соглашений, определенно предусматривает бурное развитие сотрудничества государств на международной арене и последующего выделения системы осуществления мер по защите безопасности мира от глобальной угрозы – терроризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. - с. 233.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 27.10.2020) – (Дата обращения – 01.12.2020)
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.
5. Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident an Lockerbie (Libyan Arab Jamahiriya v. United States of America), Provisional Measures, Order of 14 April 1992, I.C.J. Reports 1992, p. 114), (Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/icjwww/icoocket/ilus/ilusframe.htm>)
6. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_protected_persons.shtml
7. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999) // Бюллетень международных договоров – 2003 - №5 – с. 10 - 23.
8. Конвенция о взаимной правовой помощи и выдаче в целях борьбы с терроризмом 2008 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/extradition_mutlegal_assist.shtml
9. Милецкий Владимир Петрович Международный терроризм: политико-правовое измерение теории и практики противодействия // Всероссийский криминологический журнал – 2017 - №1.
10. Принятие резолюций Совбеза ООН: все Указы Президента РФ. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199515/23c447b967e7a4426596be7f9c31393fe7da9313/ - (Дата обращения – 04.12.2020)

© Чувахин Петр Игоревич (chuvakhin.petr@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО КОРРУПЦИОНЕРА

SOCIO-CRIMINOLOGICAL PORTRAIT OF A MODERN CORRUPTIONER

*M. Yavorsky
M. Stepanov*

Summary: The article attempts a comprehensive analysis of the most significant socio-criminological aspects of corruption crime, with an emphasis on the study of individual dominants of individuals who are potentially focused on such deviant behavior. The presented research focuses on the analysis of the personality features of a modern corrupt official, with the identification of its negative attitudes, individual dominants, which are the results of psychological deformation; The author's socio-criminological portrait describing the type of the generalized subject of corruption-related crimes is proposed.

Keywords: corruption, individual characteristics, criminological portrait, modern corrupt official.

Яворский Максим Александрович

*К.ю.н., доцент, Самарский государственный
экономический университет
yavorm@mail.ru*

Степанов Михаил Евгеньевич

*Самарский государственный экономический
университет
step060696@mail.ru*

Аннотация: В статье предпринята попытка комплексного анализа наиболее значимых социально-криминологических аспектов коррупционной преступности, с акцентом на изучение индивидуальных доминант лиц, потенциально ориентированных на подобное девиантное поведение. Представленное исследование сосредоточено на анализе особенностей личности современного коррупционера, с выявлением ее негативных установок, индивидуальных доминант, являющихся результатов психологической деформации; предложен авторский социально-криминологический портрет, описывающий типаж обобщенного субъекта преступлений коррупционной направленности.

Ключевые слова: коррупция, индивидуальные характеристики, криминологический портрет, современный коррупционер.

В последние годы устойчивый интерес у исследователей вызывает личность коррупционера. Данный феномен образует совокупность его устойчивых индивидуальных черт, системное изучение которых позволяет с высокой степенью вероятности предположить, как конкретный субъект поведет себя в определенной ситуации; каким образом он может среагировать на проведение, например, оперативного эксперимента, насколько быстро он адаптируется к меняющимся условиям. Особое внимание экспертов привлекает анализ шкалы контроля индивида за своим поведением, как в целом, так и в частных проявлениях, диктуемых спецификой коррупционных факторов. Вместе с тем не остаются без внимания навыки выстраивания отношений в обществе, коллективе, корпоративной группе, свойственные указанным субъектам, которые, как правило, коммуникабельны и умеют добиться расположения окружающих.

Авторами предпринята попытка сопоставления личностных характеристик законопослушного гражданина с доминантами субъекта, у которого присутствует склонность к совершению преступлений коррупционной направленности. Рядовой обыватель, за редким исключением, весьма позитивно относится к традиционным социальным ценностям – работе, учебе, семье, детям, друзьям. Большинству членов общества свойственно оптимистичное восприятие происходящих событий. В случае возникновения проблем они пытаются их решить доступными способами, не выходя за рамки, очерчен-

ные законом. Законопослушного гражданина отличает адекватная самооценка, он ставит перед собой общественно полезные цели и стремится при их достижении занять достойное место в социуме [1, с. 41].

Кардинально другое мировосприятие присуще коррупционеру. На первое место у него выходят негативные установки, через призму которых он оценивает все, что происходит с ним и вокруг него. Система ценностей у рассматриваемой категории лиц искажена [2]. Критика собственного поведения и значимых действий у них зачастую полностью отсутствует или снижена. Подобные субъекты безразлично относятся к общественному мнению, равнодушно воспринимая внешние «месседжи». Иногда имеет место западение самооценки, что связано с ситуацией, когда по каким-то причинам человек не нашел себя в социуме или считает себя недооцененным окружающими.

Не вызывает сомнений, что фундаментальные морально-нравственные принципы, являются результатом конкретных социальных процессов. Между этими звеньями существует прямая зависимость. Насколько этические установки, воспринимаются конкретным лицом, способен ли он к их правильному применению в складывающихся обстоятельствах, определяет его дальнейшие поступки. В итоге нередко формируется тип личности с четкой криминальной установкой, ориентированный на совершение коррупционных преступлений.

С одной стороны, коррупционер – это умышленный преступник, с устойчивой криминальной направленностью личности. Поэтому у него выделяются общие черты, свойственные всем представителям криминального сообщества. С другой стороны, данная преступная группа настолько специфична, что для нее характерен целый ряд индивидуальных отличий [3], которые мы попытаемся обозначить. В то же время внешне эти лица выглядят, как законопослушные граждане.

Методом случайной выборки нами были изучены по специальной программе пятьдесят уголовных дел по коррупционным составам, что позволило получить результаты, отличающиеся репрезентативностью. В частности, обобщение материалов показало, что лица, привлекаемые к ответственности, за взяточничество, как правило, имеют семью (93%). Они состоят в браке, воспитывают несовершеннолетних детей, в среднем не меньше двух (61%). В бытовых характеристиках содержатся сведения о них, как заботливых супругах и родителях. Более того, получение незаконного вознаграждения они нередко пытаются объяснить сложностями материального положения своей семьи, желанием помочь кому-то из близких решить возникшие проблемы (по 97% дел).

С позиций отношения к служебным обязанностям изучаемые субъекты проявляют себя, как добросовестные работники. Они демонстрируют высокий уровень профессиональной компетентности, что позволяет им добиваться карьерного роста, причем достаточно быстро. До момента возбуждения уголовного дела данные лица показывают себя исключительно с положительной стороны, отличаясь служебным рвением, корпоративной преданностью, умением строить отношения с руководством и в коллективе. Все перечисленные факторы отражаются в их служебных характеристиках, представляемых работодателями в ходе расследования преступлений (98%).

По изученным уголовным делам установлено, что подавляющее большинство фигурантов имеют высшее образование (89%), в ряде случаев не одно (15%). Обращает на себя внимание следующий фактор: по 54% дел у обвиняемых было экономическое или юридическое образование, у остальных техническое (35%), в том числе, в сфере программирования (18%). По конкретным уголовным делам никто из обвиняемых не имел каких-либо психических отклонений, не состоял на учете у психиатра (100%).

В целом мировоззрение указанных субъектов на момент совершения противоправных действий коррупционного характера оценивается, как полностью сформировавшееся. При этом они отличались работоспособностью, исполнительской дисциплиной, креативностью мышления. Таким образом, их деловые качества

по общепринятой оценочной шкале можно обозначить как высокие, личностные характеристики соответствуют среднестатистическому уровню.

В криминологической литературе длительное время отстаивался тезис, что к совершению актов коррупции фигурантов подталкивают финансовые проблемы. Между тем современные исследования опровергают подобное понимание. Они подкреплены статистическими выкладками, согласно которым подавляющее большинство коррупционеров относятся к категории лиц с высоким (или выше среднего) материальным уровнем. По изученным делам усматривалось, что у 66% обвиняемых доход был выше среднего. Данный фактор имеет объективную составляющую, поскольку приметой последнего времени стало привлечение к уголовной ответственности лиц, имеющих отношение к высшим эшелонам власти. Последние в ряде случаев занимали посты государственной и муниципальной службы (11%), работали в правоохранительных органах (7%).

Субъекты коррупционной деятельности по наличию публичного статуса условно делятся на два типа:

1. представители высшего эшелона власти, обладающие широким объемом полномочий, необходимых для осуществления определенной государственной функции (этому сегменту свойственно взяточничество в виде получения незаконного вознаграждения за действия, входящие в круг их служебных обязанностей, но в данном случае они используют эти полномочия в корыстных целях);
2. лица, которые выступают, как взяточдатели, и стремятся таким образом получить лично для себя некие незаконные преимущества.

Нами предпринята попытка обозначить структуру субъектов преступлений данной группы по степени их подверженности коррупции. По этому критерию выделяется пласт чиновников. Как правило, это представители исполнительной власти, обладающие организационно-распорядительными функциями, имеющие доступ к бюджетным средствам и значительный объем компетенции. В их числе, руководители министерств и ведомств, их заместители; главы регионов, городов и других населенных пунктов; сотрудники правоохранительных органов; судьи; должностные лица органов, осуществляющих разные виды контроля; работники служб – судебных приставов-исполнителей, налоговой, таможенной, миграционной. В другой ветви власти – законодательной случаи коррупции также имеют место быть, но выявляются они, имея в качестве продолжения возбуждение дела с полноценным расследованием и постановлением обвинительного приговора намного реже. Объективно это имеет свои причины, прежде всего, в виде индугенции от привлечения представителей депутатского корпуса к уголовной ответственности, в связи с нали-

чем у них статуса неприкосновенности (депутатский иммунитет). Ученые и представители общественных организаций неоднократно указывают на необходимость отмены упомянутой привилегии, что, безусловно, будет иметь положительный эффект и снимет двойные стандарты в этом кластере.

Как показало изучение уголовных дел по коррупционным составам, рецидив в рассматриваемом сегменте преступлений незначителен, порядка 4%, причем в 96% случаев это лица, которые являлись посредниками в передаче незаконного вознаграждения. От общего количества всех осужденных за коррупционные действия, больше половины получили взятку при отягчающих обстоятельствах; значительная часть - это субъекты, оказывающие посредничество в передаче незаконного вознаграждения.

Специальный рецидив дает только мнимое посредничество, под которым понимают ситуацию, когда некое лицо предлагает посреднические услуги взяткодателю. В этом случае оно берет от него денежные средства или ценности, убеждая его в том, что они будут переданы конкретному должностному лицу в качестве взятки за определенные действия в интересах дающего. Однако по факту незаконное вознаграждение никому не передается, а предмет взятки просто присваивается.

Здесь возможны криминальные вариации. В первом случае до самого момента завладения деньгами, мошенник уверяет потенциального взяткодателя в том, что у него близкие отношения с чиновником и это позволит ему решить тот вопрос, который интересует дающего. Во втором случае, взяткодателю намеренно передается несоответствующая действительности информация о возможностях посредника, якобы контактирующего с должностным лицом. Исходя из этого ложного посыла, взяткодатель сам пытается уговорить предполагаемого посредника передать незаконное вознаграждение. Причем последний, соглашается на это только после длительных уговоров, явно демонстрируя отсутствие личной заинтересованности в такой передаче.

Ряд исследователей провели анкетирование среди лиц, ранее осужденных за подобные преступления. Более 70% из них заявили, что им было известно о незаконности совершаемых действий. При этом 96% респондентов рассчитывали на свою безнаказанность и были убеждены в том, что смогут избежать наказания. Подавляющее большинство опрошенных считали, что суд определил им чрезмерно суровое наказание, оценивали его, как несправедливое [4, с. 203].

Изучение личности коррупционеров по конкретным уголовным делам региональной судебной практики в сопоставлении их со статистическими данными выяви-

ло, что возрастные показатели лиц, совершающих такого рода преступления, имеют тенденцию к снижению. Буквально 10-15 лет тому назад взяточничество в форме получения незаконного вознаграждения было характерно для лиц, в сегменте 37 – 38 лет. В настоящее время это более молодая возрастная группа, около 32 – 33 лет (87%). Объективно подобное омоложение связано с тем, что молодежь сразу после получения образования начинает активно заниматься построением карьеры, добиваясь определенного служебного роста именно в этих возрастных границах.

Возраст взяткодателей несколько выше, в сегменте 35 – 50 лет, то есть охватывает практически весь период активной трудовой деятельности. В случае группового взяточничества, основной фигурант, чаще всего, старше по возрасту, соучастники моложе. Организатор коррупционного преступления, вовлекая их в криминальную схему, нередко пользуется своим личным авторитетом и служебным положением. Фактически в числе его подельников оказываются подчиненные. Однако их противоправная деятельность никак не является проявлением исполнительской дисциплины, а образует состав коррупционного преступления.

Установленная по результатам исследования возрастная граница и социальный статус субъекта коррупционной деятельности вполне понятны, поскольку речь о возможности принятия решения о совершении заведомо незаконных действий, с использованием своих служебных полномочий. Последние соответствуют статусу руководителя, с широкой областью компетенции и доступом к финансовым потокам и имуществу организации.

Прежде чем получить должность такого высокого уровня, лицо должно получить высшее образование, сделать карьеру, пройдя по ней ряд ступеней, у него имеется определенный трудовой стаж. Такой фигурант обладает личным жизненным опытом, деловыми контактами, нередко по вышестоящей линии, в муниципальных структурах и правоохранительных органах. У него зачатую безупречная репутация и внешне он выглядит респектабельно.

Изучая уголовные дела данной категории, мы обратили внимание на то, что их фигурантами, в основном, были руководители. Вполне объяснимый факт, поскольку именно у этих должностных лиц есть потенциальная возможность заниматься коррупционной деятельностью.

Тенденцией последнего времени стало появление в этом сегменте лиц высшего звена государственной службы. При наличии группы, в качестве соучастников они привлекают сотрудников-подчиненных. Коррупцио-

неры вообще редко действуют по одному. Им свойственно искать единомышленников и объединяться по принципу криминальных сообществ. Проанализированные уголовные дела показывают, что нередко их фигуранты имели длительные отношения и знали друг друга до начала совместной противоправной деятельности. Например, вместе служили в армии; работали; учились; были родственниками и друзьями. В этой связи мы согласны с мнением ряда авторов, что взяточничество подпитывается протекционизмом, фаворитизмом и непотизмом (от лат. *peros*, род. п. *perotis* «внук; племянник»).

С точки зрения половой принадлежности, в недавнем прошлом, это были практически на сто процентов мужские преступления. В настоящее время противоправные действия коррупционной направленности совершают и женщины (28% от общего количества изученных уголовных дел). Причем доля женщин среди данной категории преступников почти в два раза выше, чем доля женщин во всех остальных преступлениях.

В теории пристальное внимание уделено изучению мотивов поведения коррупционера. Ранее считалось, что единственным для этого вида преступлений является корыстный мотив. Однако в настоящее время сложилось иное понимание. Многие авторы полагают, что подобные действия зачастую совершаются по причине жадности власти, из желания быстро и любым способом сделать карьеру. Указанные субъекты стремятся стать заметными, выделиться из общей массы, завоевать авторитет у окружающих. В этой связи корысть, безусловно, у них присутствует, однако она не основной мотив, а субсидиарный.

Субъект, склонный к коррупционным проявлениям, все же ориентирован на получение материальных ценностей, иная составляющая для него менее важна. При возникновении коллизии между общественными и личными интересами, он всегда делает выбор в пользу последних. Большинство фигурантов подобных дел страдают от вещизма, стремясь к бессмысленной роскоши. Показательно в этом смысле уголовное дело в отношении экс-главы Республики Коми Вячеслава Гайзера, в ходе которого был проведен обыск в рабочем кабинете губернатора. При этом были обнаружены денежные средства в весьма значительной сумме, коллекция часов (30 часов различных марок), со стоимостью каждого экземпляра порядка одного миллиона долларов и ручка из чистого золота.

У лиц, совершающих преступления такого рода отсутствует «антикоррупционная устойчивость» [5]. Они не способны сказать твердое «Нет!» предложениям о незаконном вознаграждении. Сложность нравственного выбора, завершающегося принятием решения о допустимости для конкретного субъекта подобных действий,

перерастает, как правило, в системное поведение, когда получение взятки становится для таких лиц нормой и обыденностью. Более того, они нередко пытаются подвести под свои противоправные действия определенную идеологию, стараясь оправдать их совершение, например, служебными интересами. По существу человек признает за собой право на стяжательство, после чего нравственная деградация происходит весьма быстро. Одновременно с разрушением социальных установок, обесцениванием того, что прежде было значимо и дорого, у коррупционера формируются свои искаженные представления о допустимом поведении, справедливости.

В теории выделяются некоторые показатели, которые позволяют определить наличие у субъекта предрасположенности к коррупционным проявлениям. В их числе оценка степени удовлетворенности уровнем жизни, полученной профессией, своим личным статусом и самооценкой.

С позиций удовлетворенности уровнем жизни выделяют высокие, средние и низкие значения. Естественно, чем выше уровень удовлетворенности, тем более устойчиво лицо к коррупционно-провоцирующим факторам. Уровень нравственного развития личности, ее правовой культуры напрямую связан со способностью контроля за своим поведением. В этом смысле есть понимание, что надо самому управлять своей жизнью, определяя ее направленность. Однако есть устойчивое мнение, что человека делает его окружение, а все его поступки предопределены.

Исходя из этого, представители психологической науки говорят о так называемых локусах контроля: 1) интернальном; 2) экстернальном.

Представители первого разряда полагают, что за все события, происходящие с ними, они несут личную ответственность, значимые решения ими принимаются самостоятельно. Для коррупционеров такое поведение не свойственно, большинство из них относится к второму локусу контроля, пытаясь переложить ответственность на внешние факторы, им свойственны фаталистические настроения [6, с. 317-319].

С точки зрения поведенческого уровня выделяют несколько типов реагирования: импульсивный и рефлексивный. Первому виду свойственно спонтанное эмоциональное реагирование на внешние раздражители. Второму виду присущ детальный логический анализ происшедшего, с попыткой оценить свои действия в конкретной ситуации, с высоким уровнем критики и возможность сделать выводы из случившегося. Мы присоединяемся к мнению, высказанному рядом авторов, что к коррупционной деятельности, склонны в большинстве

своим представителями импульсивного типа реагирования [7, с. 106].

Проведенное исследование позволило нам сформулировать следующие выводы.

1. В самом общем виде психологический портрет современного коррупционера характеризуется тем, что это полностью сформированная личность, с искаженными нравственными установками. Ей присущ экстернальный локус контроля, импульсивные реакции. Проведенное исследование, обобщение материалов изученных уголовных дел показало, что большинство коррупционных преступлений совершаются мужчинами (72%). Однако в последнее время отмечается устойчивый рост числа женщин, совершающих подобные противоправные деяния, как правило, они выполняют посреднические функции при передаче незаконного вознаграждения.
2. Подавляющему большинству взяточников свойственна неоправданно завышенная самооценка, сопровождающаяся отсутствием внутреннего контроля за своими поступками. Данные лица отличаются ярко выраженной амбициозностью, в сочетании с убежденностью, что общество их недооценивает.
3. Мотив совершения преступления, у коррупционеров, как правило, корыстный, во главу угла ими ставятся личные интересы, стремление незаконно обогатиться; эти лица достаточно циничны; неуважительно относятся к окружающим, хотя в открытую конфронтацию вступают редко, маскируя свою деятельность под законопослушное поведение. Рецидив для коррупционных преступлений, как правило, не характерен.
4. Социально-криминологический портрет современного коррупционера выглядит следующим

образом: это мужчина, в возрасте 35 лет, ранее не судимый, имеющий высшее образование, женатый, воспитывающий малолетних детей, хороший муж, заботливый сын и отец, занимает высокую должность, на службе пользуется авторитетом у вышестоящего руководства и подчиненных, достаточно быстро сделал карьеру, проявил себя, как компетентный специалист, профессионал, с высоким уровнем исполнительской дисциплины и нестандартным мышлением.

5. Среди причин, которые способствуют тому, что обычный гражданин становится коррупционером, следует отметить экономическую нестабильность; снижение рычагов государственного контроля; не последовательность действий в борьбе с взяточничеством; достаточно нейтральное отношение общества к проявлениям коррупции, где подавляющее большинство населения не осуждает подобные акты, воспринимая их, как норму.
6. Подобные преступления имеют потенциальную жертву – это либо тот, у кого вымогают взятку, либо тот, кто пытается ее дать, провоцируя на получение незаконного вознаграждения должностное лицо. Данным лицам коррупционными действиями причиняется материальный ущерб.
7. Профилактическую работу с коррупционными проявлениями, возможно, оптимизировать путем создания банка данных взяточников, причем не только тех, в отношении которых имело место привлечение к уголовной ответственности и осуждение, но и тех, по которым имеется оперативная информация о совершении подобных действий или о планировании таковых. Систематизацию данных целесообразно проводить в цифровом формате, что позволит своевременно пополнять банк, внося в него дополнительные сведения и проводя необходимые корректировки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сердюк Л.В. К вопросу о понятии коррупции и мерах её предупреждения // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 41-43.
2. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-factory-korrupsii> (дата обращения: 06.03.2021).
3. Китова Д.А., Журавлев А.Л., Соснин В.А., Юревич А.В. Коррупция в предметном поле психологических исследований // Гуманизация образования. 2017. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-predmetnom-pole-psihologicheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 06.03.2021).
4. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2015. 368 с.
5. Пастушеня А.Н. Антикрупционная устойчивость личности: психологическая характеристика // Вестник МГУКИ. 2013. №6 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupcionnaya-ustoychivost-lichnosti-psihologicheskaya-harakteristika> (дата обращения: 06.03.2021).
6. Абдуразаков М.В. Основные направления осуществления антикоррупционной политики в России // Молодой ученый. 2018. № 21. С. 317-319.
7. Степаненко Ю.С., Степаненко Д.Ю. Проблемы борьбы с коррупцией на современном этапе // Закон и право. 2018. № 7. С. 104–106.

© Яворский Максим Александрович (yavorm@mail.ru), Степанов Михаил Евгеньевич (step060696@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Ason T. – PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

Brendelev A. – MGIMO MFA of Russia

Burganov R. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kazan State University of Architecture and Civil Engineering

Chuvakhin P. – Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation; Senior Lecturer, Russian State University of Justice, Moscow

Dmitrieva M. – Graduate student, Russian University of Transport (Moscow)

Dubrovsky A. – PhD in Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

Dubrovsky A. – PhD in Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

Ekimenko O. – MGIMO MFA of Russia

Elshin L. – Doctor of Economics, Kazan (Volga Region) Federal University

Filimonov A. – Lecturer, Vladivostok branch of the Federal State Educational Establishment of the Russian Federation for the "Twenty Russian Interior Ministry"

Gainullina N. – Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Gorbunova O. – PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

Guliev I. – MGIMO MFA of Russia

Iontsev M. – postgraduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Isakov A. – candidate of legal sciences, associate professor, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik

Karavaeva Yu. – Candidate of Economics, Associate Professor, Bryansk State University

Klimenko T. – Candidate of Economics, Researcher, Kazan National Research Technological University

Kudryavtseva S. – Doctor of Economics, Associate Professor, Kazan National Research Technological University

OUR AUTHORS

Kushelevich D. – MGIMO MFA of Russia

Kushkhov Kh. – senior lecturer, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik

Mandron V. – Ph. D., Associate Professor, Bryansk State University

Mirzoev Z. – senior lecturer, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik

Morkovkin D. – candidate of economic Sciences, associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Pantyukhina G. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Ural State Law University

Popov V. – post-graduate student, Moscow Witte University, Moscow

Puryskina V. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art)"

Safullin M. – Doctor of Economics, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University.

Scherbakov V. – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Leading Researcher, IE RAS,

Scherbakov V. – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Leading Researcher, IE RAS,

Shinkevich M. – D.I. Mendeleev Russian University of Chemical Technology

Ustinova O. – PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

Vasileva Ya. – candidate of legal sciences, associate Professor, North-West Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda

Zaiko T. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Ural State Law University

Zverev A. – PhD, Associate Professor, Bryansk State University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).